

Библиотека сайта «zhistory.org.ua»

К. Закорецкий

Война теорий о 1941-м

*Часть 1-ая
«Готовность номер один»*

tofi kime
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДИЗАЙН ПОЛИГРАФИИ
Киев - 2013

УДК 94(47+57)»1941/1945»(02.072)
ББК 63.3(2)622
3-19

Автор: Кейстут Закорецкий

3-19 Война теорий о 1941 г. Часть 1-ая. Готовность номер один.
Автор: К. Закорецкий –К.: – ООО «Тофи Киме», 2013. – 256 с.

ISBN 978-966-97183-9-6

В этой книге выполнен комментарий научности текста 3-й части 1-й главы 1-го тома издания «Великая Отечественная война 1941-1945 годов». В 12 т. Т. 1. «Основные события войны». М.: Воениздат, 2011. – 848 с., ил.

Заявленная научность в указанном издании страдает многими ошибками. В связи с чем последующие тома могут отойти от исторической правды еще больше.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей СССР.

УДК 94(47+57)»1941/1945»(02.072)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-966-97183-9-6

© Закорецкий К. С., 2011-2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	4
1. ТЕНДЕНЦИЯ	6
2. О ПРАВИЛЬНЫХ ФАКТАХ	20
3. О ТОРГОВЛЕ С ГЕРМАНИЕЙ	48
4. О ПОДГОТОВКЕ К НЕИЗБЕЖНОМУ	56
5. ИСЧЕРПЫВАЮЩИЙ ОТВЕТ	95
6. ОТСУТСТВИЕ ХОРОШО ПОДГОТОВЛЕННЫХ КАДРОВ	147
7. ПЛАНЫ ОБОРОНЫ	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	254

ВСТУПЛЕНИЕ

За последнее десятилетие было написано и издано много книг о Великой Отечественной войне. Но в основном их авторы не были профессиональными историками. В связи с этим не обходилось без разных претензий в их адрес. То тут, то там возникали жаркие дискуссии с попытками устранить различные заблуждения новых версий. Но годы шли, а «общий знаменатель» все не появлялся. И безмолвно витал над всем этим безответный вопрос: а какое мнение к таким книгам имеет серьезная наука история? Согласна ли она с подобными гипотезами? Может ли она их как-то уточнить или с ходу опровергнуть? Но молчала наука. Разве что откликаясь недлинными статьями в малоизвестных журналах. А если и в известных, то лишь иногда и тоже статьями не особо длиннее.

И вот случилось чудо – наконец-то коллектив профессиональных военных историков подготовил и издал первый том фундаментального научного академического труда о той войне. И тут же для каждого любителя военной истории возникла потребность его тщательно прочитать. И сделать для себя ответ на этот самый безответный вопрос. Дальше он безмолвно витать уже не может. Наука свое веское слово наконец-то сказала. Остается с ним ознакомиться. С пожеланием поставить точку (в теме).

Вот об этом и пойдет речь в данной книге. Как оказалось, быстро поставить точку не получилось. Пока чтение не дошло до последней точки (в первой главе). И пришлось ее таки поставить (в тексте). А какой возник ответ на безмолвный вопрос, – в двух словах не расскажешь. Как оказалось, не все так просто с научной точки зрения. Да и сочинялся этот «научный ответ» длинным тернистым путем. С многочисленными отступлениями, с многоплановой подготовкой и с интригой ожидания «окончательного решения».

Но несмотря на неординарный вид итогового вывода, в конце пути не обошлось и без чувства облегчения. Тревожное ожидание безответности науки пропало. Её можно только поблагодарить за озвученный труд. А какой для себя может возникнуть вариант этого самого ответа на безмолвный вопрос – не исключен разброс мнений. От радостного «даешь науку!» до «ну, наука, и дает!» Как показало чтение, «изобразила» она такое, изучить которое за один присест не удастся. Мне пришлось потратить полгода, особенно на чтение между строк (там такое [не] написано!). Иногда в день мне удавалось осилить два-три предложения. Или один абзац. И не потому, что в сон тянуло. Тянуло в другое место – раскрыть книжки из своего архива, заняться поиском в Интернете, посетить библиотеку, пообщаться на исторических форумах. А результат превратился в эту рукопись.

1. ТЕНДЕНЦИЯ

*«Вы наивно считаете, что факты в истории – главное.
Откройте глаза: на них уже давно никто не обращает внимания!
Главное – их трактовка, угол зрения и массовая пропаганда».*

Мединский В. Р., доктор полит. наук,
доктор историч. наук (2011), профессор МГИМО
при ответе А.Исаеву в дискуссии в Интернете.

1.

2011 год оказался для меня годом ожиданий. Одним из них было ожидание к 70-летию начала войны «ответа» профи-историков на разные в прошлом попытки её «фальсификаций». Я гадал: будет или не будет? Дата серьезная, тот самый важный «обед», к которому дорога «ложка». Могли бы уже наконец-то громыхнуть самыми-самыми настоящими документами из уже давно открытых спецхранов и закрыть тему. Но время шло, а гулкий звон от такого грохота все не появлялся. Прошла зима, потом весна, потом настал июнь, а среди интернет-тусовки по проблемам истории никаких особых возбуждений не возникало.

Лишь на некоторое время появлялись не сильно длинные беседы по поводу анонсов новых книг «известного военного историка» Алексея Исаева «к 70-летию». Но они в основном касались ситуации «после» 22 июня 1941 г., будучи лишь уточнением уже известных сведений о «цвай дивизион», куда-то уходивших по определенному плану и обстановке. Во-вторых, его соображения к «ответу» профи-специалистов пока не относились: Алексей Валерьевич лишь готовился к защите своей первой диссертации. Хотелось бы дождаться веского слова умудренных опытом и знаниями докторов и профессоров. Будет или не будет?

В преддверии 22 июня одно мнение возникло (по телевизору). В показанном в воскресный вечер публицистиче-

ском фильме выступил доктор исторических наук Михаил Мельтюхов на пару с «любителем» Марком Солониным. Действительно, они весь фильм проговорили о всяком разном. В основном о пред-истории проблемы. Но когда дошли до самого главного: к дате 22.06.1941 г., – на экране сначала появилась реклама первых джинсов для годовалых малышей, а затем снизу-вверх заскользили титры фильма с фамилиями авторов. Мне даже захотелось крикнуть: «– *И это все? Эй! Стой! Куда?*». Но кричать было бесполезно. Я так и не понял, это была «часть 1-ая»? И когда-то потом возникнет «часть 2-ая (продолжение)»? Хорошо, опять предадимся ожиданию.

И вот, когда лето 2011-го года стало подбираться к своему zenиту, в середине июля по Интернету разнеслась весть о новой статье Виктора Суворова, в которой он с привычным своим мастерством полемиста развенчал работу наконец-то профи-специалистов – шеститомник «65 лет Великой Победы».

Прочитал я статью Виктора Суворова с интересом. А также с пониманием, что это издание – не то, что я ожидал. Извините, «65 лет Великой Победы» – это прошлый 2010 год. Хотя, конечно, было бы интересно почитать и оригинал. Время у меня было, Интернет под рукой – долго искать не пришлось. Довольно быстро поиски привели меня на сайт МГИМО и оказалось, что шеститомник (можно сказать), «внутреннее» издание этого учебного заведения. Их издательство издает много разной специальной литературы небольшими тиражами. Среди них оказались и 6 томов «К Победе».

Но текстов в полном виде я там не нашел. Зато нашел приглашение посетить на их сайте подборку статей по разным темам истории, в т.ч. обсуждение шеститомника. Подборку посетил. Обсуждение не нашел. Нашел разные статьи. Одна заинтересовала – «Советская внешняя политика и НКВД СССР в мае 1939 – июне 1941 гг.: новая тактика». Автор – А. В. Мальгин – советник ректора МГИМО, канд.полит. наук., доцент кафедры международных отношений и внеш-

ней политики России МГИМО (У) МИД России, член российско-польской Группы по сложным вопросам.

О! Ну наконец-то! Это уже не уровень историка-заочника аспиранта А.Исаева! Советник ректора! Кандидат наук! «– Ну-ка, ну-ка», – подумал я, – *«посмотрим, как же он объясняет поездку Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.»*

Сначала я прочитал статью быстро. Дошел до конца. Вернулся к началу и опять стал перечитывать, но медленнее с мыслью, может я чего-то пропустил? Опять дошел до конца. Перечитывать третий раз желание не возникло. Возникло понимание, что специалист по истории дипломатии, советник ректора самого главного дипломатического университета в своей статье о 1940-1941 гг. одно из важнейших дипломатических событий того времени (поездку Молотова в Берлин) даже не стал упоминать. Странно как-то! Может это я чего-то не понимаю? И поездка Молотова в Берлин на самом деле не относилась к важным дипломатическим событиям того времени? Мало ли куда и зачем он ездил в том году? Может и статьи не хватит всего перечислить?

Но задавался вопросами я недолго. Оказалось, что в статье есть и другие странности. Например в ее конце я обнаружил странную логику объяснения:

«Выдвижение нацистской военной машины к границам СССР продолжается – 7 октября 1940 г. немецкие войска вводятся в Румынию. В ноябре, 20 и 23 числа соответственно, Венгрия и Румыния присоединяются к Тройственному пакту. Блок против СССР почти сколочен. 1 марта 1941 г. к нему присоединяется Болгария – можно приступить к военному планированию. 18 декабря принимается план ведения войны против Советского Союза – «план Барбаросса».

Смотрим и оцениваем последовательность событий: «блок» в целом «сколочен» ко 2 марта 1941 г. «Можно приступить»... И приступили! (18 декабря 1940 г.) (!?)

Но это не одна странность. Дальше говорится:

«Здесь показательна реакция Москвы на предложения британского правительства (письмо Черчилля), доведенные

до Сталина через посла С. Криппса. Сталин идет на беспрецедентный с августа 1939 г. шаг – напрямую встречается с британским послом и вместе с тем доводит содержание британских предложений до Берлина [89]. Что это – демонстрация лояльности советско-германскому сотрудничеству или попытка поугубить Германию советско-британским сближением?»

Смотрим на ссылку 89:

«89. ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 394–400. Док. 240. Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р. С. Криппсом в Кремле 3 июля 1940 г.»

Итак, по мнению автора статьи последовательность действий была примерно такой: немцы сколотили антисоветский блок ко 2 марта 1941 г., после чего (в декабре 1940) начали подготовку плана войны. А в качестве реакции на это безобразие Сталин (в июле 1940 г.) лично встречается с английским послом Криппсом.... И при этом поездка Молотова в Берлин в ноябре 1940 даже не упоминается!

Какой «глубокий научный анализ»! И «правильный» по современным понятиям? Это такая нынче тенденция в науке истории? Или как? Но дальше я не углубился в размышления. У меня нет никаких полномочий выставить претензии уважаемому автору. Видимо, были какие-то причины на такое его «виденье». Остается только «принять к сведению». И почему-то вспомнился анекдот, пришедший по Интернет-подписке: *в городе Задвиженске милиция раскрыла шайку, которая спекулировала фальшивыми документами. Но до суда дело не дошло. «– Они оказались оправданы», – объяснил доктор юридических наук сержант Сидоров.*

И желание как-то добыть эти самые шесть томов почему-то пропало. Тираж вышел, до библиотек доберется. Но надо ли искать там новую информацию «глядя по-дипломатически»? В смысле с умолчанием то тут, то там? А они сами даже не догадывались, что на умолчаниях истина не возникнет? Или цель как раз в том, чтобы до нее не докопаться? В стиле современной тенденции?

И я опять погрузился в ожидания.

2.

Но на удивление ждать пришлось недолго. В «живом журнале» Алексея Исаева вдруг промелькнуло сообщение, что в Интернете выложили 1-й том нового 12-томника «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945 ГОДОВ». «– О!» – подумал я, «– *Наконец-то!? Вот оно?*» («Ответ» профи-специалистов?) Я кинулся было скачивать, но первая попытка не удалась. Во-первых, размер pdf-файла был указан под 780 мегабайт. При скорости 1 мегабайт в минуту на скачивание у меня ушло бы до 13 часов – так мне не хотелось. Может быть, скорость окажется 2 мегабайта в минуту и скачать удастся всего лишь часов за 6 с половиной? Но все эти расчеты для меня продолжали оставаться теоретическими, т.к. файл размещался где-то в «торренте», с которым я еще не общался. По описанию требовалось установить какой-то «клиент» и выполнить несколько каких-то шагов. Это меня страшило. Но однажды я наконец-то решился, «клиент» поставил и опять кинулся скачивать. Однако экран невозмутимо сообщил, что требуется регистрация, которая выполняется с 6-00 утра до 22-00 вечера. На часах было пол-первого ночи и мне опять пришлось отступить.

На следующий день ближе к вечеру я вспомнил о своей ночной неудаче и решил повторить. Захотелось хотя бы посмотреть начало процесса скачивания – я даже не надеялся скачать все 780 мегабайт за один «присест». На удивление регистрация прошла быстро и успешно. Оставалось запустить «клиент» и добраться до ссылки на файл. Ну где она, где? В очередной раз я вчитывался в инструкцию, в очередной раз тыкая указателем мышки по всем перечисленным кнопкам. И о, чудо! Наконец-то в «клиенте» появилась строка с этим файлом и замелькали какие-то цифры в строке статуса. А вскоре напротив имени файла в колонке «download» («скачивание») возникло число «92,4%». Как, уже? Почти 780 мегабайт за пару минут? Я не поверил своим глазам. Но прерывать работу «клиента» не стал. «Процент» медленно увеличивался. Вот уже «94,3%», «95,0%». Вскоре все осталь-

ные показатели стали подходить к «1», к «0» и закрываться. Затем и «процент» дошел до «100%», после чего все стихло. Компьютер как бы намекал, что задача выполнена. Но где файл? Я открыл папку, которую указывал перед скачиванием, но в ней не было никаких новых 780 мегабайт. Где же их искать, где? Что происходит? Сколько можно перечитывать инструкции?

И вот тут я догадался поклацать мышкой на имени файла. Теоретически он должен был открыться. И чудо произошло (второй раз)! На экране вдруг появилось окно «Adobe Reader»-а – читателя pdf-файлов. А вскоре в нем возник и первый лист «1-го тома». Продолжая не верить своим глазам, я быстренько открыл команду «Сохранить» и сохранил файл в нужном месте, где эти 780 мегабайт благополучно и появились. Наконец-то!

Наконец-то после стольких трудов (не сходя с места) можно будет ознакомиться с мнением профи-историков! Но дело шло к ночи и глубокого чтения в тот раз у меня не получилось. Я лишь решил посмотреть конец файла, так как раньше где-то в Интернете увидел замечание, что там карты как бы не очень информативные. Действительно, в самом конце тома карты нашлись. Красивые, цветные, но удивило наличие карт Сталинградской битвы, Курской, окружения Берлина. Уже в 1-м томе? И только тут я обратил внимание на его название: «ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ВОЙНЫ».

Т.е. «взгляд в целом» на всю войну. Зачем? Видимо, чтобы в остальных томах детализировать подробности. Кстати, потом я нашел и описание проекта заголовков следующих томов:

- 1-й – *«Основные события войны»*,
- 2-й – *«Происхождение и начало войны»*,
- 3-й – *«Решающие битвы войны»*,
- 4-й – *«Освобождение территории СССР»*,
- 5-й – *«Победный финал. Завершающие операции ВОВ. Война с Японией»*,
- 6-й – *«Политика и стратегия Победы. Стратегич. рук-во войной и ВС в годы войны»*,

-
- 7-й – «Тайная война. Разведка и контрразведка в ВОВ»,
8-й – «Экономика и оружие войны»,
9-й – «Искусство на грани возможного. Внеш.полит.и диплом. Сов.Союза в годы войны»,
10-й – «Антигитлеровская коалиция»,
11-й – «Власть, общество и война»,
12-й – «Итоги и уроки войны».

Честно говоря, не совсем понятна такая «разбивка». Цельный том выделить на «итоги и уроки»? Уроки чего? Торжества мирового социализма? Который «загнулся» к 1991 г.? А как поделить сражения на «решающие битвы» (которые были на протяжении всей войны) и на «освобождение СССР» (видимо с конца 1941 – 1942 по конец 1944)? А что значит «стратегическое руководство войной»? Оно как бы само по себе, а описание этих же битв по датам – еще раз отдельно? Хорошо, ладно, согласимся. Видимо, докторам наук и профессорам лучше видно. Главное, был бы научный подход. А вот насчет этого сразу же стали возникать сомнения и подозрения. Несколько огорчил список авторов – простое перечисление фамилий без всяких регалий, званий и должностей. И ладно, если бы все фамилии были бы хорошо известны – среди них я нашел лишь четыре знакомых: Исаева, Мединского, Кривошеева и Ржешевского. Ну хорошо, Ржешевский и Кривошеев вполне относятся к профи-историкам, а по какой причине в этом списке оказался историк-заочник Алексей Исаев и доктор политических наук профессор МГИМО Владимир Мединский (защитивший диссертацию по истории лишь в 2011 г.)? Чтобы «оживить» «скучные» изложения профессионалов? Или чтобы профи-историки смогли спрятаться за широкие списы «мастеров пера»?

А кто остальные? Я потратил время, занялся поиском в Интернете и узнал, что остальные авторы являются большими специалистами в научной истории вообще и военной в частности. Доктора наук, профессора, члены академии, депутаты и т.д.. В частности:

Генерал-майор Золотарев В.А. (20.07.1946) – действительный гос. советник РФ 1 класса (1996), доктор историч. наук (1985), доктор юридич. наук (2000), профессор (1991). Избран действительным членом (1991) и вице-президентом Российской академии естественных наук, создал отделение военной истории, культуры и права РАЕН. С февраля 1993 года – начальник Института военной истории МО РФ.

Кокошин А.А. (26.10.1945) – российский гос. деятель, учёный-политолог; депутат Гос. думы РФ 3-го, 4-го и 5-го созывов. Доктор историч. наук, профессор, член-корр. АН СССР с 23.12.1987 по Отделению экономики, академик РАН с 25.05.2006. В 1974 – 1991 работал в Институте США и Канады. В 1992–1997 – 1-й зам. Министра обороны РФ. С 1997 по 1998 – Секретарь Совета Безопасности РФ. Автор и соавтор более 160 научных публикаций, например:

«О буржуазных прогнозах развития международных отношений» (1978),

«Братья Кеннеди» (1985; в соавт.),

«О политическом смысле победы в современной войне» (2004),

«Политология и социология военной стратегии» (2005),

«Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем» (2009).

Полковник запаса Рубцов Ю.В. (20.06.1955) – доктор историч. наук, профессор кафедры истории Военного университета МО РФ, академик Академии военных наук, член Международной ассоциации историков Второй мировой войны. Автор более 100 научных публикаций. В 1977 году окончил ист. фак. Ростовского гос. университета. 20 лет служил в ВС СССР и России (1982 – 2002) (замполит роты, корреспондент окружной газеты, затем в редколлегии газеты «Красная звезда»).

Печатнов В.О. – доктор историч. наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки, заведующий кафедрой. Известный специалист в области истории США, холодной войны и российско-американских отношений. С отличием окончил МГИМО в 1970 г. Кандидатскую и

докторскую диссертацию защитил в Институте США и Канады РАН. Автор более чем 150 научных трудов. Имеет опыт дипломатической работы в США и дипломатический ранг советника первого класса. Читал лекции в Йельском и Гарвардском университетах, а также в университетах Северной Каролины, Сорбонне и ряде других зарубежных вузов.

Генерал-майор в отставке Тюшкевич С.А. (25.12.1917) – Председатель Совета «Военно-философского общества», доктор философских наук, профессор военной истории, лауреат Гос. премии СССР, заслуженный деятель наук РСФСР, академик РАЕН. Окончил Военно-политическую академию им. В.И.Ленина (экстерном) и адъюнктуру при ней. В ней же работал преподавателем. Затем перешел в Институт военной истории Министерства Обороны. Является крупным исследователем философско-методологических проблем военной теории и истории, блестящий ученый современности. Написал более 400 работ, научных трудов, сыгравших важную роль в развитии военно-философской мысли.

Шепова Наталья Яковлевна – к.и.н., с.н.с. НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (ВА ГШ ВС России). В журнале «Вестник МГИМО-Университета» есть ее статья «Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны?»

И еще ряд специалистов с регалиями и должностями если и поменьше, но не без них.

Да, специалисты серьезные. Но для чего они пригласили «неостепененного» Алексея Исаева? Зачем он им оказался нужен? Своих знаний и умений не хватило? (Тем более который подверг критике взгляды другого «коллеги» по этому тому – В.Мединского!)

3.

Следующее подозрение у меня возникло при беглом просмотре «картин маслом», которые размещены в конце первого тома перед картами. Картины – это не фото, даже постановочное. В любой картине художественный вымысел

присутствует в гораздо большей степени. Вплоть до отображения вымышленного события, например подвига 28 героев-панфиловцев в том виде, как он был известен длительное время во времена СССР. Лишь после его распада стали известны некоторые подробности боев у Дубосеково 1075-го стрелкового полка. С одной стороны подвиг был, когда пехотинцев практически без средств ПТО «кинули» под танки. «Коктейль Молотова», конечно, оружие в некоторой ситуации, но куда подевалась нормальная артиллерия? Однако, вспоминать такое в советские времена не было принято. Известность получили «героические подробности», которые сочинил военный корреспондент. А после войны художник В.Памфилов нарисовал картину: как он лично представил зрительно это выдуманное событие. И вот через много лет она попадает в «самое правдивое» академическое издание «1-го тома» нового издания о войне. И хотя число «28» в его тексте уже не используется, но на стр. 188 даются фрагменты из описания боя 16 ноября 1941 г.:

«Особенно ожесточенные бои развернулись на волоколамском направлении. Здесь продолжала мужественно отражать немецкие атаки 316-я стрелковая дивизия 16-й армии под командованием генерала И. В. Панфилова. Немцы, рассчитывавшие с ходу прорваться по Волоколамскому шоссе к Москве, не смогли сломить сопротивления дивизии, потеряв в октябрьских боях до 90 танков и несколько батальонов пехоты. 16 ноября после мощной авиационной и артиллерийской подготовки противник обрушился на 316-ю стрелковую дивизию силами 2-й и 11-й танковых дивизий. В 316-й дивизии после октябрьских боев почти не осталось средств противотанковой обороны. Основной удар танковой армады врага пришелся по 4-й и 6-й стрелковым ротам 2-го батальона 1075-го стрелкового полка, оборонявшимся у разъезда Дубосеково и деревни Петелино. Обе роты проявили себя стойко, отбив несколько танковых атак с помощью гранат и бутылкок с зажигательной смесью, подбив при этом 24 танка. Политрук 6-й роты П. Б. Вихрев в разгар боя у деревни Петелино совместно с 14 бойцами уничтожил до взвода авто-

матчигов и пять немецких танков. Оставшись один, Вихрев отстреливался до последнего патрона и, когда его окружили немцы, чтобы не попасть в плен, застрелился. Ему первому в дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза.

..... До начала декабря 1941 г. панфиловцы с тяжелыми боями, переходя в контратаки, отходили от рубежа к рубежу, не давая фашистам осуществить прорыв к Москве. У поселка Крюково, ныне находящегося в черте Зеленограда, враг был окончательно остановлен. 8-я гвардейская дивизия вместе с другими соединениями Западного фронта выиграла время, необходимое для подхода резервов [159].

.....

159 Великая Отечественная война 1941—1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 406–407».

Т.е. ссылка не на архивный документ, а на нечто «иллюстрированное»! Странно как-то. Тем более, что по разным источникам уже давно известны материалы расследования этой истории. В частности, есть показания бывшего командира 1075 стрелкового полка полковника Ильи Васильевича Капрора, допрошенного по делу И.Е. Добробабина 10 мая 1948 года. Он рассказал, что в тот день в ротах было мало противотанковых ружей. Во время первой немецкой атаки весь полк смог подбить 5–6 немецких танков, после чего немцы отошли. А затем немцы опять повторили атаку после сильной артподготовки. Танки шли группами по 15–20 в каждой и прорвали оборону полка, который понес большие потери и отошел. Причем, Капоров не увидел, что при этом были подбиты еще какие-то танки. В связи с чем против командования 1075-го СП было выдвинуто обвинение в самовольном уходе с позиций без приказа и больших потерях в полку. В то время это могло грозить серьезными последствиями. Возможно, поэтому комиссар полка А.Л. Мухамедьяров в своём донесении попытался приравнять понесённые полком потери к мифическим потерям противника. Но это не помогло: командир и комиссар были сняты со своих постов, и против них готовилось очередное дело. Однако, их жизни и дальнейшую карьеру в немалой степени спас опу-

бликованный в газетах миф о «28 героях-панфиловцах» – отцами-командирами которых являлись И.В. Капров и А.Л. Мухамедьяров.

И дело здесь не в том (повторяю), что не было подвига – подвиг был. Выдвигать против танков и артиллерии маловооруженную пехоту без артиллерии – это уже сразу посылать людей на подвиг. Но в научном труде основное место должно быть уделено документам и научному объяснению, а не повторять путь фронтового пропагандиста. Да, на самом фронте во время боев поднимающая дух пропаганда греет душу людей, находящихся в тяжелых условиях. Но то на фронте, а не через десятки лет в академическом издании. Тем более без ссылки на документы-первоисточники.

4.

Кроме того, при беглом просмотре текста второй главы про начало войны бросилось в глаза «фривольное» размещение фотографий. Например в разделе, посвященном Смоленскому сражению (стр. 148 – 151), на стр. 150 почему-то помещена фотография декабря 1941 г. с подписью *«Освобождение Ростова-на-Дону. Подразделение советских войск форсирует р. Дон»*.

И в самом тексте заметил странности описания (стр. 151):

«Как известно, Смоленское сражение продолжалось более двух месяцев. Немцам пришлось столкнуться с упорством советских частей и соединений, которые получали все новые подкрепления, массовым героизмом советских воинов. По мнению немецкой разведки, «для того чтобы удержать свой важнейший фронт – «Смоленские ворота», русские/148/ бросили в бой все имеющиеся где-либо в их распоряжения силы...». Отмечалась переброска советских войск с Кавказа, из Средней Азии, Сибири и северных районов Советского Союза [68]. Все это никак не увязывалось с расчетами германского командования решить исход кампании до линии Днепр – Двина. Группа армий «Центр» продвинулась до этого рубежа, но

пока о крахе советской обороны не могло быть и речи»

Странно, а сведения немецкой разведки были правильными? И что это за войска из «северных районов Советского Союза»? Ямало-Ненецкие полки на северных оленях?

И другие фото в этой главе попадают без сохранения «привязки» к тексту. Как будто текст сочинял один автор, а снимки раскладывал другой, который даже не вчитывался, о чем идет речь на соседних страницах. На одном из форумов мне попытались возразить, что это вполне обычное дело – так получается во время переплета из-за особенности брошюровки «тетрадками» со вставками листов с фотографиями. Я не согласился, так как эти снимки не цветные (они в оттенках серого) и размещаются на таких же страницах со сквозной нумерацией. А это означает, что они вставлялись во время создания макета, а не во время переплета.

Подобная ситуация обнаружилась и в следующей (третьей) главе «Поворот войны на запад». Там на стр. 311 я увидел фото, мимо которого не смог «пройти», имея опыт службы командиром минометной батареи полковых минометов ПМ-120 образца 1938 г. (модернизированные). На той странице помещен знаменитый снимок наводчика 120-мм миномета ПМ-120 образца 1938 г. со странной подписью: *«Прямой наводкой по фашистам – огонь!»* Дело в том, что из минометов прямой наводкой не стреляют! Ствол миномета при стрельбе всегда смотрит в небо, а не на противника. Из миномета невозможно прицелиться «прямо». По направлению еще можно развернуть куда требуется. Но прицелиться по дальности «на глаз» не получится. Для этого надо сделать расчет с помощью карты и таблиц стрельбы, выбрав подходящий заряд и рассчитав значение прицела.

Как показал несложный поиск в Интернете, это фото сделал Владимир Юдин в октябре 1943 г. Подпись к нему гласила: *«Минометчик Николай Поликарпов на огневой позиции под Киевом»*. В 1-м томе он размещен на стр. 311. А на соседних страницах 310 и 312 в тексте речь идет о лете 1943 на «Курской дуге». В результате получается, что в фундаментальной академической работе не только подпись к снимку

сделана технически неграмотно, но и размещен он не в том месте (в очередной раз).

Кроме того, в самом начале этой 3-й главы видно и ошибочное деление тома на главы. Судя по заголовку разговор должен идти об отступлении немцев на запад, но первый параграф касается их наступления на Сталинград и на Кавказ – *«Драма лета 1942 года. ...»*

В связи с такими бросившимися в глаза «странностями» у меня все сильнее начало укрепляться подозрение, что действительно: в книге верность фактам – не главное. Хотя именно об этом торжественно заявлялось во введении (*«От главной редакционной комиссии»*) на стр. 9:

«Совершенно ясно, что новый труд российских историков примут читатели только в том случае, если исторические процессы в нем будут отражены более объективно и всесторонне, без перекосов и умолчаний, если каждая страница, каждая его строка будут правдивы. А для этого необходимы не только знание правды факта, но и понимание правды тенденции, правды явления, точность исторической концепции».

Однако следом, на стр. 10 оглашается ключевая задача:

«Ключевая задача звучит так: надо детально разобраться в том, что может быть востребовано для того, чтобы Россия всегда была сильной, гордой, достойной своей исторической миссии».

Строго говоря, странно звучит «ключевая задача». С одной стороны «правдивость каждого факта». С другой: с ними важно «детально разобраться», насколько они подходят (!) к чему-то (к «исторической миссии»). Лично мне в этом месте почему-то вспомнился другой термин: «интернациональный долг». Исполняли его, исполняли, пока эта тема не стихла к осени 1991 г. И так и осталось неизвестным, исполнили ли его до конца или хотя бы на какой процент. Затем проходит 20 лет и возникает некая «историческая миссия». Как элемент политики? Или как задача профи-историков? Вообще-то в свое время нас учили так: главная задача системы управления страной – чтобы гражданам было удобно в

ней жить. А всякие «исторические миссии» – это уже как получится в творческом соревновании с соседними странами. Любое принуждение обычно называется другими словами («давление», «агрессия», «диктатура» и т.д.).

И как же быть с фактами, которые на «ключевую задачу» не сработают? Подробное чтение 1-го тома показало ответ: про них или следует умолчать, или их надо «модернизировать». Но в каком же тогда виде окажется «правда»? В «серьезном»? И тут у меня возникла мысль сочинить комментарий. Но сделать его я не мог без цитирования, а в скачанном файле функция «скопировать текст» не работала. Это последнее, что я успел выяснить уже к полуночи. Пора было идти спать. Уходя в сон, я попытался прикинуть технологию преобразования файла из графики в текст. Обработку сразу всех 932 листов могла не «потянуть» программа распознавания. Оставался лишь вариант переписать страницы в отдельные файлы, их сгруппировать по главам, отделить страницы с фотографиями и уже затем распознавать текст частями. Вот этим я и занялся на следующий день с утра (в воскресенье). К обеду я распечатал фрагменты двух первых глав и примкнул к компании, собиравшейся на пляж. Через некоторое время, сидя на песке и под шум прибоя древнерусской реки Днепр (у Киева), я начал вчитываться в «ответ» «профи-историков». И мои подозрения стали подтверждаться все больше и больше.

2. О ПРАВИЛЬНЫХ ФАКТАХ

1.

Уже давно понятно, что с точки зрения трудности объяснения война 1941 – 1945 гг. делится на две части: на «простую» и «сложную». «Простая» касается событий с ноября 1942 и до ее конца. В этом периоде практически все понятно, логически увязано, архивно доступно – документов много. Сила РККА с каждым днем все прибывала, у противника, наоборот, таяла. *«Ура! Мы ломим! Гнутяся шведы!»* (Т.е. нем-

цы). А вот и встреча с союзниками на Эльбе.

Первая же часть войны до ноября 1942 г. объяснению поддается трудно, вопросов возникает много, открытых документов недостаточно, тяжело удержать логику причины-следствия. Как же эта проблема решена в 1-м томе? В нём кроме «введения» и «заключения» всего 10 глав:

1. Происхождение войны ... 11

2. Срыв блицкрига ... 99

3. Поворот войны на запад ... 241

4. Германия в тисках двух фронтов ... 337

5. За линией фронта ... 405

6. Подвиг народа ... 443

7. Финал Великой Отечественной. Война с Японией ...
533

8. Совершенствование искусства воевать ... 623

9. СССР и антигитлеровская коалиция ... 705

10. История великой отечественной войны и современность ... 761 ... 825

«Простой» период объясняется в пяти главах (4 –:– 7 и 9). Кроме того, ему же посвящена большая часть глав 3 и 8. Всего набирается процентов 60 текста. К «сложной» части относится объяснение трагического начала войны (2-я глава – 17%) и поражения весны и лета 1942 г. (начало 3-й главы – еще где-то 3%). К чему и как готовились до 22 июня 1941 г. рассматривается в 1-й главе (10%). Задача борьбы с фальсификацией обсуждается в 10-й главе (8%). А также эффективность работы разведки накануне войны отображается внутри 8-й главы (2%). Итого, 40% текста 1-го тома в той или иной степени касается «трудных» моментов объяснений. Всего страниц описательной части – 827. Из них «трудных» 40% – 330 (включая страницы с фотографиями). Достаточно ли для общего обзора?

А это смотря как отнестись. При беглом знакомстве я обратил внимание на ссылки в 1-й главе. Если подход научный, то в основном ссылаться должны на разные архивные

документы и издания еще тех лет. Но в списке я с удивлением обнаружил и упоминания не совсем научных книг. В первую очередь пропагандистских: Мартиросяна «200 мифов о Великой Отечественной войне», Пыхалова и Дьюкова «Великая оболганная война», Городецкого «Миф «Ледокола. Накануне войны», Мединского «Война», Исаева «Антисуворов». Несколько раз попался Дэвид Гланц и неоднократно мемуары маршала Жукова. А также заинтересовала ссылка 247:

«247. К таким работам можно отнести: Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия (1921); Тухачевский М. Н. Стратегия национальная и классовая (1920), Вопросы высшего командования (1924), Война (1926); Каменев С. С. Очередные военные задачи (1922); Шапошников Б. М. Мозг армии. В 3 т. (1927—1929); Свечин Л. А. Стратегия (1923); Верховский А. И. Огонь, маневр, маскировка (1928); Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий».

Будучи знаком с темой развития теории мото-механизированной войны в те годы (далее – «ММВ»), я подумал, что в том месте с этой ссылкой должны объяснять именно историю ее развития и решил посмотреть ее текст. Нашел на стр. 75-76:

«Говоря о формировании профессиональных качеств будущих военачальников, необходимо иметь в виду среду, в которой формировались их военно-теоретические взгляды. Межвоенный период характерен бурным развитием военно-теоретической мысли как в нашей стране, так и за рубежом. Мировая наука и техника шагнули далеко вперед, в армии передовых стран начали массово внедряться новинки техники, в первую очередь самолеты и танки. С учетом этого менялось представление о характере будущей вооруженной борьбы. Оценки перспектив развития военного искусства были неоднозначны. Этот период характерен выходом в свет целого ряда работ, в которых авторы стремились изложить свой взгляд на перспективы развития вооруженных сил с учетом опыта предшествовавших войн и развития технической оснащенности войск [247]. В тот же период за

рубежом появились труды ряда авторов, рассматривавших возможные перспективы развития характера вооруженной борьбы с учетом развития военной техники, которые полностью или частично в переводе были опубликованы в нашей стране. Это, в частности, теории Д. Фуллера, Д. Дуэ и целого ряда их последователей. Таким образом, выходящая в то время литература была существенным подспорьем для военных специалистов. Передовые командиры Красной армии внимательно следили за книжными новинками по военной тематике. При этом командование всячески поощряло самостоятельную работу командного состава над повышением своего военно-теоретического уровня, рекомендовало следить за военной периодикой».

Вот и все объяснение. Книжки выходили в мире. А также в СССР. В «межвоенный» период. Вообще-то для СССР он длился 20 лет – с 1921 г. по 1941 г. (не считая приграничных «провокаций» и боев с «бандами»). Но на какие книги ссылается 247-я ссылка? Во-первых, Фрунзе 1921 г. С точки зрения теории ММВ ничего существенного тогда он сочинить не мог. Танков в то время в стране было так мало, что каждому из них давали персональные имена: «*Борец за свободу тов. Ленин*», «*Пролетарий*», «*Красный боец*», «*Буря*», «*Гроза*» и т.д. – копии французского «Рено» FT-17 времен Первой мировой войны. Броня – противопульная 7-22 мм. Скорость – 8,5 км/час, запас хода по шоссе – 60 км. По цене они были на вес золота – по 36000 золотых рублей. Поэтому к 1922 г. их всего было собрано 15 штук. Каждый со своим именем. А кратко – тип «КС» (от названия завода – «Красное Сормово»). Но до настоящей передовой они так и не доехали. Гражданская война в целом закончилась. В 1922 г. по распоряжению Совнаркома 5 машин были направлены в голодающее Поволжье для вспашки земли вместо тракторов. А после 1924 г. один за другим они стали ломаться. Запчасти снимали со списанных трофейных танков «Рено FT-17». В 1926 г. удалось отремонтировать до 10 машин. Официально танк КС был снят с вооружения весной 1930 г. И скорее всего в виде «металлолома». В 1927 г. броневые силы Красной Армии со-

стояли всего лишь из одного танкового полка, вооруженного трофейными танками MkIV или MkV, захваченных еще в период Гражданской войны, шести автобронедивизионов с устаревшими броневедомолами «Остин-Путилов» или «Путилов-Гарфорд» и нескольких десятков бронепоездов.

Английские танки MkIV и MkV были интереснее Рено, но по техническим возможностям от него ушли недалеко. Поэтому с таким боевым качеством и с таким количеством эти танки к месту начала атаки надо было возить на трейлерах. Но их тогда вообще не выпускали. Так как не было автомобильных тягачей. Первый мелкосерийный советский грузовик АМО-Ф-15 (копия итальянского предвоенного «Fiat 15 Ter» образца 1912 г.) начал выезжать из ворот московского завода АМО в конце 1924 г. Это событие оказалось настолько важным для страны и армии, что потом заводу АМО присвоят имя товарища Сталина: ЗИС – «Завод им. Сталина». Тем более, что выпуск грузовиков на нем возобновился после длительного перерыва с 1919 г. А всего с 1917 по 1931 гг. было выпущено 7782 машины этой модели. В среднем по 519 штук в год. Или по 43 в месяц. Опять таки в среднем. Так как были месяцы и годы, когда не собирали вообще ни одного грузовика. 5 лет с 1919 по конец 1924 завод «перебивался» выпуском всякого разного, кроме них. И лишь после реконструкции с помощью специалистов «Мерседеса» удалось возобновить производство «Ф-15» с конца 1924, когда собрали первые 10 машин после перерыва. А больше всего их было выпущено в 1930 г. – 2340 штук (или под 200 в месяц). В 1941 г. этого количества не хватило бы на две танковые дивизии – на которые по штату требовалось по 1360 машин на каждую.

С самолетами в 1921 г. ситуация тоже была не очень серьезной. Фанерные бипланы на малых скоростях много не наштаврывают. В то время главной маневренной военной силой являлись конные эскадроны с шашками наголо. Но несколько пулеметов «Максим» на тачанках или стрельба из пушек/гаубиц «на картечь» (или осколочно-фугасной) вполне могли быстро отбить подобные «сверкания клинков». По-

этому в 1921 г. ничего конкретного про тактику ввода в прорыв мехкорпусов товарищ Фрунзе написать никак не мог. По этой же причине никак не мог и товарищ Тухачевский годом ранее. Тем более, потерпев поражение от поляков. Конечно, к 1924 и к 1926 г. он мог повысить свои знания о вводе в прорыв конных дивизий. Но не танковых бригад и мотопехоты. Первые серийные советские танки пошли в армию в конце 20-х. С этих же позиций можно пропустить книгу Каменева 1922 г. Трехтомник Шапошникова конца 20-х годов оказался посерьезнее. Но и он касался в первую очередь не конкретно расчетов потребности бронетанковых и прочих сил на километр фронта, а более общих проблем подготовки страны и армии к войне и роли в этом Генштаба, которого он и назвал «мозгом армии». Но потом оказалось, что в СССР «мозгом армии» был вовсе не Генштаб, а Политбюро ЦК ВКП(б). Именно так и написал в своих мемуарах маршал Жуков Г.К. И книга Свечина Л.А. 1923 г. с громким названием «Стратегия» тоже не могла далеко оторваться от конармий и паровозов. Чего-то другого из области военной мобильности в СССР в те времена просто еще не существовало в серьезных количествах.

Остаются книги Верховского А.И. «Огонь, маневр, маскировка» (1928) и Триандафиллова В. К. «Характер операций современных армий». Странно, что у «Характера...» год выпуска не указан. Наверно редактор ошибся. На самом деле эта книга тоже из 20-х годов – первое издание вышло в 1929 г. Потом в 30-х она несколько раз переиздавалась, но без серьезной переработки – Триандафиллов погиб в 1931 г. Поэтому в примечаниях к ее новым изданиям говорилось, что она уже отстает от уровня технического оснащения РККА, ибо о механизации армии в ней говорится в вариантах размышлений о будущем. Пример из «Части I. Состояние современных армий. Развитие военной техники после мировой войны»:

«... Моторизованные части, без сомнения, получают в будущем широкое распространение. Размеры моторизации определяются экономическими возможностями каждого

государства. В таких странах, как Англия, Америка и Франция, уже в ближайшее время может иметь место создание целого ряда отдельных самостоятельных моторизованных формирований (моторизованных бригад), которые смогут выполнять значительную часть задач, возлагавшихся раньше на стратегическую конницу. В странах менее богатых моторизованные части будут иметь меньшее распространение. Первый этап таких формирований – создание специальных моторизованных отрядов в составе дивизии (корпуса) для целей тактической разведки. Последующие этапы – моторизация частей связи в дивизии, корпусе и армии; моторизация целых пулеметных батальонов, перевод на механическую тягу полевой артиллерии и т. д.

Мы теперь присутствуем при первых опытах моторизации армии. В настоящее время еще трудно предвидеть те размеры, которые она примет в разных государствах. В расчетах на будущее она во всяком случае должна учитывать...»

Не мог Трианадафиллов в 1929 г. иначе рассуждать, так как первый опытный механизированный полк в Красной Армии был сформирован лишь к 1930 г. В мае 1930 г. на его базе была создана первая механизированная бригада из трех полков: танкового, разведывательного и артиллерийского с другими подразделениями. На вооружении танкового полка состояли танки одного типа – легкие МС-1 – «Малый сопровождения» (пехоты) или официально «Т-18», который по конструкции не особо далеко ушел от тех же «Рено» минувшей войны. А разведчики ездили на бронеавтомобилях БА-27 на базе АМО-Ф-15.

Соответственно и бывший царский генерал-майор (1917) Верховский А.И. в 1928 г. просто не мог иметь богатую теорию боевого использования советских мото-механизированных войск. Их еще не существовало в природе. Будущий маршал Жуков в 1933 г. был назначен командиром 4-й кавалерийской дивизией. В 1937 г. он принимает 4-й кавкорпус, а затем 6-й. Из каких же источников авторы книг 20-х годов черпали сокровенные знания о будущей мото-мехвойне? В

предисловии к 3-му изданию книги Триандафиллова в 1936 г. говорится:

«Понять настоящее, особенно предвидеть будущее, т. е. получить творческие возможности, можно только в том случае, если знаешь, как это настоящее соиздилось (т. е. что и почему произошло вчера). Труд т. Триандафиллова, обобщивший развитие военного дела в период после империалистической войны до 1929 г. и созданный им на основе изучения огромного количества материала (и зарубежного и работ наших товарищей), формулирует наше «вчера», непосредственно из которого возникло наше «сегодня» и развивается наше «завтра». Эта книга, благодаря правильной методологии, учит тому, как надо изучать военное дело (в широком смысле этого слова) и как надо творчески работать над вопросами развития военного искусства. В этом важнейшее значение его работы».

Итак, в ее основе лежал «огромный зарубежный материал». Хотя, работы «наших товарищей» имели все ту же основу: грамотные переводы с иностранного. Реально первопроходцем в этом сложном деле оказались англичане. Именно в Англии создавались новые модели быстроходных танков разного назначения (особенно фирмой «Виккерс»). А также прочая колесная техника с мотором для других военных целей – тыла, связи, разведки и т.д. Что и получило в те годы понятие «моторизации и механизации армии» (ММА). Под «моторизацией» тогда понималось использование моторной техники для доставки войск к месту боя (в первую очередь грузовиков и тягачей). А под «механизацией» – использование специально разработанной для армии такой боевой техники, на которой войска не только доезжают до места боя, но и на ней же едут в бой – танки, бронетранспортеры, самоходки. Таким образом, фраза в цитируемом фрагменте из 1-го тома со стр. 75-76 про «новинки техники, в первую очередь самолетов и танков» показывает наглядным примером, что ее автор понятия не имеет о теории ММВ тех лет (даже не упомянув важное значение автомобилей для армии с целью замены ими лошадей в обозах и в артиллерии).

Таким образом, вряд ли задача заключалась только в почитывании книжек о ММА. Одним чтением поголовно заменить лошадь в армии попросту не удастся. Для этого в первую очередь требовалось срочно развить промышленности так, чтобы соответствующая техника в массовом порядке оказалась в армии практически. А вот это уже задача не столько боевых командиров, сколько самого «настоящего» советского «мозга армии» – Политбюро ЦК ВКП(б). Но об этом в рассматриваемом фрагменте 1-го тома его авторы порассуждать не захотели. Как не захотели уточнять, сколько же и какой литературы по ММА было выпущено в 30-х годах. Не стали они вспоминать ни журнал, который так и назывался – «ММА» («Механизация и моторизация армии») и который начал издаваться в 1931 г., ни названия других книг тех же лет. Например, такие:

Перепеловский Б. (ред.), «Общие сведения по курсу механизации», Л., Издание ВПАТ, 1932,

Аммосов С., «Тактика мотомехсоединений», М., Воениздат, 1932,

Красильников С. Н., «Организация крупных общевойсковых соединений (прошедшее, настоящее и будущее)», М., ОГИЗ-«Воениздат», 1933,

Шванебах Б., «Механизация и моторизация современных армий», М., Воениздат, 1933,

ТАУ, «Моторизация и механизация армий и война», М., Воениздат, 1933, 244 стр.

Крыжановский В., «Мото-механизированная пехота (Боевое использование и применение пехоты мехсоединений)», М., Воениздат, 1934.

И другие.

Вот почитали бы авторы тома хотя бы «ТАУ» 1933 г. – эту «библию тех лет по механизации армии» (как ее называли однажды на обсуждении в Интернете), многое им стало бы понятнее на профи-уровне. И написали бы они про «развитие теории» более научно. Но не стали они зачитываться «ТАУ». Им важнее показались труды товарища Тухачевского М.Н. 1921 г.

2.

А теперь еще раз вернемся к этой цитате из 1-го тома и повнимательнее перечитаем: *«Это, в частности, теории Д. Фуллера, Д. Дуэ и целого ряда их последователей. Таким образом, выходящая в то время литература была существенным подспорьем для военных специалистов. Передовые командиры Красной армии внимательно следили за книжными новинками по военной тематике. При этом командование всячески поощряло самостоятельную работу командного состава над повышением своего военно-теоретического уровня, рекомендовало следить за военной периодикой».*

Ну и термины используются в «фундаментальном» «научном труде»! «Военные специалисты», «передовые командиры», «командование поощряло»... Какие «военные специалисты»? Командиры пехотных батальонов? И рот? А также кавалерийских эскадронов? Их как-то «поощряли», чтобы они в перерыве между маханием шашкой на учебных боях зачитывались переводными книжками где-нибудь на сеновалах или на лесных опушках и в учебных окопах? Ну, почти во время дежурства по полку командир 2-го кавэскадрона книгу Д.Фуллера о тактике действий броневых бригад и за это получит какое-то «поощрение»? Какое? Лишний выходной день? И это сразу повысит его профи-уровень?

А кто такие «передовые командиры Красной Армии»? Видимо, остается только догадываться, что это уже уровень не командиров батальонов. И даже не полков. Например, Триандафиллов с 15.10.1930 до гибели в 1931 г. был заместителем начальника Штаба РККА. А перед этим командовал стрелковым корпусом. И «внимательно следить» за «передовыми идеями» у возможного противника руководители Штаба всей армии вообще-то обязаны по должности. В т.ч. с помощью агентурной и прочей разведки. И обязаны составлять обзоры для еще одних внимательных «читателей» – курирующих военную тему работников правительства и членов Политбюро ЦК ВКП(б). В обязанности которых было составление планов развития народного хозяйства всей страны.

И одно дело, когда передовой командир роты почитает книгу Дуэ вечером в своей канцелярии; и другое, если правительство примет решение увеличить в 6-10-15 раз производственные мощности по выпуску самолетов и боеприпасов к ним. Совместным указом СНК СССР и ЦК ВКП(б). А также увеличить количество военных учебных заведений по подготовке летного персонала. И увеличить выпуск танков под теорию Фуллера. И создать массу танковых училищ. И по подготовке других военных специальностей. Никакие «передовые командиры» сами по себе армию не модернизируют. Это зависит от решений партии и правительства. И именно к его компетенции относилась тема военных училищ и академий. О чем упоминается в следующих абзацах в рассматриваемом месте 1-го тома (стр. 76).

«... Развитие уровня военно-теоретической подготовки командного состава РККА способствовала существовавшая в то время практика направления командиров в военные академии и на курсы усовершенствования командного состава, где они под руководством высокоподготовленных преподавателей овладевали военной наукой. Была создана сеть военно-учебных заведений, нацеленных на совершенствование знаний и профессиональных навыков командиров.

....

Совершенствование военного образования и подготовка военных кадров в то время были объектом повышенного внимания высшего военного и политического руководства страны. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только в 1929 г. Реввоенсоветом СССР были приняты постановления «О высших военно-учебных заведениях», «О курсах усовершенствования командного состава РККА» и «О постановке учебной работы в военных академиях РККА», в 1929 и 1931 г. ЦК ВКП(б) принимались постановления «О командном и политическом составе РККА».

21 мая 1932 г. Комиссия обороны при СНК СССР приняла постановление о создании специальных военных академий РККА Моторизации и механизации, Артиллерийской, Электротехнической, Военно-инженерной, Военно-химической,

Военно-транспортной. В сентябре 1935 г. была организована еще и Военно-хозяйственная академия.

К слову, и здесь не обошлось без ошибки: академия имени Сталина вообще-то называлась: «**ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ Механизации и Моторизации РККА имени тов. Сталина**». Т.е. сначала «механизация» («танки» и «самоходки») и лишь потом «моторизация» («грузовики»), но не наоборот. В частности, в киевском музее войны 1939-1945 гг. на Печерске за Лаврой на стене вывешено «Свидетельство» об ее окончании 28.11.1936 г. будущим генералом Потаповым М.И. На котором так и написано ее название. Что в очередной раз доказывает, что авторы 1-го тома совершенно «плавают» в истории развития военных теорий в СССР в межвоенный период. И что им что «механизация», что «моторизация» – никакой разницы.

И, наверное, тут было пропущено слово «три»: «... что только в 1929 г. Реввоенсоветом СССР были приняты «ТРИ» постановления ...» (и, дескать, еще куча постановлений в другие годы). Или надо понимать, что ЛИШЬ только в 1929 г. Реввоенсовет СССР «наконец-то» заинтересовался темой подготовки кадров? А что могло случиться к 1929 г.? Если вспомнить другие события, «пропущенные» в 1-м томе, то окажется, что именно 1928 г. оказался достаточно важным для этого самого ЦК ВКП(б) с точки зрения стратегического выбора пути развития страны. В том году началась «атака» на «хлебопашцев вольных», т.е. на кулаков и вообще на крестьян. С целью подчинить их решениям правительства. Собственно, не только на крестьян, но и на частные предприятия – НЭП «плавно» ликвидируется, резко усиливается роль Госплана, расширяя плановый принцип развития экономики. В т.ч. военного производства. А также принимается Программа и уточняется Устав всемирной коммунистической партии – «Коминтерна» с конкретной исторической задачей «создать Всемирный Союз Социалистических Советских Республик».

К этому же году в «передовых» капиталистических странах заканчивается дискуссия по мото-механизированным

методам ведения войны и начинают создаваться новые боевые части на транспорте с мотором. Вот переводы книг и статей по этой теме с иностранного и публиковались в СССР в то время. Но моторная техника – слишком дорогое удовольствие. Для начала требуется иметь промышленность соответствующих масштабов. А та, в свою очередь, – серьезного (и дешевого) сельского хозяйства. И управлять всем этим полезно под единым руководством. Осталось «разобраться» в ЦК ВКП(б) кому принимать путеводное решение. Но долго оно не тянулось. Как-то «очень удачно» в декабре 1927 г. секретарь Политбюро ЦК ВКП(б) товарищ Сталин становится «главным». Практически диктатором. Вот в 1928 г. он и принимает «за основу» план срочной индустриализации и коллективизации страны, а также модернизации армии путем замены лошади на мотор. А также «задумки» о будущем «фронте работ» для нее в образе великой цели построения Всемирного СССР.

Но пока будут строиться заводы и перевоспитываться крестьяне, пройдет некоторое время. В самый раз заняться подготовкой будущих полководцев в свете новых теорий. И хотя новой техники еще нет – не беда, тренироваться можно и на макетах. Чем, кстати, тогда занимались и немцы, имея ограничения во всем. А чтобы издалека была видна «путеводная звезда» «процесса», самым главным «определяющим» предприятиям присваивается имя товарища Сталина. В частности: автозаводу-гиганту грузовиков в Москве (ЗиС) (в том числе для армии по лицензии американской фирмы «Autocar Company»), военной Академии Моторизации и механизации, гусеничным тракторам-тягачам (в «девичестве» фирмы «Катерпиллер») и т.д. В 1928 г. издается и первый «комплексный» закон о военной службе, заменивший массу различных указов, законов и постановлений предыдущих лет советской власти.

Вот об этом бы написать в 1-м томе! Об этих фактах. Но... его авторы посчитали все это не заслуживающим внимания. А что внимание заслуживает? Внимательное чтение 1-й и 2-й глав показало, что они написаны в строгом соответствии

с требованиями науки. Но не исторической, а политологической. Именно так, как объяснил доктор двух наук В.Мединский – главное не факты, а их интерпретация. И то не всех, а хорошо укладывающихся в определенную картинку (т.е. задачу). Картинка же рисовалась странная и малопонятная.

3.

Жила-была такая страна – СССР. Она же – «Советский Союз». Чем отличалась от других, каких целей добивалось ее руководство – не важно (по мнению авторов 1-го тома). Не будем углубляться в подробности. Это как бы не главное. Например, зачем касаться теории научного коммунизма? К чему эти толстые книги сплошной «воды», как показал август 1991 г.? Для чего вчитываться в Программу и Устав ВКП(б) и Коминтерна? Мало ли какие идеи там сдуру могли написать? Реальность же всегда вносит важные коррективы! Какую ясность оттуда можно извлечь? А какую ясность могут принести цитирования решений каких-то «троек» с расстрельными приговорами? Ведь военные трибуналы во второй половине 50-х же четко выяснили, что те решения были «ошибочными». Но можно задать и уточняющий вопрос: а почему к концу 50-х годов решения «троек» рассматривали военные трибуналы? (Которые должны иметь дело с военнообязанными и военнопленными!) В какой войне кого с кем оказались «врагами» эти люди?

Но не будем (пока) уточнять. С точки зрения политической науки это не важно. Упомянуть можно. Но кратко и побыстрее перейти к другой теме. И которую тоже не рассекать долго «по дереву» (т.е. по экрану).

Вот в таком ракурсе и сочинялись первые полторы главы. Почему полторы? Потому что с середины июля 1941 г. запасы предвоенной подготовки катастрофически иссякли. Ситуация вполне прояснилась. И активно отвлекаться на методы политической науки уже особо не требовалось. Главное – затуманить историю до середины июля 1941 г. Упростить, обобщить и снивелировать. Подвести к выводу: «так полу-

чилось». Делали все, что могли. А так как дело было сложное, без ошибок не обошлось. Вот потому к середине июля 1941 г. РККА и оказалась у Смоленска. Так и написали в подписи к фото на стр. 122: «На Днестре советские войска впервые оказали серьезное сопротивление». Вот очень научный вывод! «Лишь на Днестре!» «Серьезно»? А до Днестра как воевали? Несерьезно? Учебно-тренировочно? Что и явилось итогом всей предвоенной подготовки? К чему же готовились?

Теоретически ответ на этот вопрос должен быть в первой главе – «Происхождение войны». И он как бы дается. Точнее говоря, слов представлено немало на 30 страницах (начиная с 61-й) в специальном параграфе: «К какой войне и как готовился Советский Союз?». Но в том же ракурсе – суть затуманить, деталей по возможности не касаться, все упростить, обобщить и снивелировать. Причем, все дается вполне в духе объяснений всех предыдущих попыток. Т.е. «старые песни о главном». Лишь иногда «разбавленные» фрагментами новых публикаций. И начинается параграф с фразы, к которой сразу же можно выставить претензию (с. 61):

«Период, непосредственно предшествовавший июню 1941 г., был для СССР исключительно сложным, а порой и драматичным. Несмотря на заключение договора о ненападении с Германией, прямая угроза фашистской агрессии все ощущаемее нависала над ним».

Претензия связана с Заявлением ТАСС от 13 июня 1941 г., в которой СССР официально заявил, что никакая война не ожидается. Ни в виде нападения Германии на СССР, ни наоборот. Откуда же тогда «ощущение угрозы агрессии»? Которая к тому же «все ощущаемее нависала»? Кто ее тогда «ощущал»? Товарищ Сталин? Как написано в мемуарах маршала Жукова, Сталин не верил в немецкое нападение до утра 22.06.41 г И, мягко говоря, подвергал критике сообщения разведки на эту тему. Но может быть, ощущал угрозу кто-то другой и это стало известно по другим документам? Однако, никаких ссылок в 1-м томе об этом не приводится. Зато далее мысль «об угрозе» становится обоснованием другого факта – усиления воен-

ной подготовки в СССР в 1939–1941 гг. Как будто по другим причинам военные приготовления не могут усиливаться. И приводится странная «научнообразная» фраза (с. 62):

«Так как на базе использования имевшихся мощностей нельзя было разрабатывать программы строительства новых заводов, многие гражданские предприятия переключили на выпуск военной продукции».

«Сильное» предложение! Даже сразу и необразишь, как охарактеризовать его автора: полный неуч в экономике? И вспомнился мне ехидный комментарий про «стремительно падающий домкрат» – слова как бы серьезно-научные, но смысла никакого. Вспоминаем, о чём говорилось во «Введении»: «чтобы каждая строка была правдивой». Ну очень хочется разобрать «правдивость» этого предложения по отдельным словам!

Как известно (но не авторам 1-го тома), новый завод может строиться двумя методами: снести старый «под ноль» и на его месте возвести новые цеха. Или новые цеха возвести на новом (пустом) месте. Снос старых цехов на длительное время остановит производство, что в тогдашних условиях сплошных нехваток было нежелательно. Более выгоден вариант строительства на новом (пустом) месте. Таких мест на 1/6 части суши в СССР хватало. Был бы строительный проект, СМУ (строительно-монтажные управления) и деньги. Деньги выделяет правительство, строительный проект создается не «на базе имевшихся мощностей», а в проектных институтах, которые с большой радостью что-нибудь напроецируют – было бы задание.

Остаются деньги и выделение ресурсов. Построить новый завод в целом дороже, чем перепрофилировать старый. Хотя, конечно, смотря какой под какие станки и т.д. А если построить новый завод и сохранить старый, то придется делить ресурсы между ними. Это потянет за собой рост производства ресурсов, а это опять дополнительные затраты. Кроме того, новое строительство будет означать потерю времени. Перепрофилировать «родственное» производство можно быстрее.

В конечном итоге вся эта проблема никаким боком не касается «разработки программ на базе использования имевшихся мощностей». Мощностей чего? Проектных институтов? Уже работающих заводов? Долго создать новый? Вон в начале 30-х годов возникла проблема производства никеля и олова, так 01.10.1934 в Ленинграде была создана специальная проектная организация – «Союзникельоловопроект» (с 1935 г. – НИИПИ «Гипроникель»). Она и стала проектировать новые заводы в Мончетундре, на Урале и в Норильске.

Или следовало заказать программу создания новых заводов «имеющимся мощностям»? Каким? Заводу по производству велосипедов? И он будет сочинять проект нового завода упорных подшипников? Какое-то странное получается объяснение. И в результате становится понятно, что и эту фразу сочинил человек, очень далекий от производства и экономики. Что доказывают и следующие предложения там же:

«Условия, в которых развивалась советская экономика в предвоенный период, были весьма сложны и противоречивы. Практически не закончив индустриализацию, ей пришлось все в большей мере переключать основные ресурсы на обеспечение нужд предстоящей войны, наращивание военного производства, еще не имевшего достаточно развитых и мощных тылов».

Что означает «практически не закончив индустриализацию»? В чем? По каким показателям? Производства стали? Электроэнергии? Так этот процесс бесконечный. Любой новый завод требует дополнительной электроэнергии, других ресурсов, рабочих, соц.-культ.-бытовой инфраструктуры и т.д., которые, в свою очередь, тянут за собой развитие строительной индустрии. А что за «мощные тылы» у «военного производства»? Оно всегда должно быть «законченного цикла». Если не будет хватать каких-то деталей – остановится вся «цепочка».

И вообще не понятно, с какой стати начало объяснения коснулось ситуации с перепрофилированием гражданских предприятий? Была конкретная потребность? Подготовки

к конкретной войне? В таком случае было бы полезно привести примеры и разные проценты «производство всего», «рост военного», «в т.ч. за счет перепрофилирования гражданских». Все познается в сравнении. Но нет в 1-м томе таких цифр. Одни обобщающие «умные» слова (про «стремительно падающий домкрат»). Единственное, что серьезно просматривается через них – важный факт, что в те годы страна стала усиленно готовиться к какой-то войне. К какой – другая тема. В тексте параграфа лишь внедряется мысль – что все «ощущали угрозу нападения». Поэтому и довели процент использования станков ВПК в СССР до 64% (от всего станочного парка страны). И все равно «не хватило».

При этом тщательно обходится молчанием вопрос: а сколько всего было в СССР станков? Три? И два из них тачали детали для ВПК? Или всего станков было 3 миллиона? И их на ВПК работало два? Где абсолютные цифры?

Но не дает их академическое издание. С точки зрения политической науки не всегда важно и нужно уточнять: три станка или три миллиона. Важнее в очередной раз упомянуть «трудовой подвиг народа» и перейти к новой теме – «отставанию» его результатов от аналогичных в Германии. Так и написано на стр. 63: *«Накануне войны значительная часть военной техники, находившейся на вооружении Красной армии, по своим тактико-техническим характеристикам уступала немецкой. Усиленное внимание не только к количественной, но и к качественной стороне военного производства хоть и медленно, но давало положительные результаты».*

4.

Итак, к 1941 г. заводы страны уже «гнали» военную продукцию «потокком», но в основном «устаревшую» по сравнению с немецкой. И когда эти немцы успели? У них же к 1933 г. кризис достиг таких размеров, что страна могла пойти в «разнос»! Но вот приходит к власти «людоед» Гитлер и немецкое хозяйство почему-то стало развиваться. Да так, что по военным образцам немцы оказались умнее «самой пере-

довой» марксистско-ленинской системы государственного управления в СССР. У немцев на это ушло 7 лет. В СССР же ВКП(б) управляло страной в мирных условиях почти 20 лет – в три раза дольше. И все равно не хватило. Конечно, можно заметить, что СССР первые лет семь занимался восстановлением хозяйства, разрушенного в результате Гражданской войны (которую это самое ВКП(б) и организовало). Но ведь у немцев до 1933 г. ситуация была тоже «не сахар» – разруха хозяйства из-за кризиса. Но сам факт каких-то немецких преимуществ к 1941 г. показывает, что в Германии или система государственного управления оказалась эффективнее, чем в СССР, или какие-то другие условия оказались лучше советских.

Про условия в СССР в 1-м томе кое-что говорится там же на стр. 63. Сначала упоминается процесс создания в 30-х годах многочисленных «нормальных» военных КБ разного профиля. А потом упоминается и создание «ненормальных» в системе исправительно-трудовых лагерей НКВД – *«так называемых «шарашек», в которых работали многие известные ученые»*. И дальше приводится красноречивый пример из судьбы КБ авиаконструктора А.Н.Туполева. В 1937 г. его ликвидировали, а самого Туполева «посадили» на 15 лет лагерей. За что, про что – с точки зрения авторов 1-го тома не важно. Важно другое – в 1939 г. не прекращая «отсидки» Туполев становится начальником «Особого тех. бюро при НКВД СССР» и в спец. тюрьме ЦКБ-29 он создает бомбардировщик Ту-2. Потом Сталин его освободил.

Это один из примеров условий в СССР: часть «известных ученых» «творит» за тюремную баланду. На остальных на «воле» тоже тратится не валюта в золоте. А будут плохо «творить» – пополнят «спец ЦКБ НКВД» (это тоже неплохой стимул). Вот немецкие инженеры к таким условиям непривычны. Инженер Эдвард Гроте приехал в СССР в марте 1930 г. творить первый советский тяжелый танк «ТГ-1» за миллионы в золоте. До ходовых испытаний, правда, он его не довел – не дали. Но опыт пригодился. И его дело продолжили уже советские инженеры. С зарплатами гораздо скромнее.

У тюремной парашаи или при ее угрозе немцы если и могли «творить», то разве что в условиях плена (как в послевоенном советском спец. КБ «Берлин»). Но по какой причине в СССР некоторые «известные ученые» вдруг оказались «пленниками»? В войне кого с кем? Своей родной власти с собственным народом? Однажды мне попались воспоминания из биографии Туполева как он еще в положении «з/к» после совещания у Сталина собирал из пепельниц окурки, объясняя, что ему надо снабжать других инженеров-з/к его «спец. КБ».

В 1-м томе постеснялись привести подробности ареста и обвинения известного авиаконструктора. В связи с чем в описании прокралась ошибка: не «15 лет лагерей», а «10 лет и 5 лет поражения в правах». Арестован был не только Туполев, но и другие известные конструкторы В. Петляков, В. Мясищев, Р. Баргини, И. Неман, вооруженец А. Надашкевич, моторист К. Минкнер, изобретатель, физик, музыкант Лев Сергеевич Термен (1896-1993), многие сотрудники Туполева по ЦАГИ.

Туполев был арестован в октябре 1937 г. Ему и авиаконструктору В.М. Петлякову было предъявлено обвинение в организации и руководстве «Русско-фашистской партии». Под угрозой ареста родных Туполев «сознался», что с 1924 г. являлся французским шпионом (хотя жену и сына все равно арестовали). В феврале 1939 г. еще не осужденного Туполева перевели из Бутырской тюрьмы в подмосковный дачный поселок Болшево, где в лесу за забором с вышками размещалось «Особое техническое бюро при НКВД СССР» (так называемая «шарашка» ЦКБ-29). Заочный суд состоялся лишь в мае 1940 г. А в июле 1941 г. Туполев и двадцать его сотрудников неожиданно были досрочно освобождены со снятием судимости. Полностью их реабилитировали только в 1955 г., после смерти Сталина.

Из книги Леонида Львовича Кербера «Туполевская шарашка», разошедшейся еще в «Самиздате»:

«В ЦКБ-29 три самостоятельных бюро – В. М. Петлякова, которое проектирует высотный истребитель – проект

100, В. М. Мясичева, конструирующего дальний высотный бомбардировщик – проект 102, и Туполева, разрабатывающего пикирующий бомбардировщик – 103. Кроме того, в стадии формирования четвертое бюро – Д. Л. Томашевича, которое будет работать над фронтовым истребителем 101.

Командует этим предприятием – нельзя же говорить в самом деле «руководит» – полковник НКВД Григорий Кутепов, бывший слесарь-электрик завода № 39.

... Юрий Александрович Крутков, наш Вольтер, с язвительной физиономией, полной сарказма, оживший бюст Гудона. Всесторонне образованный эрудит и энциклопедист, он очаровывал всех тонкостью своих суждений. В ЦКБ-29 академик Крутков был доставлен из Канских лагерей, где работал уборщиком в бараке уголовников. «Неплохая работа, знаете ли, главное, поражала тонкость оценки твоего труда – иногда побьют, иногда оставят покурить. Должен заметить, студенты моего университета были менее притязательны и ни разу меня не били, правда, курить давали безропотно и даже не окурки».

Он же рассказывал, как получил вместе с уборщиком соседнего барака задание напилить дров. Два пожилых человека, закутанные в лохмотья, грязные, обросшие седой щетиной, медленно тянут пилу. Между ними состоялся такой диалог:

– Ты откуда?

– Из Ленинграда.

– А ты?

– Оттуда же.

– Где работал?

– В Академии наук.

– А ты где?

– Там же.

– Ну уж брось, я там почти всех знал. Как твоя фамилия?

– Крутков.

– Юрий Александрович? Бог мой, я Румер, помните лестницу, Ломоносовскую мозаику, ради Бога, не обессудьте, не узнал.

– Полно, полно, Юрий Борисович, кто здесь узнает. Но не обессудьте, пошел барак топить, а то, сами знаете, побьют, да и только.

Ю. А. работал в расчетном отделе ЦКБ и был консультантом и арбитром во всякого рода сложных технических спорах. Помимо всего прочего, он был великолепнейшим рассказчиком, и мы наслушались от него многих удивительных историй из жизни академиков С. Ф. Ольденбурга, А. П. Карпинского, А. Ф. Иоффе, А. Н. Крылова, которых он хорошо знал. После атомной шараги его освободили, и он вернулся в любимые им Ленинград и Университет».

Туполеву еще повезло – в живых остался. Его коллега по профессии, старше почти на 2 года – Константин Алексеевич Калинин (творец крылатых «К-...») в октябре 1938 г. вообще сгинул в застенках Воронежского УНКВД.

Может возникнуть вопрос: разве в СССР не могли обеспечить инженеров-конструкторов не хуже немецких? Ответ на него упирается в количество всего-всего, которое вдруг одновременно потребовалось советскому руководству для успешного ведения немаленькой ММВ. Т.е. в количество создаваемых новых образцов боевой техники и вооружения, выпускаемых промышленностью «на потоке». В 1-м томе на той же стр. 63 одна цифра приведена: *«К июню 1941 г. производство самолетов всех типов достигло 50 единиц в сутки».* Хорошо это или плохо? Достаточно или мало? А это как посмотреть.

С точки зрения военных «больше» – всегда лучше. Но 50 самолетов в день – это под 1300 в месяц. Или 15 000 в год. Зачем? Пассажиров возить рейсом Москва – Сочи? В те времена гражданская авиация была развита слабо. Самолеты создавались в основном военные. Но любое производство требует сбыта. Куда девать столько военных самолетов? Чтобы они простаивали на земле? Так это ж сколько новых аэродромов потребуется! А каждый из них – это лишние затраты строительного-монтажных работ. Плюс лишние затраты на новую инфраструктуру (дороги, казармы, жилье, склады и т.д.). И на систему подготовки немалого количества специалистов.

Зачем? Вдруг враг нападет? А если не нападет? Пусть ржавеют/устаревают «просто так»?

А если пустить их всех в «дело», то надо понимать, что нельзя ограничиться одними самолетами: одни самолеты не воюют. На земле их должны «поддержать» танки, пушки, механизированная пехота, причем тоже тысячными парками боевых машин. Но они тоже сами по себе не возникают. Их тоже надо сначала придумать и наладить выпуск «поток», а затем обучить и боевые экипажи. Видимо, потому и не хватало в СССР времен Сталина «нормальных» сигарет на всех «известных ученых».

Кстати, в Германии в 1940-1941 гг. тоже вводились ограничения, продажа товаров по карточкам («две банки пива в одни руки»). Но все равно в каком-то «качестве» к 1941 г. немцы смогли обойти СССР. Обошли ли в количестве – в 1-м томе на стр. 63 на этом внимание не заостряется. Даются некоторые цифры по танкам: в 1940 г. и в первой половине 1941 г. танковая промышленность произвела 639 танков KV и 1225 Т-34 – т.е. в сумме этих двух моделей около 1900 штук. Или половина от количества тех немецких (с их союзниками), которые в июне 1941 г. двинули на СССР. Причем, это не все модели советских танков того времени. Это только «новейшие». За те же предвоенные 1,5 года было выпущено еще «более 900 легких танков новых образцов: БТ-7М, Т-40 и Т-50». (стр. 63).

Читаешь такую «правду» в 1-м томе и удивляешься. Вроде бы уже годы прошли общения военных историков на разных Интернет-форумах. И за эта время было издано много разных книг про танки-самолеты. И вдруг открываешь «фундаментальный академический труд» и читаешь (см. выше). Нет слов. Например, что БТ-7М вообще-то «новым» оказался лишь по мотору – в отличие от ранее выпускавшегося БТ-7 у него стоял дизель В-2 вместо бензинового. А остальное – башня, пушка и т.д. в целом остались прежними. Но ведь сколько-то БТ-7 было выпущено до 1940 г.? А еще раньше выпускались БТ-5, БТ-2, БТ-1. Они в армии оставались к 1941 г.? Сколько всего? Или они «вмиг устарели» и их срочно сняли с вооружения? Где комментарий?

Кроме танков серии БТ за тот же довоенный период советские заводы выпустили и немало танков других моделей: Т-26, Т-28, Т-35, Т-37. Их учитывать не надо? Вырвать упоминания из всех книг?

Танки же Т-40 и Т-50 в то время находились в стадии проектирования и подготовки выпуска первых серий. Поэтому выпустить их к началу войны успели «всего ничего». Плавающий Т-40 к июлю 1941 успели собрать 279 штук. Более сложный в изготовлении Т-50 к началу войны серийно вообще не выпускался. Т.е. его изготовили ноль штук. Первые серийные машины этой модели были отгружены в армию лишь в июле 1941 г.

БТ-7М было изготовлено 706 машин. Вместе с Т-40 получается 985 штук – «почти 1000», а не «более 900». С 1935 г. по 1941 г. танков БТ-7 разных моделей всего было выпущено более 5300 машин – больше, чем всех танков у Германии на июнь 1941 г.

А сколько было пушек в РККА? Пушек было ... Точнее говоря, пушки в РККА тоже были. Не без того. По данным 1-го тома на той же стр. 63 *«увеличивался и артиллерийский парк советских Вооруженных сил. Так, с мая 1940 г. и до начала Великой Отечественной войны он возрос более чем в 1,5 раза»*. Т.е. на 150%. В штуках цифры указать не посчитали нужным. Или забыли. Сколько же их было всего? Допустим, было 4 пушки, а стало 7 – тоже «более чем на 150%». Или было 10000 пушек, а стало 15800. Есть ли разница для авторов 1-го тома: 7 пушек или около 16000? Если для кого-то и есть, то не для них. Они больше любят относительные цифры – так запутывать проще. И наводить «тень на плетень». В 1-м томе абсолютные цифры попадают лишь иногда. В т.ч. и само слово «абсолютный». В этом смысле показателен предпоследний абзац на стр. 63:

«Оценивая трудности и проблемы, с которыми столкнулся СССР в процессе подготовки к обороне, следует отметить, что многие из них имели как объективные, так и субъективные стороны». Вообще-то любая страна должна как-то заботиться о своей армии. И в любом деле попадают-

ся трудности и проблемы. «Легко» ничего не возникает. Но и в эту фразу авторам 1-го тома удалось втиснуть пропагандистский элемент – оказывается, СССР конкретно к июню 1941 г. готовился исключительно к «обороне». А вовсе не к какому-то «наступлению». Но читаем абзац дальше:

«Трудности усугублялись нехваткой мощностей, наличием узких мест, решение которых требовало немалых затрат, поиска рациональных технических и организационных решений, перераспределения средств и ресурсов». Опять общие фразы. «Трудности» и «узкие места» бывают везде и всегда. Всегда и везде. Для борьбы с ними с более эффективным контролем даже придумали «сетевое планирование и управление» на основе сетевых графиков, в которых выделяют «критический путь» из «критических работ», срыв сроков по которым удлиняет дату окончания всего проекта. И брак иногда попадает, как производственный, так и конструктивный. Например, такая-то фирма успела выпустить 150000 джипов с неправильными «дворниками» – временами заклинивают. Трудность? – Трудность! Но надо ли срочно отзываться все эти джипы на СТО? Джипы выпущены, проданы, как средство транспорта использоваться могут и без иногда клинящих дворников. Захочет владелец поменять их на правильные – заедет на СТО. Не захочет, привык к такому – его решение. На то и трудности, чтобы их как-то решать по мере возникновения. И все они разные по важности и размерам затрат. И всё познается в сравнении. Особенно с термином «абсолютный». Вот дальше в рассматриваемом абзаце 1-го тома этот термин и был применен авторами:

«Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в канун войны произошло снижение темпов роста выплавки стали, добычи нефти, производства электроэнергии, металлорежущих станков. По выпуску этих видов продукции абсолютный прирост за 1938–1940 гг. был ниже, чем за 1935–1937 гг.» Какой вывод можно сделать из этой фразы? На первый взгляд важным как бы оказывается слово «снижение». Что-то там «снизилось», чего-то стало «меньше». Но чего? «Выплавки стали, добычи нефти» и т.д.? Неправильно. В этой фразе

главными терминами являются «темп роста» и «прирост». Что это такое?

Допустим, в одном году в стране выплавляли 2000 тонн стали. И никаких новых мартенов или конверторов не построили. А в следующем году ввели в строй еще десяток мартенов и выплавляли 5000 тонн стали. Т.е. во втором году прирост выплавки составил 150 % (3000 тонн).

В другом году в стране выплавляли 50 тыс. тонн стали на уже построенных мощностях. А в следующем году ввели в строй еще два (ДВА !!!) конвертера и выплавляли всего 62,5 тыс. тонн стали. Прирост оказался – 12,5 тыс. тонн или ... 25 %. Чувствуете истинный эквилибризм с цифрами политических агитаторов 1-го тома? В нашем примере «относительный» «прирост» за разные периоды упал в 6 раз (если «проценты», то это всегда – «относительно»), а «абсолютное производство», наоборот, выросло в 12 с половиной раз. Что касается падения «абсолютного прироста», то оно тоже естественно при увеличении объемов производства той или иной продукции. Невозможно его увеличивать бесконечно теми же темпами.

Экономических показателей существует множество. Из них «прирост» – не самый главный. Причем, чем больше абсолютные цифры производства, тем меньше могут (должны) оказаться относительные цифры «роста», так как «вес» каждого процента «утяжеляется». Еще пример: допустим, есть 3 доменные печи и построили еще 6 – всего стало 9. При этом «прирост» оказался 200 %. Но если уже есть 100 доменных печей, то чтобы сохранить 200 % «прироста», надо построить еще 200 печей (и всего получить 300 печей). А нужно ли это экономически? Вбухать все средства в доменные печи и с «голым задом» сидеть на горах чугуна? Может, пора средства вбухать во что-то другое? В строительство новой ткацкой фабрики, например? (Кстати, и она может использоваться в военном деле – для шитья той же новой формы).

А что касается «темпов роста», то он оценивает изменение «прироста» по годам. Допустим, в одном году «прирост» был 220%, в другом – 230%, в третьем – 190%. А через лет

пять – 150%, 100%, 90%. Вот вам и «снижение» «темпов роста».

Чем же заинтересовало авторов-агитаторов 1-го тома эти термины – «% роста / прирост» вместо абсолютных цифр сколько «всего» произвели? А чтобы сочинить вывод:

«Это случилось, прежде всего, потому, что угроза надвигавшейся войны вынудила значительную часть рабочей силы, материальных и финансовых ресурсов, предназначенных для развития базовых отраслей народного хозяйства, направить на расширение собственно военного производства».

«Угроза надвигавшейся войны»... Какая угроза? Откуда? А ее нельзя было как-то уменьшить дипломатическими методами? Почему бы не взять Советскому Союзу в августе 1939 г. и не согласиться с Англией и Францией, что в случае чего они вместе накомстыляют агрессору по первое число. Уменьшилась бы угроза? Может быть, тогда такого увеличения прироста военной продукции и не потребовалось бы? А сколько именно танков, самолетов, пушек в штуках могло бы потребоваться на ту или иную боевую операцию? Какие планы разрабатывались? По какой теории? «Мото-механизированной войны»? Создать 29 мехкорпусов? Зачем? С кем воевать? В 1-м томе этот вопрос пока не рассматривается. Главное – внедрить мысль, что какая-то «значительная часть» ресурсов СССР (от неизвестно какой абсолютной части), предназначенная для РАЗВИТИЯ, перед войной была направлена на расширение военного производства. Сам по себе факт интересный. Но «значительная часть» чего?

Допустим, на заводе работает 5000 человек. С целью развития решили построить еще один цех, для которого требуется еще 100 человек. Но по какой-то причине 60 человек, т.е. «значительную часть» от требуемых на развитие (т.е. от 100 новых), направили куда-то на другие задачи. При этом 40 человек для «развития» остались. И остались прежние 5000 человек. А 60 человек, т.е. 60 % от только «новых» (или 1,2 % от всех) куда-то делись.

Вот он – мухлеж с цифрами! Вот он – «высший пилотаж» пропагандистов-агитаторов! Если есть смысл озвучить абсолютные цифры – озвучивают. Но не всегда. «*Мы выплавили в прошлом году 50 млн. тонн стали!*» Кстати, цифры в примерах выше я брал «наугад», но можно обратиться к справочникам и посмотреть, как «падало» производство продукции в СССР в предвоенные годы. В частности:

Выплавка стали:

1913 г. – 4,9 млн. тонн,
1928 г. – 4,8 млн. тонн,
1939 г. – 17,5 млн. тонн,
1940 г. – 18,3 млн. тонн.

Добыча нефти:

1913 г. – 10,3 млн. тонн,
1934 г. – 30,6 млн. тонн,
1940 г. – 31,1 млн. тонн.

Правильно! «Прирост» к 1941 г. УМЕНЬШИЛСЯ! Смотрим по выплавке стали: с 1928 г. по 1939 г. абсолютный прирост составил 12,7 млн. тонн (17,5 – 4,8). Или 265%. А с 1939 г. по 1940 г. «всего лишь» 0,8 млн. тонн. Или 4,5% ! Разве это не доказательство «падения» советской промышленности к лету 1941 г.? Абсолютные цифры в динамике авторы 1-го тома вспоминать не хотят. Для них это почему-то – «плохо». Вот и приходится им тщательно выискивать «падение темпов роста». Хоть что-то, да «упало»!

В частности, это «падение» и используется в виде объяснения того, что «*в предвоенные годы Советское правительство максимально использовало военно-техническое сотрудничество с Германией*». (На той же 63-й стр.) И дальше пошла тема советско-германских экономических отношений в 1932 – первой половине 1941 г. В том смысле, насколько важным оно оказалось для ... Для чего – другой вопрос. Но коснуться надо? Надо! И опять не обошлось без эквилибристики в цифрах.

3. О ТОРГОВЛЕ С ГЕРМАНИЕЙ

1.

Эквилибризм возник в самом начале этой подтемы: «*в предвоенные годы Советское правительство максимально использовало военно-техническое сотрудничество с Германией. В 1932 г. треть машиностроительной продукции Германии шла в СССР*». Странно, разве 1932 год относится к «предвоенным»? Год-два-три, но не почти на десять лет раньше! В 1932 г. в Германии у власти была даже не партия Гитлера. И что значит «максимальное использование военно-технического сотрудничества с Германией»? Советский Союз в те годы строил социализм и коммунизм, которые (как повторялось на многих столбах, крышах и заборах) гораздо производительнее и научнее любого «загнивающего» капитализма. Чему у него «учиться»? Но как оказалось, для СССР не прошла бесследно многолетняя братоубийственная Гражданская война, потеря «умов», уехавших в эмиграцию, и необходимость потратить годы на восстановление разрушенного хозяйства. За это время «загнивающий» капитализм (в т.ч. в Германии) «ушел вперед» по техническому уровню оснащения промышленности. Вот и пришлось «брать кредиты» и т.д., в т.ч. в Германии.

Но если и затрагивать тему внешней торговли, то, наверное, было бы логично сравнить по годам, сколько в то время СССР закупал разных товаров и в каких странах. И такую информацию найти можно. Например, в справочнике «Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг.» (Москва, 1960). Хотя есть там и проблема: нет нормального одинакового параметра учета. Сравнить можно или по весу (в тоннах) или в деньгах. Если в деньгах, то логичнее в рублях. Однако, курс рубля к валютам периодически менялся, причем, не рыночными механизмами, а «волонтаристски» правительством. Поэтому в справочнике цифры в рублях даются два раза: по курсу того года и по «приведенному» на 1950 г. По

курсу 1932 г. СССР закупил товаров в рублях в том году по странам:

- в Англии – на 92 млн.,
- в Германии – на 328 млн.,
- в Италии – на 27 млн.,
- во Франции – на 4,3 млн.,
- в Чехословакии – на 10 млн.,
- в Швеции – на 21,5 млн.,
- в Иране – на 50 млн.,
- в США – на 32 млн.

А всего СССР в 1932 г. импортировал товаров на 704 млн. руб. Получается, что импорт из Германии составил около его половины. Серьезная доля! Но только эти цифры только за 1932 г. мало что могут сказать. Как оказывается, в 1932 г. объем советского импорта был не самый большой за период 1918 – 1940 гг. По курсу рубля 1950 г. СССР в 1932 г. импортировал товаров на 2,5 млрд. А в предыдущие годы импорт был побольше:

- в 1931 – на 3,9 млрд.,
- в 1930 – на 3,7 млрд.,
- в 1929 – на 3,1 млрд.,
- в 1928 – на 3,3 млрд.,
- в 1927 – на 2,6 млрд.

И после 1932 г. импорт в СССР уменьшался. В 1933 г. – 1,2 млрд., а дальше до 1940 г. он колебался в районе 0,7 – 1,1 млрд. руб. В связи с этим интересно посмотреть, а сколько и у кого СССР закупил товаров в 1931 г. из всего 1105 млн. (по тогдашнему курсу)?

- у Англии – на 73,4 млн.,
- у Германии – на 411 млн.,
- у Италии – на 30 млн.,
- у Франции – на 15 млн.,
- у Чехословакии – на 36 млн.,
- у Швеции – на 16 млн.,
- у Ирана – на 47 млн.,
- у США – на 230 млн.

Таким образом получается, что в 1931 г. закупки из Германии были большими, но в проценте ко всему импорту

меньше, чем в 1932 г. – лишь третей частью. Причем, импорт СССР из Англии и в США в том году оказался тоже немаленьким – на 303 млн. руб.

Продолжаем сравнивать – 1932-й был уже годом разгара мирового кризиса (да и 1931-й оказался в «стагнации»), а какая ситуация была в 1930 г.? Всего в тот год СССР импортировал товаров на 1059 млн. руб. (по тогдашнему курсу). Из Германии – на 250 млн. (чуть более 4-й части). А из США (для сравнения) – на 265 млн. Т.е. в 1930 г. каких-то американских товаров было закуплено даже больше, чем немецких. В какой-то степени это понятно. В основном новые заводы проектировались по американским проектам, которые (скорее всего) базировались на американских образцах разного оборудования – классический пример: строительство конвейера горьковского автозавода (который «приплыл» из США, где был «фордовским»). Но чем больше вводилось в строй советских заводов, тем импорт уменьшался. Причем, импорт из США на несколько лет резко снизился (в 1932 – 32 млн., в 1933 – всего лишь 17 млн.), зато резко увеличился импорт из Германии, в которой именно в это время все сильнее разгорался экономический кризис. Тем более, что и стандарты оказались метрические в отличие от американских.

И вот тут уже картинка получается поинтересней: чем сильнее становился кризис в Германии, тем больше на нее обращали внимание советские внешнеторговые организации. Наверное логика в этом была: скупить побольше у тех, кто вынужден сбрасывать цену в связи с кризисной ситуацией на мировых рынках. Логично!

Кстати, а какой была ситуация при царе в 1913 г.?

Оказывается, в последний мирный год перед войной «голая и босая» царская Россия ввезла товаров на 1,4 млрд. руб. (по тому курсу). Из них:

- из Германии – на 653 млн.,
- из Англии – на 173 млн.,
- из Франции – на 57 млн.

В ценах же 1950 г. импорт России в 1913 г. оценивается

на сумму почти 5 млрд. руб. – на столько СССР смог закупить товаров в 1936 – 1940 гг. вместе взятых.

После прихода Гитлера к власти советские закупки в Германии резко сокращаются, но не прекращаются совсем. А потом опять увеличиваются (в 1936 – на 308 млн. руб., в 1937 – на 200 млн. руб.), затем опять падают и достигают наибольшей величины в 1940 г. «Картинка» становится еще интереснее. В 1936 – 1937 гг. Сталин активно помогал «народному фронту» Испании, с которым воевали немецкие «добровольцы». И при этом СССР резко увеличивает импорт из Германии. «Ничего личного, только бизнес»? Т.е. идеология сам по себе, а некие «торговые» контакты – это отдельная тема? Кстати, а каков был баланс советско-немецкой торговли? Ведь чтобы что-то купить за границей нужны деньги той страны. Или какие-то «свободно конвертируемые» деньги. В конце-концов – золото. Или свои товары, которые та страна пожелает купить. Так вот, если до 1931 г. советский экспорт в Германию по деньгам был примерно равен импорту из нее, то в последующие годы «баланс» «закрывался» как-то иначе. В частности, вот цифры советского экспорта в Германию и импорта из нее (в млн. рублей по курсу в те годы):

1931 –	продали на	129 млн. руб.,	купили на	431 млн. руб.,
1932 –	...	100 ...	– ...	328 ...
1933 –	...	86 ...	– ...	148 ...
1934 –	...	98 ...	– ...	29 ...
1935 –	...	66 ...	– ...	22 ...
1936 –	...	116 ...	– ...	308 ...
1937 –	...	107 ...	– ...	200 ...
1938 –	...	86 ...	– ...	67 ...
1939 –	...	62 ...	– ...	56 ...

Похоже на то, что в торговых отношениях с немцами времен Гитлера до 1940 г. Советскому Союзу периодически приходилось оплачивать свои закупки не товарами, а чем-то другим. А в 1940 г. советский экспорт в Германию не только почти в 2 раз превысил импорт из нее, но и резко увеличился в объеме: в том году у немцев купили товаров на 419 млн. руб., а поставили на 736 млн. Но рубли-рублями,

тем более пересчитанными по каким-то формулам (в т.ч. на основе «волюнтаризма» «официального» курса). Более конкретны цифры в тоннах. В 1940 г. СССР вывез в Германию товаров весом чуть больше 3 млн. тонн, а закупил 3,5 млн. Точнее – 3555457 тонн. Из них 3519692 тонны составило сырье (98,99%). Из которого 3,4 млн. – уголь (95,6% от веса всего немецкого импорта). Машин и оборудования было лишь 29198 тонн (0,8%). Для сравнения: в США в те годы машин и оборудования было закуплено (в тоннах):

- в 1938 г. – 243508,
- в 1939 г. – 135718,
- в 1940 г. – 169685.

Таким образом, в 1940 г. СССР в США закупил машин и оборудования почти в 6 раз больше (по весу), чем у немцев.

2.

Но 1940 г. – это отдельная тема. До нее было бы полезно обсудить, чем вызван рост советского импорта из Германии в 1936-1937 гг.? Технология международных закупок по договорам как правило предполагает сначала заключения этих самых договоров. И как правило в предыдущий год. Т.е. чтобы закупить большую партию чего-то в 1936 г., в 1935 г. должен был быть подписан какой-то договор. Кто был тогда советским торговым представителем в Германии? Официально – Канделаки Давид Владимирович (1895–1938) – *«советский государственный деятель, дипломат, доверенное лицо Сталина»* (как пишут о нем в различных источниках, например, в книге Безыменского Л.А. «Гитлер и Сталин перед схваткой» – М.: «Вече», 2000, глава 4-ая, «Миссия Канделаки»).

Сталин назначил его торгпредом в Германию в декабре 1934 г. Перебежчик на «Запад» Вальтер Кривицкий еще перед войной в своей книге «Я был агентом Сталина» (перездана в Москве в 1996 г.) озвучил более широкие полномочия Давида Владимировича. У него якобы было секретное задание выйти на гитлеровскую верхушку и прощупать

возможность советско-германских контактов. Что он вроде бы и сделал. Но другой автор – Лев Безыменский отрицает какие-либо серьезные результаты деятельности Канделаки на «тайном фронте». Ни на кого из первых лиц рейха он якобы так и не вышел, а переговоры вел лишь с министром экономики Шахтом и с его помощником Гербертом Герингом – родственником соратника Гитлера.

Но как показывают сухие статистические цифры, торговый «прогресс» в советско-немецких отношениях в 1936-1937 гг. все же имелся. Видимо, в 1935 г. таки были подписаны какие-то соглашения, которые и привели в следующих 1936-1937 годах к оживлению торговли между странами. Причем, по советскому импорту из Германии в десятки раз (в деньгах).

Но в марте 1937 г. Канделаки вызвали в Москву. Или он сам приехал с неким проектом более серьезного договора между Сталиным и Гитлером. А вот дальше... Дальше Давид Владимирович в Берлин не вернулся. Какое-то время до осени он чем-то занимался в Москве, затем 11.09.1937 г. его арестовали, «пришили» «дело» и 20.07.1938 г. приговорили к расстрелу за участие в контрреволюционной террористической организации «Москва-Центр». А через 9 дней расстреляли. Реабилитирован в 1956 г.

Итак, весной 1937 г. что-то такое случилось, из-за чего пропал интерес участников к соглашению. То ли только у Сталина, то ли только у Гитлера, или у обоих сразу. Что же могло произойти в европейской политике весной – осенью 1937 г.? Можно предположить, что влияние оказали события в Испании и в Англии.

Испания и для Сталина и для Гитлера оказалась полезным военным «полигоном» для проверки на практике новых методов борьбы. В ноябре 1936 г. франкистские войска приблизились к предместьям Мадрида. В тот период на весь мир прозвучал исторический лозунг его защитников: «Но пасаран!» («Они не пройдут!»). Мадрид был удержан героизмом республиканских бойцов, бойцов Интербригад и всего населения Мадрида. И в начале 1937 франкистам не удалось

его окружить. В свою очередь, в феврале республиканская армия успешно провела Харамскую операцию. А в марте 1937 она одержала победу под Гвадалахарой, где было разбито несколько регулярных дивизий армии Муссолини. 17 мая 1937 в Испании было создано новое правительство Народного фронта, которое возглавил социалист Х. Негрин. До начала 1938 г. армия республиканцев добилась разных успехов, проведя наступательные операции под Брунете (в июле 1937), Бельчите (в августе – сентябре 1937) и у города Теруэль (декабрь 1937).

Но с весны 1938 г. военная удача все больше приходила к франкистам. При этом может возникнуть предположение, что тема построения социализма в Испании перестала увлекать товарища Сталина. И можно предположить, почему: в связи с возникшей другой темой – возможным «полезным» усилением Германии из-за изменившегося отношения к ней со стороны Англии. И именно с весны 1937 г., когда 28 мая премьер-министром Англии вместо ушедшего на покой Болдуина стал Невиль Чемберлен. Он занялся «умиротворением» Гитлера и Муссолини в рамках создания «противовеса» «расползанию коммунизма» со стороны Советского Союза. Но летом 1937 г. велась лишь «подготовка», а более принципиальной оказалась осень того года.

«Полезность» военного усиления Германии для Сталина могла заключаться в ее роли нарушителя мирной европейской политики. Но любая палка всегда о двух концах. И еще вопрос в какую сторону мог направить Гитлер свои усилившиеся армии через несколько лет (как и получилось). Но в 1937 г. тема зимних боев под Москвой вряд ли возникала у Сталина. В том году было понятно одно: без своего военного усиления и «благожелательности» со стороны «гарантов Версаля» Гитлер вряд ли начнет выставлять претензии к соседям. Вот Сталин и дождался к концу года, когда 17 ноября 1937 г. в Берлине состоялась встреча Гитлера и будущего британского министра иностранных дел Галифакса. На этой встрече Галифакс от имени британского правительства заявил Гитлеру, что ситуация вокруг Данцига, Австрии

и Чехословакии не обязательно должна оставаться такой же в перспективе. С небольшой оговоркой, что все это должно выполняться «путем мирной эволюции». Вот Гитлер и не заставил себя долго ждать. 1 марта 1938 г. Галифакс становится британским министром иностранных дел, а 12 марта Австрия присоединяется к рейху. Следующей на очереди оказалась Чехословакия, а затем и Польша, «решать» с которой без мнения Сталина Гитлер уже не мог.

Итак, Чемберлен становится премьером в конце мая 1937 г. Что можно было от него ожидать, Сталин узнал в подробностях от советского посла в Лондоне Ивана Михайловича Майского. Ждать пришлось не очень долго – до осени. Соответственно, и вопрос договора с Гитлером на время потерял актуальность. Для начала было бы полезно понаблюдать, как Гитлер будет усиливать себя с помощью «других». Поэтому, видимо, и задержали Канделаки с возвратом в Берлин. А чем больше проявлял активность Чемберлен в европейской политике, тем важность идеи договора с Гитлером для Сталина на какое-то время все больше понижалась. И возник вопрос что делать с Канделаки (который слишком много знал)? Вот его и арестовали в сентябре 1937 г.

А следом и снизилась советско-германская торговля. Видимо, до отъезда из Берлина Канделаки никаких договоров о торговле с немцами на 1938 г. не заключил. Вот в 1938 г. ее объем и уменьшился. В то же время стал увеличиваться импорт из США (в руб. по тому курсу):

1936 – 209 млн.

1938 – 408 млн.

1939 – 303 млн.

1940 – 448 млн.

Причем, в США закупался в основном не каменный уголь, а машины и оборудование. Сама по себе тема внешней торговли большая и многосторонняя. Что же написано об этом в 1-м томе? Несколько предложений: *«На кредиты, которые СССР брал у Германии, закупались немецкие машины и станки для заводов. Расплачивались за кредиты сырьем. Последний кредит в 200 млн. марок Советский Союз взял перед подпи-*

санием советско-германского пакта в 1939 г.». Дальше идут объяснения, каким жестким был СССР в вопросах «отстаивания своих собственных экономических и оборонных интересов». И краткая информация о советско-германских хозяйственных договорах 1940 и начала 1941 годов. На одной странице (64-ой). А затем объяснение плавно переходит к другой теме – подготовки страны к «неизбежному вооруженному столкновению с коалицией капиталистических государств».

4. О ПОДГОТОВКЕ К НЕИЗБЕЖНОМУ

1.

Эта тема с текстом на 26 страницах и завершает главу о предвоенном времени. С одной стороны 26 страниц – это немало. Но с другой, смотря какие вопросы затрагивать. Например, тезис о «неизбежности» – это еще неизвестно, насколько он оказался единственным вариантом. Конечно, если учесть стремление лидеров Советского Союза разнести «красное знамя пролетарской революции» во все страны мира, тогда конечно, без военных действий вряд ли удастся обойтись. И к ним тоже потребуются подготовка. К чему же и как готовилась страна в те годы? Цитаты со стр. 64-65:

«С появлением новых очагов мировой войны и нарастанием военной угрозы проблема подготовки экономики СССР к отражению возможного нападения становилась все более актуальной». Строго говоря, задача отражения возможного нападения всегда существует для любого государства. Решать ее можно двумя путями: усилением своих вооруженных сил и уменьшением угрозы нападения со стороны соседей. Второй метод предполагает активную работу дипломатов и лидеров стран. Обменялись несколькими письмами Джон Кеннеди и Никита Хрущев в 1961 г. и договорились войну не начинать. А по воспоминанию одного советского офицера-ракетчика, бывшего в то время на Кубе, они уже были почти уверены, что «всё, последний мирный вечер».

Да и «очагов мировой войны» после 1945 г. то там, то там возникало немало. Одно «противостояние в Корее» чего стоит – тоже побалансировали на грани уже ядерной войны. А потом возникали бои во Вьетнаме, в Африке и т.д. Но нападения конкретно на СССР не было. На то и существуют гражданские и военные главковерхи, чтобы заранее отводить его угрозу разными путями. А также не забывать о задачах обороны в случае нападения. Эта тема была как бы актуальной и в конце 30-х годов (стр. 65):

«В стране полным ходом шла подготовка к тому, чтобы в случае необходимости быстро и организованно перевести народное хозяйство на военные рельсы. Создавались резервы производственных мощностей, запасы стратегического сырья, материалов, топлива и продовольствия. Материальные резервы предназначались для обеспечения резкого расширения военного производства, а мобилизационные запасы создавались в целях обеспечения действующей армии в начале войны, когда экономика будет занята переходом на военные рельсы»

Ну это все и так понятно, что держава должна создавать запасы и планировать мобилизацию экономики «на случай». Другое дело – не «перегнуть палку», не превращать милитаризацию экономики в главную цель ее работы. И постараться как можно правильнее оценить угрожаемые территории с правильным размещением тех «запасов». А то неровен час склады с заводами за короткое время вдруг попадут трофеем к напавшему неожиданно противнику и большая часть предвоенной подготовки пропадет зря. Но мысль интересная, что в СССР перед войной «полным ходом» велась военная подготовка. Другое дело – ее подробности. Поэтому читаем дальше стр. 65:

«Тем не менее за предвоенные годы удалось добиться результатов огромной важности в борьбе за создание материальных основ военной мощи страны. Именно в предвоенные годы закладывались основы для экономической победы над агрессором. Избранный курс на оптимальное сочетание борьбы за рост военно-экономического потенциала с борь-

бой за обеспечение непосредственной экономической готовности к войне оказался правильным».

Не совсем понятно замечание «тем не менее». Разве кто-то или что-то мешало? А в других странах эту задачу не решают? В той же Германии? Страна за 7 лет смогла так «заложить основы экономики», что для ее сокрушения потребовалось много лет «соревноваться» в тяжелых условиях. В связи с чем выглядит странным вывод об «оптимальном сочетании». Чего с чем? Вчитаемся повнимательнее: требовалось оптимально согласовать две задачи: увеличить ВПК страны и поддерживать «непосредственную готовность» к войне. Действительно, задачи серьезные. Но как показала реальность катастрофы летом 1941 г., «избранный курс» вовсе не выглядит «правильным». С точки зрения конечной победы в мае 1945 «победителей не судят» и вполне можно огульно назвать все прежние решения правильными, которые и довели до Победы. Но вот каким путем: коротким ли с наименьшими потерями или длинным извилисто-запутанным – это вопрос. Кто же посчитал «избранный курс» «правильным»? Оказывается, маршал Г.К.Жуков. На стр. 65 так дальше и написано:

«На протяжении многих лет, – отмечал впоследствии маршал Г. К. Жуков, – в экономическом и социальном отношениях делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 г. до середины 1941 г., то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств»[218]».

И это называется «академический научный фундаментальный труд» – начинать объяснение с выводов! Еще не озвучены цифры, таблицы, сравнения, карты, но вывод уже есть: ВСЁ ДЕЛАЛОСЬ ПРАВИЛЬНО!!! И ссылка на ... мемуары («218»). И ладно бы на одно и то же издание «Воспоминаний и размышлений» маршала Жукова, но в «ПЕРЕЧЕНЕ ССЫЛОК» в конце главы приводятся страницы для РАЗНЫХ изданий этой книги:

218 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления [далее – «ВиР»]. В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 359.

229 Жуков Г. К. *ВуР. В 3 кн. М., 1990. Т. 2. С. 108.*

240 Жуков Г. К. *ВуР. М., 1969. С. 238.*

249 Жуков Г. К. *ВуР. М., 2002. Т. 1. С. 102.*

273 Жуков Г. К. *ВуР. М., 1974. Т. 1. С. 230, 240.*

281 Жуков Г. К. *ВуР. М., 1990. Т. 2. С. 29—30.*

283 Жуков Г. К. *ВуР. Т. 1. С. 324.*

«1969 г.» – это 1-е издание. Остальные – из более поздних. Интересна ссылка на 2002 г. – видимо, в более ранних таких слов не нашлось. Маршал Жуков умер в июне 1974 г., не дожив до второго издания (но был «доптираж» 1-го). Однако, переиздание его «отредактированных» мемуаров продолжалось. Формально это объяснялось «обнаружением новых черновиков старого текста». Но если сам автор не посчитал нужным вставить их в свой окончательный вариант, то для чего вставлять эти слова в других переизданиях? (Причем, в разных вариантах). «Цензура помешала»? Но если «все делалось правильно», то какие могут быть проблемы с изложением? Получается, что «все делалось» все же как-то не совсем «правильно»? Но читаем дальше стр. 65:

«Достигнутый количественный и качественный уровень военно-экономического потенциала стал той основой, на которой оказалось возможным даже в тяжелейших условиях войны, при огромных потерях организовать производство тех материальных средств, которые в конце концов обеспечили победу как в экономическом, так и в военном противоборстве с нацистской Германией и ее союзниками по блоку. Этот потенциал в целом отвечал требованиям длительной и упорной войны, которой суждено было обрушиться на советский народ».

Опять вопрос насчет «все делалось правильно»: а откуда тогда «огромные потери»? Если все делалось правильно, то потери должны быть минимальными. Странно, если «огромные потери» могли учитываться заранее. А нельзя было спланировать как-то более «правильно»? С потерями поменьше? Как могут показать конкретные цифры и таблицы, большую роль для СССР сыграл не только свой военно-экономический потенциал, но и других стран, в первую оче-

редь США, продукцию которых СССР получал в рамках помощи по «ленд-лизу». Что же это за «правильная» подготовка, в результате которой страна попала в такую катастрофу и оказалась на грани развала? Причем, в войне, к которой готовились-готовились, а она вдруг «внезапно» «обрушилась». (Стр. 65):

«Провозглашенный руководством СССР тезис о неизбежности вооруженного столкновения с коалицией капиталистических государств определил ту высокую степень внимания, которое оно уделяло военному строительству».

Чем дальше читаешь этот «научный труд», тем становится все более интересно наблюдать уровень его «научности». Оказывается, неназванное «руководство» СССР где-то когда-то до июня 1941 г. «провозгласило» о «неизбежной войне». Где? Когда? Словами какого руководителя или документа? Почему нет ссылки? Каким причинами обосновывалась эта «неизбежность»? И тогда почему летом 1941 г. война вдруг «внезапно» «обрушилась»? Почему нигде нет уточнения, что 22 июня 1941 «наконец-то свершилось то, о чем давно предупреждали большевики»? И к чему давно готовились «правильно»? Но не дается в 1-м томе ссылка на источник. Вместо этого продолжается «размахивание» общими фразами:

«Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, развитие науки и культуры, воспитание граждан – все это осуществлялось под лозунгом укрепления обороноспособности страны, подготовки к защите социалистического Отечества».

Индустриализация и коллективизация? Под лозунгом подготовки к войне? Кстати, первая пятилетка началась и закончилась еще до прихода Гитлера к власти. К войне с кем тогда призывало народ «руководство СССР»? Не с немецкими фашистами? А с кем? С империалистами Франции, Англии и США? Т.е. со своими будущими союзниками? Главное – была бы «правильная подготовка», а враг всегда найдется? А нельзя ли в «научном» труде привести цитаты поточнее? И с конкретными ссылками? Например, можно было бы поли-

статья Сборник «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В ДОКУМЕНТАХ 1919-1932», (1002 стр.) Партийное издательство, Москва, 1933, стр. 966-972.

«УСИЛЕНИЕ УГРОЗЫ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СССР И ЗАДАЧИ КОММУНИСТОВ

I. Подготовка военной интервенции против Союза Советских Социалистических Республик

Опасность военной интервенции против Союза Советских Социалистических Республик стала непосредственной опасностью для всего мирового пролетариата. Взаимоотношения между капиталистической и социалистической системами вступила в новый исторический фазис. Пролетариат Союза Советских Социалистических Республик в период крайнего обострения общего кризиса капитализма, опираясь на колхозных крестьян, на крестьянскую бедноту, в союзе с середняком и с помощью революционного пролетариата капиталистического мира заканчивает построение экономического фундамента социализма на одной шестой части земного шара. Ленинская политика ВКП(б) и ее ЦК, энтузиазм всего рабочего класса и широких масс трудящегося крестьянства в деле строительства социализма окончательно разрушили все надежды капиталистического мира и «прогнозы» троцкистов насчет перерождения советского хозяйства в капиталистическое.

.....

Французская буржуазия – этот главный организатор антисоветской войны – создала ряд политических и военных союзов с целью окружения Союза Советских Социалистических Республик (Польша, Румыния, Финляндия, государства Малой Антанты). Те же цели окружения Союза Советских Социалистических Республик преследуют планы пан-Европы и планы коалиции так называемых аграрных стран Юго-Восточной Европы и т. д. (Румыния, Венгрия, Югославия, Болгария и т. д.). Пересмотр и дополнение устава и полномочий Лиги наций также имеют целью создание предпосылок для

открытой организации крестового похода против Союза Советских Социалистических Республик.

.....

Планы военной интервенции против Союза Советских Социалистических Республик получили активную поддержку со стороны влиятельной в Северо-Американской Соединенных Штатах империалистской группы Гувера.

Группой Гувера была создана специальная организация под вывеской комитета помощи фермерам во главе с Легге – бывшим начальником снабжения союзных армий в империалистскую войну. Этим комитетом было закуплено на пол-миллиарда долларов, запасов для удовлетворения нужд интендантства интервенционистской армии. Запасы были закуплены с чрезвычайной поспешностью к намеченным французским империализмом срокам начала военной интервенции против Союза Советских Социалистических Республик и держались наготове в портах Атлантического океана.

В плане подготовки войны и в качестве непосредственного введения к вооруженной интервенции уже организована экономическая война против Союза Советских Социалистических Республик. Одна волна клеветнических кампаний планомерно сменяет другую; кампания вокруг мнимого «похищения генерала Кутепова», кампания против приписываемых Союзу Советских Социалистических Республик «религиозных преследований» сменились кампанией против так называемого русского «демпинга» и вскоре затем самой глупой и бесстыдной из всех кампаний – кампанией эксплуататоров, наемных рабов капитала против вольного социалистического труда под предлогом борьбы против так называемого «принудительного труда» в Союзе Советских Социалистических Республик. Эти гнусные кампании, за которыми следовали конкретные мероприятия экономической войны против Союза Советских Социалистических Республик как в Европе, так и в Америке, ясно и открыто преследуют цель срыва пятилетнего плана социалистического строительства Союза Советских Социалистических Республик. Уже открыто объявлена война экспорту советских товаров при помощи чрезвычайных зако-

нов на основе запрещения ввоза и системы лицензий на ввоз во Францию; в Бельгии – посредством декрета, направленного против «демпинга»; в Северо-Американских Соединенных Штатах и Канаде – посредством декрета против продуктов «принудительного труда» в Союзе Советских Социалистических Республик. Руководящие капиталистические группы решающих империалистских стран (в первую очередь Франции и Великобритании) открыто возвещают лозунг международной организации этой экономической войны, лозунг разрыва сношений с Союзом Советских Социалистических Республик.

.....»

Но не стали авторы 1-го тома тратить время на обоснование ссылками своих выводов о «правильности» «избранного курса». Для них оказалось важным продолжить общие фразы (стр. 65):

«Количественные, а во многом и качественные показатели проделанной работы, особенно в области производства военной техники, были гигантскими. То, что было сделано, явилось неоценимым вкладом в укрепление военно-промышленного потенциала Советского Союза. То, чего, к сожалению, осуществить в преддверии войны не удалось, пришлось переложить на плечи героических тружеников тыла, сумевших выковать в ходе войны оружие победы».

Итак, с одной стороны до войны была проделана гигантская работа по созданию, видимо, немалого количества военной техники с неплохим качеством. Но «чего-то» все равно «осуществить не удалось». Странно, а что же еще нужно было в войне кроме военной техники? Сама она, конечно, не воюет. Ею должны управлять обученные люди. И они, надо полагать, были, так как это «что-то» касается «оружия победы» (т.е. опять же «военной техники»). И ковали ее те же труженики тыла, но уже во время войны. Может возникнуть вопрос: а куда делось оружие, которое было выковано до войны? Или его выковали недостаточно? Некоторое объяснение дается в следующем абзаце текста на стр. 65 1-го тома:

«К началу Второй мировой войны советские Вооруженные силы по количеству личного состава и основных видов

вооружения не уступали армиям ведущих государств Европы и Азии. Однако война с Финляндией показала, что они во многом не соответствовали требованиям времени».

Странно, ковали боевую технику, ковали перед войной, и вдруг война с Финляндией показала ... Но опять же, что же показала война с Финляндией? Слабость Красной Армии? (Которая в труднейших зимних условиях прорвала оборонительную линию противника и только «стоп-сигнал» остановил ее от броска к столице соседнего государства!) Или прорвать оборонительную линию надо было не за два-три месяца, а за два-три дня? Но любая война – это вариант игры с элементами везения и учета много чего, что можно не учесть по разным причинам. Вот чего-то поначалу и не учли. На что-то понадеялись (неудачно). Но потом провели подготовку как надо и добились результата. Результат обсудили в марте-апреле 1940 г., сняли наркома обороны (Ворошилова) с переводом на повышение (в замы главы правительства и председателя Комитета обороны при СНК СССР) и опять затеяли разные очередные реорганизации и подготовку Западного театра. *«Однако времени для осуществления столь существенных преобразований оставалось слишком мало».*

Вот чего не хватило! «Времени!» Интересно: танк Т-34 во время войны модернизировался несколько раз, получил новую башню и новую пушку. Потом у него развернули двигатель поперек – получился Т-44. Потом (уже после войны) появились новые модели: Т-54, Т-55, Т-62, Т-64, Т-72, Т-80 и тут страна развалилась. Но никто никогда не заявлял, что времени не хватало. Процесс совершенствования боевой техники происходит всегда. Всегда что-то реорганизуется и изменяется. Но проходить это должно так, чтобы боевая готовность не понижалась. На то и существует Генштаб и разные управления министерства обороны. Или они существуют сами по себе, а боевая готовность – сама по себе? Или надо просить возможных противников: *«– Подождите! Нам надо еще год-два для завершения реорганизации!»?* В теме подготовки к войне никто никого ждать не будет. Более того, все военные плановики должны знать, что важным элементом любой во-

енной подготовки является дезинформация. А поэтому нет смысла жаловаться, что противник обманул – своей головой надо думать. И тщательнее налаживать сбор информации о противнике, не игнорируя различные угрозы. Ну а коль по какой-то причине «кое-что» упустили, то объективная причина может быть только одна – собственные ошибки, а не какое-то там «время». К чему же и как готовилась РККА до 22 июня 1941 г.? Вот только с 65 страницы в 1-м томе и начинают появляться некоторые цифры.

2.

«К лету 1941 г. советские Вооруженные силы насчитывали 5,7 млн. человек и включали...» (сухопутную армию, флот, пограничные и внутренние войска). Это много или мало? В частности: *«Сухопутные войска (303 дивизии)»*. Для обороны вполне достаточно? Смотря с каким противником воевать? Вот на стр. 65 и дается сравнение: *«По своим возможностям советский корпус по числу дивизий и людей уступал немецкому, но был сильнее по огневой мощи артиллерии»*. Хорошо, один советский стрелковый корпус может быть и уступал по числу людей. А сколько всего тех корпусов было в советской армии в сравнении с немецкой? Где цифры? Может быть, советских корпусов было в 10 раз больше немецких, тогда какая разница, на сколько в людях советский (один) был меньше немецкого (одного)? Но нет таких данных в 1-м томе. Зато следом идет сравнение дивизий: *«По составу и вооружению стрелковая дивизия Красной армии штата военного времени не уступала пехотной дивизии вермахта. Но такими советские дивизии должны были стать лишь после отмобилизования, а до самого начала войны они содержались по штатам мирного времени, и организация их была различной. В приграничных военных округах их штатная численность достигала 12 тыс. человек (71,1% от штатной численности военного времени), во внутренних – обычно не превышала 6 тыс. ... Ряд частей и подразделений дивизий внутренних округов располагал лишь минимальным количеством командного состава, предназна-*

ченного для руководства их развертыванием при мобилизации». Опять какие-то вырванные из общей статистики цифры. Но можно досчитать пропущенное. 12 тыс. человек – это 71,1%, а сколько будет составлять 100%? Решая пропорцию, получаем 16900 человек в одной советской дивизии по полному штату. Выше в тексте говорилось про общее количество 303 (всех, видимо не только стрелковых). Предположив, что общее количество в каждой было примерно одинаково, то получается, что если их все одновременно развернуть по штатам военного времени, то в составе только сухопутных сил должно оказаться более 5 млн. человек. Без авиации, морфлота, тыловых частей, погранцов, железнодорожных войск, стройбатов и т.д. Читаем дальше:

«Двенадцатитысячные стрелковые дивизии имели менее половины штатного числа автомобилей и тракторов. Планировалось, что войска получат их из народного хозяйства с объявлением мобилизации». Правильно. Для чего в мирное время затаривать все дивизии автомобилями по полному штату? Посчитаем. Сколько всего должно быть автомобилей в одной советской стрелковой дивизии? Допустим, в один грузовик (в среднем) помещается 25 человек. Тогда чтобы весь штат дивизии посадить на автомобили, их потребуется около 700. А ведь кроме людей на автомобилях должны были вывозить и массу разного имущества! А также запасы боеприпасов. И цеплять разные прицепы сзади на крюк. Перемножаем 303 дивизии на (хотя бы) 700 и получаем порядка 212 тыс. автомобилей. Если предположить, что примерно столько же требовалось машин и на вывоз имущества, то получается, что на полное развертывание 303 дивизий по военному штату надо было «выдернуть» из народного хозяйства до полумиллиона грузовиков. И пусть они все стоят на колодках в парках – ждут «дня М»? Или если не все на колодках, а на каких-то из них что-то перевозят на учениях – в любом случае все эти автомобили изъяты из народного хозяйства и никакой прибыли не приносят. На чем же будут ездить в народном хозяйстве, если всего грузовиков в СССР к 1941 г. было ... не так уж и много.

«Из-за недостатка артиллерии значительная часть корпусов и дивизий имела по одному артиллерийскому полку вместо двух, положенных по штату. Необходимо отметить, что дивизии вермахта, развернутые на границе с СССР, были укомплектованы личным составом, вооружением, транспортом по штатам военного времени». (Стр. 66) Сколько? Сколько полностью укомплектованных дивизий вермахта оказалось к 22.06.41 у границ с СССР? 10? 50? Давайте сравним вышеприведенную цитату, например, с такой: *«Противник сосредоточил у границы 50 своих полностью укомплектованных дивизий, а у нас из 303-х полностью укомплектована не была ни одна».* Чувствуете важность абсолютных цифр в нужном месте? Можно возразить, что немцы сосредоточили не 50 дивизий, а больше. Хорошо, «больше». Но указать надо? Что значит в академическом издании количество «значительная часть»? От чего? По какой причине возник тот «недостаток»? В каком году было принято решение о создании именно 303 дивизий? Может быть к тому моменту наличной артиллерии и не хватало на всех, а только на уже имеющиеся части? По каким планам вдруг потребовалось иметь в разной степени укомплектованности 303 дивизии? Разве нельзя было остановиться на меньшем числе соединений, но получше укомплектованных? Войну ждали? Тогда почему она вдруг разразилась неожиданно, когда чего-то там «не успели»? И что означает «неполная укомплектованность» всех дивизий РККА в западных округах СССР? А немецких? Сколько их было? Две? Десять? Сто? Некоторые цифры приводятся лишь в следующей главе на стр. 104-105:

«Таким образом, войска западных приграничных округов в составе 170 дивизий, двух отдельных стрелковых и 12 воздушно-десантных бригад не были приведены в полную боевую готовность и, не закончив оперативного развертывания, не смогли дать отпор мощным ударным группировкам немецкой армии. Если в первом эшелоне армий прикрытия находилось 56 дивизий и две бригады, то противник имел в первом эшелоне 103 дивизии, из них 10 танковых». Все понятно? «Таким образом...» В РККА всего имелось 303 ди-

визии (пока не уточняем, каких родов войск). Из них 170 (больше половины) находились в западных приграничных округах. Из которых лишь 56 располагались в каком-то «первом эшелоне». Надо полагать – поближе к границе. И при этом численность дивизий в приграничных округах (как сказано выше) достигала 71,1% от полного штата. А если перевести на полную численность, то дивизий получается 120. У немцев «в первом эшелоне» было 103 дивизии «полностью укомплектованных». Т.е. в целом у вермахта особого преимущества не было. Другое дело – на направлениях его главных ударов. Ну так для того и существует разведка, чтобы успеть вовремя «прикрыть» угрожаемые участки. Как показал результат лета 1941 г. – это сделать не посчитали нужным.

В обоснование «таким образом» на стр. 104 дается следующий абзац:

«В начале войны обстановка на фронте складывалась чрезвычайно тяжелая, порой трагическая. Недостатки в качественном состоянии армии, ее подготовке, просчеты политического руководства страны в приведении войск в боевую готовность дали о себе знать сразу же с началом войны».

Недостатки можно найти везде и всегда. Где-то на складах руки не доходят до заполнения карточек учета каждой позиции – обходятся приходными накладными и расходными требованиями. Непорядок? Непорядок. Или пришли в офис и попросили показать паспорт на счетчик воды. Показали (если еще найдут): срок проверки наступает в июне текущего года. А сейчас какой месяц? Сентябрь? Непорядок? Непорядок! И т.д. Понятно, что коль армия не смогла оказать грамотного сопротивления, то какие-то «недостатки» имелись. И про них можно сразу же упоминать где нужно и не нужно.

А вот насчет «просчета политического руководства страны в приведении войск в боевую готовность» к «недостаткам» армии не относятся. Армия не может находиться в полной боевой готовности везде и всегда. Для этого су-

ществует Генштаб и министерство, чтобы выдавать соответствующие приказы об уровне готовности тем или иным частям. И грамотно планировать их дислокацию. Заявление в данном случае, что «политическое руководство страны» «промахнулось» говорит о том, что оно или было полными дураками, или полностью исключало немецкое нападение. И проводило какую-то подготовку своей армии по каким-то своим планам, в которых не было места задаче конкретной обороны в ближайшие дни. Потому нападение и оказалось «неожиданным».

3.

А теперь можно вернуться к цифре «303 дивизии» и удивиться тому, что она не имеет ссылки на первоисточник. Как на разные мемуары ссылаться в «академическом труде» – так это можно, а подкрепить ссылкой конкретные цифры – это не важно. Причем, из текста 1-го тома на стр. 65–66 получается, что как были те дивизии в недоукомплектованном состоянии в начале лета 1941 г. (без уточнения по родам войск), так и остались до немецкого нападения. Почему, отчего, кто виноват – науке не важно. Но нашлись «добрые люди», которые нашли в архивах документ, в котором есть упоминание «303 дивизий» – это рукописная справка (записка) заместителя Начальника Генштаба Красной Армии генерала Ватутина от 13 июня 1941 г. Ее архивный номер: ЦАМО РФ, фонд 16А, опись 2951, дело 236, листы 65-69.
«13 июня 1941 г.

Сухопутные войска

Всего в СССР имеется 303 дивизии: сд – 198, тд – 61, мд – 31, кд – 13, гап – 94, ап РГК – 74, ВДК – 5, пртбр – 10.

Для развертывания на западных границах:

В составе фронтов (без соединений, находящихся в Крыму) 186 дивизий, из них: сд – 120, тд – 40, мд – 20, кд – 6, ап РГК – 53, ВДК – 5, пртбр – 10.

Северный фронт – 22 дивизии, из них: сд – 16, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1.

Северо-Западный фронт – 23 дивизии, из них: сд – 17, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1.

Западный фронт – 44 дивизии, из них: сд – 24, тд – 12, мд – 6, кд – 2.

Юго-Западный фронт – 97 дивизий, из них: сд – 63, тд – 20, мд – 10, кд 4 (без соединений, находящихся в Крыму).

В состав Юго-Западного фронта включаются:

– КОВО – 58 дивизий, из них: сд – 32, тд – 16, мд – 8, кд – 2;

– ОДВО (без соединений, находящихся в Крыму) – 19 дивизий, из них: сд – 11, тд – 4, мд – 2, кд – 2;

– ПриОВО – сд – 7;

– ХВО – сд – 7;

– ОрВО – сд – 6.

Армии резерва Главного Командования:

22А (УрВО) – за Западным фронтом. Всего 9 дивизий, ...

16А (ЗабВО) – за Юго-Западным фронтом. Всего 12 дивизий

...

19А (СКВО) – за Юго-Западным фронтом. Всего 11 дивизий ...

Всего на западной границе 218 дивизий, из них: сд – 142, тд – 47, мд – 23, кд – 6, ВДК

Центральные армии резерва Главного Командования

28А (из АрхВО) – северо-западнее Москвы. Всего 8 дивизий ...

24А (Управление из СибВО) – юго-западнее Москвы. Всего 11 дивизий ...

Всего в двух центральных армиях РГК 19 дивизий ...

Всего на Западе с центральными армиями РГК 237 дивизий, из них: сд 155, тд – 51, мд – 25, кд – 6, ВДК – 5, пртбр – 10, ап РГК – 55, осбр – 2.

Война теорий о 1941-м. Часть I

*На остальных (второстепенных) участках госграницы:
Всего 66 дивизий, из них: сд – 43, тд – 10, мд – 6, кд – 7 и осбр
– 1, мббр – 1.*

Эти силы распределяются следующим образом:

АрхВО – сд – 1; Крым – 3 дивизии, из них: сд – 2, кд – 1;

СКВО – сд – 1 на Черноморском побережье;

ЗакВО и СКВО – 20 дивизий ...

ЗабВО – 8 дивизий ...

ДВФ – 23 дивизии ...

*При таком распределении сил необходимо дополнительно
запланировать перевозки по железной дороге:*

*из СибВО в район Сухиничи, Брянск – сд – 6, управлений СК – 2,
ап РГК 2, армейских управлений – 1;*

из МВО в район КОВО – сд – 5 и управлений СК – 2;

*из ОрВО в КОВО – сд – 7, управлений СК – 2 и армейских
управлений – 1; из ХВО в КОВО – сд – 7, управлений СК – 2, ар-
мейских управлений – 1;*

из ХВО в район Белая Церковь – один МК, тд – 2, мд – 1;

из АрхВО в район Ржев – сд – 1, армейских управлений – 1.

*Всего 33 дивизии, ..., что составит около 1300 эшелонов
плюс тылы и части усиления около 400 эшелонов, а всего
1700 эшелонов.*

*Для перевозки потребуется около 13 дней из расчета 130
эшелонов в сутки.*

Боевые части могут быть перевезены за 10 дней.

II. Военно-воздушные силы:

*Всего боеспособных авиаполов 218, из них: иап – 97, ббп – 75,
шап – 11, дбп – 29 и тбап – 6.*

Эти силы распределяются следующим образом.

Главные силы в составе 159 авиаполов иметь на Западе.

Из них:

Северный фронт – 18;
Северо-Западный фронт – 13;
Западный фронт – 21;
Юго-Западный фронт – 85;
в резерве Главного Командования – 29.

Остальные 59 авиаполов имеют на других участках, из них:
АрхВО – 2, ЗакВО – 13, САВО – 5, ДВФ – 26, ЗабВО – 7, для при-
крытия Москвы – 6.

III. Распределение сил по армиям на Западном и Юго-Запад- ном фронтах:

Западный фронт:

ЗА – 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1;
10А – сд – 5;
13А – 11 дивизий, из них: сд – 6, тд – 2, мд – 1, кд – 2;
4А – 12 дивизий, из них: сд – 6, тд – 4, мд – 2;
резерв фронта – 8 дивизий, из них: сд – 2, тд – 4, мд – 2.

Юго-Западный фронт:

5А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;
20А – сд – 7;
6А – 16 дивизий, из них: сд – 10, тд – 4, мд – 2;
26А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;
21А – 13 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, сд – 1, кд – 2;
12А – сд – 4;
18А – 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1;
9А – 12 дивизий, из них: сд – 7, тд – 2, мд – 1;
резерв фронта – 7 дивизий, из них: сд – 4, тд – 2, мд – 1.

При благоприятной обстановке на Запад может быть до-
полнительно выделено 17 дивизий (сд – 7, тд – 7, мд – 3);

СКВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1);
ЗакВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1);
САВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1);

На перевозку этих дивизий нужно 600 эшелонов.

*Заместитель Начальника Генерального штаба Красной Армии
подпись Н. Ватутин»*

И картина становится, мягко говоря, уже другой. Посмотрим на дату документа: «13 июня 1941 г.» В аккурат в тот день, когда «политическое руководство страны» на весь мир заявило, что оно никакой войны не ожидает. А если вчитаться в текст генштабовского документа, то вывод возникает один: что он в ближайшее время что-то замышлял. При полной готовности после того, как будут выполнены перевозки всех эшелонов. В тексте попадаются сроки: «13 дней», «10 дней». Если прибавить их к 13 июня, то получается, что только завершение передислокации частей РККА к чему-то у западных границ могло быть завершено к 26 июня. Если перевозки начались бы в тот день 13 июня. Если позже, то и их окончание будет позже. Плюс какое-то время на подготовку «на месте». Не могут части двинуть в бой прямо после разгрузки с эшелонов.

Следующий интересный момент: немцы еще не напали, а уже идет речь про «фронты» у западной границы, за которыми числилось 186 дивизий. И планировалось перевезти туда еще 32. И если бы немцы не напали, то у западных фронтов к концу июня оказалось бы 218 дивизий. А с 19-тью резерва РККА, которые нацеливались опять же «на запад», тамошняя группировка включала бы 237 дивизий. По мемуарам Баграмяна и по другим источникам известно, что многие «внутренние» части западных округов должны были передислоцироваться поближе к границе. Причем ночными пешими маршами. Да, к 22 июня не успели. Но так и дата окончания движения по плану была 1 июля. Кроме того, известно по документам, что 16А и 19А перевозились в Киевский ОВО. Видимо, не «просто так», а в связи с каким-то планом, в рамках которого и составил свою «записку» гене-

рал Ватутин. Получается, что со стороны РККА у западной границы собиралась немалая группировка войск с готовностью к началу июля.

Кстати, насчет «нехватки артиллерии». Обращаем внимание на начало «записки»: «*ган – 94, ап РГК – 74*». Что это такое? «ГАП» – это «гаубичный артполк». «АП РГК» – «артполк резерва ГК». Итого 168 артполков. По современным понятиям в дивизии должно быть 3 профильных полка и 2 непрофильных. Делим 168 на 5 и получаем почти 34 артдивизии. Не считая артиллерии внутри неартиллерийских полков (артдивизион в танковом полку, минометная рота в стрелковом батальоне и т.д.). Мало? Смотря для каких целей.

В связи с этим неизменно возникает вопрос: «к чему так готовились»? Понятно, что как минимум к какой-то боевой работе. А к какой конкретно дате? Вряд ли к 1 июля. После многотрудных ночных маршей надо бы дать людям отдохнуть несколько дней. Заодно и проверить/почистить оружие и технику. А также подготовить тылы, получить сухпай и боеприпасы. В целом – до недели. Итого, вырисовывается какая-то готовность к 6 июля. По планам, в которых не было места немецкому нападению 22 июня. Не учитывалась в них эта вероятность. Как класс.

Что еще бросается в глаза в справке Ватутина? Что не планировался Южный фронт, а части Одесского округа должны были войти в подчинение Юго-Западному. Это потом из-за немецкого нападения Южному фронту (созданному в самый канун войны), было поручено управлять боями в Молдавии. А по каким-то советским планам еще 1940 г. Южный фронт, скорее всего, предполагалось направить на контроль за тылами Юго-Западного фронта после того, как он прорвется на запад в южной Польше и повернет севернее. Такой вариант известен, например, из «Записки начальника штаба КОВО по решению Военного совета Юго-западного фронта по плану развертывания на 1940 год» (Подготовлен Начальником штаба КОВО генералом Пуркаевым М.А. – документ № 224 в 1-м томе двухтомника «1941»). Из него несколько цитат:

«III. Задачи Юго-Западного фронта»

Ближайшая стратегическая задача – разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30 день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача – во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10 день операции выйти на р. Висла и развить наступление в направлениях: на Кельце, Петроков и на Краков.

....

IV. Боевой состав Юго-Западного фронта

семь управлений армий;

.....

3-й этап операции

Задача – завершение выполнения ближайшей стратегической задачи фронта. Глубина – 250 км. Срок выполнения – 20 дней.

Главный удар в направлении Катовице – Краковского района. Силы главного удара: 6 армия, 12 армия, 26 армия, конно-механизованная армия.

Боевое обеспечение осуществляют; со стороны Варшавы и Лодзь – 5 и 19 армии; со стороны Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии – 20 армия, 18 и 9 армии, объединенные в особый фронт».

Правильно! 7 управлений армий. По «записке» Ватутина : 5А, 20А, 6А, 26А, 21А, 12А, 18А. Реально немецкое наступление встретили 4 армии: 5-я, 6-я, 26-я и 12-я. Остальные «не успели».... А 9-я армия придерживалась для каких-то других задач. Можно предположить, что для «особого» фронта – Южного, который был создан 22 июня 1941 г. из управления Московского военного округа.

В этой же «записке» есть и интересное объяснение: «Вооруженное нападение Германии на СССР наиболее вероятно при ситуации, когда Германия в борьбе с Англией будет по-

бдительницей и сохранит свое экономическое и военное господствующее влияние на Балканах». Естественно, дожидаться его нет смысла. А гораздо выгоднее ударить по германским войскам в момент, когда она будет завязана в войне с Англией на этапе завершающих операций. И этот немецкий удар должен был состояться скорее всего где-то летом 1941 г. – дальше тянуть Гитлер не смог бы в связи с невозможностью длительное время содержать крупную армию. А отказ от активных военных действий с Англией только «подточил» бы его стратегические запасы. Таким образом, именно летом 1941 г. мог возникнуть очень выгодный момент для Красной Армии, пропустить который было бы жалко. А чтобы не пропустить, надо было провести тщательную подготовку. Ее главным содержанием должно быть сосредоточение у западных границ СССР серьезных войск. И оно реально проводилось.

По родам войск «303 дивизии» расшифровываются так:

- стрелковых (сд) – 198,
- мото-стрелковых («моторизованных» – мд) – 31,
- танковых (тд) – 61,
- кавалерийских (кд) – 13.

Итак, наиболее крупная группировка Красной Армии к лету 1941 г. почему-то собирается на юго-западе в Западной Украине: 8 армий с резервом в составе 97 сухопутных дивизий и 85 авиаполков – треть всех войск!!!! Зачем? Кстати, в справке Ватутина видимо ошибка по 9А – должны быть еще 2 кавалерийские. А то не сходится общее число (12) и общее число по родам войск (или это опечатка распознавания).

Интересно замечание по Дальневосточному фронту: «второстепенный участок госграницы». А как же угроза со стороны Японии? Хотя, если уж угроза со стороны Германии не воспринималась серьезно, то что говорить про Японию? Анализируется ли в 1-м томе состав дивизий по родам войск и размещению по приграничным территориям? В рассматриваемом месте это не сделано. На стр. 66 основное внимание уделено перечислению отдельных видов вооружения и боевой техники. С очередными сетованиями о нехватках. Не

хватало автоматов у солдат! *«Основными же видами стрелкового оружия Красной армии накануне войны по-прежнему оставались винтовка Мосина и станковый пулемет системы Максима».*

И с организацией танковых войск были недоработки! В конце 1939 г. танковые корпуса решили расформировать. Корпус того времени состоял из бригад, т.е. его можно рассматривать как неполную дивизию. Вместо них решили перейти на бригады и дивизии. Но потом (летом) 1940 г. решили танковые корпуса «восстановить». Сначала 9, потом еще 20. Однако, при этом не уточняется, что новые «корпуса» состояли уже не из «бригад», а из «дивизий», т.е. представляли из себя уже как бы неполную «армию». Но все равно танков на всех не хватало!

«Было установлено, что общая потребность Красной армии в танках с учетом танковых частей кавалерийских дивизий и воздушно-десантных корпусов составляет 37 895 единиц. К началу войны их имелось почти 19 тыс., то есть не хватало свыше 19 тыс. Хотя танковая промышленность работала с большим напряжением, заказы Наркомата обороны систематически не выполнялись. В результате Вооруженные силы недополучили в 1938 г. 104 танка, в 1939 г. – 292, в 1940 г. – 773 танка. Без перевода всей промышленности страны на военные рельсы обеспечить создание такого количества новых формирований в ближайшие два-три года было невозможно. К началу войны не удалось завершить формирование механизированных корпусов. Даже в западных приграничных военных округах только половина соединений имела более 50% положенных по штату танков. Низкая укомплектованность танками, необеспеченность средствами тяги, ремонта, заправки и транспортом делали механизированные корпуса малоподвижными и небоеспособными».

Кем была «установлена» «общая потребность» в танках аж в количестве под 38 тыс. штук? По каким планам? Где ссылки? Здесь академическое научное издание или реферат старшеклассника? Но нет ссылок. Вместо них приводятся очередные сетования на «ошибки» (стр. 67):

«Формирование большого количества танковых и мотозинированных соединений [т.е. «дивизий»] без учета материальных возможностей [извините, а кто отдал приказ на это «формирование»? Разве не само правительство?] привело к нарушению слаженности имевшихся танковых бригад и батальонов, которые, по сути, растворились в огромной массе новых дивизий и полков. В свою очередь, снизилась боеспособность стрелковых и кавалерийских дивизий, из которых было изъято большое количество самых подготовленных солдат, сержантов и офицеров. Стрелковые дивизии лишились штатных танковых батальонов».

Всё плохо! Ну всё «не так» в предвоенной подготовке (неизвестно к чему, но «правильной!»)! Так «правильной» или «всё не так»? Особенно умиляет глубоко «научные» (т.е. совершенно антинаучные) рассуждения о «нарушении слаженности имевшихся танковых бригад и батальонов». Каким образом? Разве от того, что некий танковый полк переподчинили какой-то другой дивизии, у него нарушится «слаженность»? Кого с кем? Командиров рот с сержантами? Или, может быть, командиров батальонов с командирами взводов? И как могли «танковые бригады (т.е. по сути – «полки») и батальоны «раствориться в огромной массе новых дивизий и ... полков»? А откуда взялись новые дивизии и полки (т.е. по сути «бригады»)? Разворачивались старые полки и батальоны в три раза (тройчатки)? По каким планам? Для каких целей? Оборонить страну в случае неожиданного нападения? Так почему не оборонили? А-а-а, так им танков на всех не хватило! Конечно, можно легко приказать увеличить батальоны до полков, набрать новых людей, а где взять новые боевые машины? Готова ли вовремя «ответить» промышленность? Или те приказы отдавались какими-то неизвестными врагами страны, а не самим ее правительством?

Не отвечает на это 1-й том, зато выдает очередной «научный» вывод: *«В свою очередь, снизилась боеспособность стрелковых и кавалерийских дивизий, из которых было изъято большое количество самых подготовленных солдат, сержантов и офицеров».*

Во-первых, можно посмотреть справку Ватутина и увидеть, что из 303 дивизий всего кавалерийских было 13 – чуть более 4%. Это к тому, что кавдивизии в то время «погоды» уже не делали на уровне ударной силы армии. А что касается стрелковых, то наличие в них танков в какой-то мере возможно и играло роль, но более важной для них была артиллерия. И еще вопрос с каким противником воевать. И по какой диспозиции. Трагедия июня 1941 г. показала, что боеспособность стрелковых войск оказалась не совсем на нужном уровне. Но произошло ли это из-за «изъятия» танковых батальонов или по какой другой причине – не объясняется. Но даже не на это обращается внимание в рассматриваемом месте 1-го тома. А на то, что из стрелковых дивизий, якобы, «изымалось большое количество самых подготовленных солдат, сержантов и офицеров». Каким образом «изымалось»? Переписывали пулеметчиков в механики-водители? Стрелков в заряжающие танковых экипажей? А старших офицеров на батареях в командиров танковых рот? Так извините, ВУС разный (военно-учетная специальность)! Это называется «научное» исследование? Как могли доктора военно-исторических наук в фундаментальном труде сочинить такое «детское» объяснение? А следом идет еще веселее: классическая тема любителей военной истории – сравнение танков.

4.

«Сравнение тактико-технических характеристик советских и немецких танков свидетельствует, что танки Т-34 и КВ значительно превосходили немецкие по основным показателям (калибру орудий, количеству пулеметов, запасу хода, мощности двигателя и бронированию). Они имели менее пожароопасный дизельный двигатель, в то время как большинство немецких танков – бензиновый. Броня КВ была неуязвимой для всех немецких танков. В то же время орудия КВ и Т-34 пробивали броню немецких танков. Не уступали по основным конструктивным параметрам одноп-

ным танкам вермахта и советские машины Т-26 и БТ. Более 6,5 тыс. БТ-5 и БТ-7 было оснащено дизельными моторами. 45-мм орудия советских легких танков на дальности 500 метров пробивали лобовую броню всех германских танков, кроме Т-IV. В то же время орудия всех немецких машин на такой дальности пробивали броню советских легких танков».

Во-первых, не «большинство немецких танков» имело бензиновый двигатель, а ВСЕ. Не было в германской армии танков с дизельным мотором! Дизель при одинаковой мощности с бензиновым имеет побольше габариты. Поэтому для него потребуется моторное отделение покрупнее, для прикрытия которого придется использовать больше брони. Что потянет за собой усиление ходовой части. В результате вес машины рискует оказаться не совсем подходящим для полевых дорог с их деревянными мостами в то время. По этой причине советским танкистам не очень нравился танк КВ – пушка как у Т-34, а вес такой, что не по всем мостам мог проехать. А если нет времени разворачивать серьезные понтоны или усиливать мосты для срочной передислокации (да еще и под огнем вражеской авиации и при недостатке дизельного топлива), то придется бросать такие танки в кюветах или прямо на дороге (что и получилось летом 1941 г.).

Но отступать танкам сложнее и по другим причинам – забьется какой воздушный фильтр, а ближайшей станции обслуживания может и не оказаться. Чем заменять? Нечем. Остается бросить безвозвратно. Это при наступлении использовать дорогостоящие танки дешевле и удобнее: если подобьют или сломается – не беда, ремонтные бригады восстановят. А с точки зрения организации противотанковой обороны практичнее иметь буксируемые или самоходные противотанковые пушки – они легче, дешевле и мобильнее. Помочь могут и ручные устройства класса гранатометов – они вообще не требуют серьезной брони и мощных моторов. Немцы, кстати, с 1943 г. все шире стали применять свои «фаустпатроны» у которых из всей конструкции основными были труба и граната (с хвостом). Кроме того, в обороне против танков эффективными могут оказаться противо-

танковые мины, завалы, подрыв мостов. Использовать же танки против танков – это не совсем их основное задание на войне. Танк противника всего лишь одна из целей во время наступления. Т.е. танки – в первую очередь оружие наступательное. И анализировать их ТТХ с точки зрения организации обороны не совсем корректно. Конечно, в обороне их использовать можно (и нужно), например, поставив их в засаду или пустив в контратаку. Но только во взаимодействии с другими войсками, в первую очередь с артиллерией. Иначе одни танки рискуют понести большие потери (что и происходило в 1941 г.).

Во-вторых, возможно и могли орудия KV и Т-34 пробивать броню всех немецких танков, но для начала они должны были доехать до противника. А если танки противника двинулись в атаку массой в одном месте, а KV и Т-34 оказались в другом, то их замечательные ТТХ так и останутся невостребованными.

И не все танки БТ-5 и БТ-7 были оснащены дизельными моторами. Только серия БТ-7М. «Все» танки БТ-5 имели мотор бензиновый. Странно, что этого не знают военные историки высочайшей научной квалификации. Или раздел про танковые ТТХ написал начинающий «подмастерье»?

«По данным Главного автобронетанкового управления Красной армии на 1 июня 1941 г., из общего числа танков 3,6 тыс. приходилось на пулеметные Т-37, Т-38, Т-40. Большинство боевых машин находилось в войсках, а 686 хранилось на центральных складах. Около 91,3% танкового парка составляли легкие машины. Сильно изношенные, они требовали ремонта, замены деталей и агрегатов, запас которых был скудным. Разнотипность советских танков (более десятка образцов) создавала дополнительные трудности в поддержании боеспособности частей и соединений».

(Там же на стр. 67). Читаешь и удивляешься «торжеству» бесконечной пропаганды начинающих «подмастерье», а не докторов наук. Из какого «общего числа»? Почти 19 тыс.? Решаем пропорцию и получаем, что самых легких танков с пулеметом вместо пушки было около 19%. Пятая часть! А

четыре пятых – какие-то другие. Какие? Про Т-34, КВ, БТ-5 и БТ-7 выше уже упоминалось. А какие еще из «более десятка образцов»? Если полистать другие книги про войну, то конечно всплывут еще названия: БТ-2 (серия того же «БТ»), Т-26 (советский «Виккерс» 6-тонный), «средний» Т-28, «тяжелый» Т-35 и ... всё! Действительно «более 10 образцов» (т.е. 11). Годов выпуска с начала 30-х. Вполне понятно, что первые образцы БТ-2 и Т-26 имели некоторые конструктивные недостатки и за почти 10 лет эксплуатации могли оказаться «сильно изношенными». Но как могли «сильно поизноситься» танки 1939 г. выпуска? А 1938-го? А 1937-го?

С другой стороны, любая моторная техника всегда требует обслуживания и своевременного ремонта, даже если она стоит на колодках (а тем более периодически эксплуатируется). Для контроля за этим процессом и существуют на гражданских предприятиях отделы главного механика, а в армии бронетанковая служба штабов. Вот они и обязаны составлять графики ТО-1, ТО-2 и КР (техобслуживания и капремонта), и контролировать их проведение. Во всех учреждениях, в которых есть моторная техника! Всегда! А если такая работа не ведется, то это полное нарушение обязанностей должностных лиц и их начальников. И не может быть сетований на то, что техника не обслуживалась. Если она не обслуживается, то ее надо списать и сдать на металлолом.

И что это за выражение в фундаментальном научном труде: «запас запчастей был скудным»? Каких запчастей? В какой пропорции? Где сравнительные таблицы и расчеты? Кто это вообще сказал? И кто додумался до причины трагедии лета 1941 в «разнотипности» танков? А что, надо было сразу придумать Т-34 в 1931 г. и только его и «гнать» конвейером 10 лет? С таким подходом в 1931 г. следовало сразу же придумать и Т-72? Трудности в поддержании боеспособности частей и соединений существуют всегда. Например, в 1944 и в 1945 г. немалая разнотипность советских танков почему-то не помешала проводить крупные наступательные операции. Можно перечислить «более десятка» моде-

лей боевых машин тех лет: Т-34, Т-34-85, КВ-1, КВ-85, ИС-1, ИС-2, Т-60, СУ-76, СУ-100, СУ-122, ИСУ-152, ленд-лизовские «Матильды», «Шерманы», «Валентайны», трофейные танки и самоходки на базе их шасси. И ничего, почему-то про «дополнительные трудности» в связи с «разнокалиберностью» танкового парка в то время никто не вспоминает. Зато вспомнили о них для лета 1941 г. Тогда со всех сторон у РККА были сплошные проблемы (стр. 76):

«В отличие от вермахта, который имел оперативные объединения типа танковой группы, в Красной армии аналогичные формирования предполагалось создавать только по мере необходимости в ходе боевых действий. Так как органы управления ими заблаговременно не предусматривались, вряд ли можно было рассчитывать на четкое руководство действиями подобных объединений».

Кто сочинял все эти тексты? Какой «доктор наук»? Алексей Исаев? В вермахте на то время в каждой танковой группе было под 1000 танков – меньше, чем в одном советском мехкорпусе по полному штату. Другими словами, в Красной армии подобные объединения в то время уже существовали. Но назывались по-другому: «мехкорпусами». И было их больше, чем в вермахте. Если у немцев были только четыре такие структуры под 1000 танков в каждой, то в Красной армии ... (в разной степени укомплектованности) ... Но не стали уточнять эту цифру в 1-м томе на стр. 68. После чего тема мягко съехала на другую.

«Некоторые исследователи в своих работах утверждают, что кадры для танковых войск вермахта в 1930-х гг. готовились в Советском Союзе, и в пример приводят Казанское танковое училище. Действительно, в Казани была создана танковая школа, где проходили подготовку немецкие и советские танкисты. Школа была создана на немецкие деньги, преподаватели были также немецкими, расходы на обучение несла Германия. Школа подготовила для рейхсвера всего 30 танкистов и 65 человек начсостава для танковых войск РККА. После прихода Гитлера к власти школа была закрыта, а оборудование осталось Красной армии [227]»

Сказать, какой «первоисточник» скрывается за 227-й ссылкой?

«227. Мединский В. Война. Мифы СССР. 1939-1945. С. 46».

Доктором исторических наук Мединский стал лишь 27.06.2011 г. Тема его диссертации называлась: «Проблема объективности в освещении российской истории второй половины XV – XVII вв.» (иностранцами).

Конечно, упоминание о «казанской школе» до 1933 г. очень «к месту» в разделе о подготовке РККА в предвоенные годы. Другой информации посвежее и поподробнее не нашлось. И на этом обзор «порядка в танковых войсках» в 1-м томе закончился.

5.

Следующей на очереди оказалась артиллерия. Один абзац. Из него можно узнать, что пушки, гаубицы, мортиры и минометы разных калибров теоретически в РККА конечно же были. Сколько практически – не уточняется. Зато опять выискиваются недостатки: *«Как и в танковых войсках, в артиллерии недоставало транспортных и ремонтных средств. Даже в приграничных военных округах половина артиллерийских частей РКК, корпусной и дивизионной артиллерии не имела мастерских по ремонту автомобилей, совершенно отсутствовали тракторные ремонтные мастерские».*

На стр. 71 некоторые цифры приведены: *«Всего к началу войны в Красной армии и Военно-морском флоте (в войсках, на кораблях, в береговых службах, военно-учебных заведениях, на полигонах, базах и складах) имелось 117 589 орудий и минометов (в том числе 35 136 минометов калибра 50 мм)».* Странные подсчеты. Что значит орудия «на кораблях»? «Главного калибра» 305 мм? Или 76-мм на корабельном лафете? А что означают орудия «береговой службы»? Сюда входят стволы крупных калибров башен стационарных береговых батарей? И как понять «на складах»? Каких? Завода-изготовителя? Или в парках кадрированных частей по

мирному штату? Как их всех можно свести в одну сумму? Особенно ротные минометы 50-мм и пушки главного калибра крейсеров в 305-мм и выше! Они все имеют отношение к подготовке обороны у западных границ?

На стр. 89 по поводу западных границ цифра наконец-то уточняется: *«Группировка советских войск на Западе с учетом 16 дивизий РГК насчитывала 3 млн человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11,0 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов»*. Не указано, с учетом 50-миллиметровых или без? Но уже кое-что поконкретнее. В сравнении со «всеми везде» получается 34%. Несколько странно – по справке Ватутина на запад всего планировалось выделить 218 дивизий – 72% от 303, т.е. 2/3 от всей армии, а артиллерии почему-то лишь 1/3. Да и количество дивизий РГК не сходится с тем, что указал Ватутин. В его справке есть «простые» армии РГК за западными фронтами – 22А, 16А и 19А (в сумме 32 дивизии) и «центральные» армии РГК – 28А и 24А (в сумме еще 19 дивизий). Итого дивизий РГК набирается 51. Они учитывались авторами 1-го тома? Или только частично? В количестве по какой-то причине «выдернутых» только 16? А остальные пропущены за ненадобностью? Как еще «не доехавшие»?

И следом приводится интересный вывод: *«Эти цифры свидетельствуют, что, уступая противнику в личном составе и артиллерии, советские войска, расположенные на Западном театре военных действий, превосходили его по числу танков и самолетов»*. Чтобы что-то «засвидетельствовать», надо бы сравнить с цифрами «противной» стороны. Но на стр. 89-90 их нет. Где-то они есть, но то ли раньше, то ли позже. Быстрее всего найти с помощью функции поиска в электронной копии текста. Он показал два места. На стр. 48 и 49:

(Стр. 48) *«Перед нападением на СССР в вермахте насчитывалось 7,3 млн человек, 71,5 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 5,6 тыс. танков и 5,7 тыс. боевых самолетов»*.

(Стр. 49) *«Развертывание немецких войск, предназначенных для нападения на СССР, завершилось в середине июня 1941*

г. В группировке вооруженных сил Германии 22 июня 1941 г. насчитывалось 4,1 млн. человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей».

Вот теперь можно сделать сравнение поточнее. В частности, немцы для вторжения в СССР выделили более половины своей артиллерии. А со стороны СССР у западных границ числилось около ее трети. При этом по количеству она была почти такой же, как у немцев. Но еще вопрос, вся ли артиллерия РККА была учтена, поэтому нельзя утверждать о превосходстве в пушках у немцев. Танков у них было меньше в 3 раза, самолетов в 2,5.

6.

Но вернемся на стр. 68. После краткой информации об артиллерии даются еще два абзаца – про кавалерию и воздушный десант. К июню 1941 г. они тоже находились в стадии «масштабных преобразований». Конницу сократили до 13 дивизий, а количество десантников, наоборот, пытались увеличить. До 5 десантных корпусов. Причем, *«на их укомплектование было обращено несколько стрелковых дивизий. Однако время, отпущенное на организационное развертывание, не позволило подготовить эти войска для выполнения специфических боевых задач, а как стрелковые соединения они были ослаблены из-за малого количества артиллерии и другого тяжелого вооружения».* То, что десантная дивизия слабее обычной стрелковой – это понятно. Но не понятно, к чему опять какие-то замечания о каком-то времени, которого «не хватило». Не хватило с точки зрения чего? Немецкого нападения? А если бы немцы не напали, тогда хватило бы? По каким советским планам? Ведь вряд ли можно согласиться, что советские военные планировщики специально затевали нереальные планы. Но коль выполнить задуманное не получилось, то вывод возникает один: мощному немецкому наступлению не было места в тех планах. И реальная оборона от него попросту не готовилась. К чему-то подготов-

ка велась, но к чему – другой вопрос. На стр. 68-69 сделана попытка краткого ответа: *«Таким образом, начало Великой Отечественной войны застало Сухопутные войска в стадии широкомасштабных преобразований, направленных на резкое усиление их наступательного потенциала, в первую очередь за счет создания большого количества механизированных и воздушно-десантных корпусов. Однако...»*

Действительно, танки – оружие в первую очередь наступательное. Как и воздушный десант. Если их количество в какой-то стране увеличивается в больших масштабах, то можно сделать вывод, что у ее Генштаба должны быть планы по их использованию. И скорее всего – наступательно. Ибо долго держать все эти части «просто так» слишком дорого для экономики. Но реализоваться летом 1941 г. они не смогли. Причина – большие потери после немецкого нападения. Почему же не удалось их избежать? На стр. 69 в очередной раз «льются слезы» про незаконченность, неукomплектованность (полную), нехватку раций: *«... Однако в процессе реорганизации была разрушена сложившаяся структура и организация соединения и частей, а создать новые боеспособные так и не удалось. Наиболее низкой оказалась степень боеспособности воздушно-десантных и танковых войск. Особенно отрицательно на боеспособности советских Сухопутных войск сказывались низкая укомплектованность транспортом, средствами противотанковой и противовоздушной обороны, обеспеченность радиосредствами».*

Итак, по версии авторов 1-го тома в условиях растущей угрозы военного нападения советский Генштаб почему-то вдруг решил «оголить» армию: «старые структуры» разрушить, а на создание новых выделить много времени. Особенно, «отложить» на когда-то «потом» укомплектование новых структур транспортом, стволами ПВО и рациями. Хотя понятно, что в такое большое количество новых «структур» полностью поставить новую технику под полный штат за короткое время невозможно. И вариантов объяснений возникает два: или эти структуры создавались просто «на всякий случай» с пополнением до штата по мобилизации и без

особой разницы, где они дислоцируются. Или эти структуры специально создавались под какую-то скорую мобилизацию с вполне определенной дислокацией, в частности, у западных границ. И в обоих случаях в них не было места для немецкого нападения.

Об этом же идет речь и в последующих абзацах на стр. 69 – 71 про ситуацию в авиации, в ПВО, в пограничных, внутренних войсках и на флоте. И опять сетования, что что-то делалось неправильно, что-то «не успевали». А вот у немцев, дескать, с этим было лучше:

«Совершенно иные условия складывались в период Второй мировой войны на Западе. Германская авиация применяла мощные массированные удары, особенно при действиях по войсковым и авиационным группировкам, с помощью крупных, централизованно управляемых объединений – воздушных флотов. Опыт первого периода этой войны так и не был в достаточной мере учтен советским руководством».

Начинаем считать. Для 4-х воздушных флотов к июню 1941 г. немцы выделили «более 3,6 тыс. боевых самолетов». Делим 3,6 тыс. на 4, получаем менее 1 тыс. на каждый флот. С советской же стороны насчитывалось «более 9,1 тыс. боевых самолетов». Причем, «вместо отдельных авиационных армий, которые предназначались для проведения самостоятельных воздушных операций и состояли из соединений бомбардировочной и истребительной авиации, было создано пять авиакорпусов, которые дислоцировались на территории приграничных военных округов (четыре на западе и один на востоке). В оперативном отношении они подчинялись их командованию». Итак, делим более 9 тыс. самолетов на 4 авиакорпуса и получаем более 2 тыс. самолетов в каждом. Но может быть, не все самолеты входили в авиакорпуса? «На армейскую и войсковую авиацию приходилось 46% всех самолетов ВВС Красной армии, тогда как фронтовая авиация составляла 40,5%». Оказывается, советская авиация делилась примерно пополам. Примерно половина подчинялась командующим фронтам, а остальные – командирам понижее рангом (армий, корпусов, дивизий, полков). При этом ко-

личественно и та и та превышала численность одного немецкого воздушного флота. Теоретически выглядит вполне логично: пусть будет самолетов побольше и разных, какие претензии?

Претензии есть к «научности» изложения этих данных. На одной странице дается абсолютная численность одной стороны (и то, без подробной разбивки по составляющим). Проценты – на другой. Численность по противнику – на третьей. А выводы сами по себе. И в очередной раз повторяется замечание по советской «реорганизации», что *«эта работа проводилась с таким расчетом, чтобы завершить ее в основном к 1942 г.»*. Хорошо, хоть не к 1944-у. Но допустим, что немцы в 1941 г. не напали. Реорганизация в 1942 г. закончилась. И дальше никаких реорганизаций уже быть не могло? А если появятся новые модели самолетов, тогда как? Они будут просто заменять старые образцы в тех же полках на тех же аэродромах? И реактивные самолеты тоже? На полевых грунтовых аэродромах образца лета 1941 г.?

Реорганизация в армии происходит периодически. От одних образцов боевой техники до других. Но проводиться она не может по системе: все старые военные части «остановить» на какой-то срок на «переучет», изъять из них под «ноль» старую технику и на новом месте создать нечто новое с новыми машинами. На то и существует Генштаб и министерство, чтобы любые изменения в оргструктурах выполнялись так, чтобы боеготовность не ослабевала. А если в момент реорганизации вдруг «вклинится» противник и армия стала нести неоправданные потери, то причина не в самой реорганизации, а в чем-то другом. Как минимум – в тех планах, которые сочинил и отработывал Генштаб с министерством обороны. И которые они не могли делать без согласования с Верховным Главнокомандующим.

Чему же отдавали приоритет советские военные руководители в то время, в частности, в авиации? Внимательно читаем объяснение на стр. 69: *«Исходя из доктринального положения о том, что решающего разгрома агрессора можно достичь только наступательными действиями, советская*

военная теория отдавала **приоритет бомбардировщикам и штурмовикам**. Причем штурмовики рассматривались как основное средство авиационной поддержки наземных войск. Учитывая ограниченные возможности экономики страны, приоритет был отдан производству наиболее дешевой и быстро строящейся техники. Это обстоятельство также сыграло свою роль в том, что перед войной **приоритет был отдан производству истребителей**». Итак, все понятно? Повторяю: перед войной по теории наступательной войны приоритет был за бомбардировщиками и штурмовиками. Но из-за ограничений в промышленности он же оказался у производства истребителей. Одновременно! Как это все выражалось в цифрах – неизвестно. Причем, крайне мало было разведывательных самолетов. По словам маршала Жукова, Сталин был против их массового производства. И опять без конкретных цифр. Что значит «массовое производство разведчиков»? Сколько их надо в сравнении с другими боевыми типами? По три на каждый полк? 1-й том не уточняет. Возможно, намек на то, что это и так как бы всем ясно. Уточнение дается по Западному театру, где «было сосредоточено до 60% самолетов дальнебомбардировочной, а также свыше 50% фронтовой и армейской авиации». Смотрим справку Ватутина: на Запад выделялось 159 авиаполков из 218 – это не 50%, а 73%. И тут не смогли поточнее посчитать авторы 1-го тома! Их больше увлекла тема «неудовлетворительной готовности авиации». На стр. 69 – 70 более подробно перечисляется количество недоученных экипажей, отдельных летчиков, некомплект полков по штату, число поломанных самолетов (которых в западных округах набиралось примерно столько, сколько числилось в одном немецком воздушном флоте). Подготовка летчиков хромала на «оба крыла», маскировку применяли редко, «основная часть авиации была приближена к границе. Некоторые полки находились в зоне досягаемости вражеской артиллерии». Но для чего «приближать к границе» всю эту массу поломанной техники с недоученными экипажами? Зачем? Не отвечает на это

1-й том. Его увлекают нехватки в других родах войск. Их хватало и в войсках ПВО, поменьше у пограничников, во внутренних войсках (НКВД) и в морфлоте. На стр. 70 дается интересный факт: *«из оперативных полков, находившихся на территории Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов, должны были формироваться 21, 22 и 23-я мотострелковые дивизии»*. По одной дивизии НКВД в каждом из западных округов. Зачем? С кем воевать? Там же на стр. 70: *«По своему боевому составу внутренние войска имели легкое вооружение и не предназначались для ведения боевых действий с регулярными частями неприятеля»*. Т.е. для обороны от наступающего врага они вроде бы не готовились. «Агитировать» местное население за советскую власть винтовками и пистолетами? Как бы поздновато. Вот если бы западные фронты вдруг двинулись на запад, тогда конечно, сразу бы возник для них «фронт работ» на новых «освобожденных» территориях. Но его надо было еще дожидаться. В 1941 г. эта задача оказалась неактуальной.

И на этом очень краткий обзор организационно-технического состояния дел в войсках заканчивается и наконец-то возникает переход к важнейшей теме: что же задумывало советское верховное руководство в деле использования армии и флота?

7.

На стр. 71:

«Эффективность применения вооруженных сил при отражении агрессии ... в существенной степени определялась умением военного и политического руководства рационально спланировать их боевое использование, правильно определив сроки вероятного нападения агрессора и своевременно приняв меры по приведению войск в полную боевую готовность». Именно! Рационально спланировав, правильно определив и своевременно приняв! А если спланировать нерационально, правильно не определить и своевременно не поднять по боевой тревоге, то армия превратится в толпу людей в форме, которая толком не будет понимать, что происходит и как им быть, куда бежать, в кого стрелять. Но

скоро сказка сказывается, а в 1-м томе много страниц оказалось потрачено на разные другие темы прежде чем дойти до обзора военных планов. В частности, полторы страницы ушло на перечисление, какие тогда в СССР были органы военного управления и кто ими командовал.

Как оказывается, и в этой сфере в то время происходили разные преобразования (а где они не происходят?) *«Однако при проведении этих мероприятий была допущена поспешность, а в ряде случаев – просчеты и упущения»*. Ну всё происходило не так, как надо! Танки поломаны, самолеты тоже, а которые исправны – на них мало ездили. А кто ездил, плохо маскировали. И т.д. И руководили всем этим главковерхи «в перерыве между преобразованиями». Вот такая была «правильная» подготовка. Если уж такую подготовку называют «правильной», то какую можно назвать «неправильной»? Каковы ж были просчеты и упущения? Стр. 73:

«Война велась не только армией, но и всей страной. Это требовало от государства максимального напряжения всех политических, экономических, военных и моральных сил. А компетенция главнокомандующего советскими Вооруженными силами – наркома обороны – ограничивалась лишь сферой вооруженной борьбы, в которой он к тому же не пользовался правом принятия окончательного решения. Не пошла дальше проектов и работа по совершенствованию функций главнокомандования. Функции главнокомандующего не были четко определены, практическая подготовка его к руководству военными действиями всех Вооруженных сил не проводилась. Отдельные командно-штабные учения в последние предвоенные месяцы не имели прямого отношения к организации и деятельности института Главного Командования. Отрицательное влияние на деятельность Генштаба оказала и частая смена его начальников, особенно в последние предвоенные месяцы. По этому поводу Г. К. Жуков писал после войны: «Каждый здравомыслящий человек понимает, что даже с позиций высокого поста начальника Генерального штаба Красной армии нельзя за четыре с половиной месяца всего постигнуть».

Ну и обороты используют в «научном» объяснении! Интересно, кем могла проводиться практическая подготовка главнокомандующего к руководству военными действиями всех Вооруженных сил? Начальником отдела кадров наркомата? Представляем: приходит он к наркому и говорит: «— *Пора бы вам, товарищ нарком, поехать на курсы повышения квалификации, а то что-то засиделись вы на своих старых знаниях – не ровен час нападёт противник, а вы и не готовы полностью!*» Хотя, уровень наркома еще не самый верхний. Видимо, начальник отдела кадров должен был прийти с таким предложением к самому товарищу Сталину: «— *Пора бы вам, Иосиф Виссарионович, пойти на курсы ...»*

Между прочим, это с точки зрения результатов на войне определяется уровень довоенной подготовки генералов/маршалов. В мирное время сколько ни рисуй стрелочек на карте – так они в архив и уйдут. Или в спецпечь под надзором двух свидетелей из службы РСО (режимно-секретного отдела). А если возникшая война будет вестись более-менее устойчиво, то никто и не будет уточнять правильно ли рисовались те стрелочки или нет. А вот если страна начнет нести неоправданные потери, отступая перед противником, тогда да. Тогда к тем довоенным стрелочкам возникнет пристальное внимание всех любопытных «любителей». В какую же сторону их рисовали и о чем при этом думали?

И кто был самым главным «рисовальщиком»? Судя по вышеизложенному абзацу, номинально в СССР нарком обороны существовал. Но был он как бы «со связанными руками». Над ним, как намекается, был еще какой-то начальник (неназываемый). Как же, интересно, его звали? Неужели в академическом научном труде этот жгучий вопрос так и останется без ответа? Кто же «бил по рукам» Героя и Маршала Советского Союза товарища Тимошенко? Кто? Но молчит 1-й том.

И редкие командно-штабные учения тоже проводились неизвестными лицами. И неизвестно для чего. Видимо, никакого отношения к деятельности института Главного Командования они не имели. Получается, что нарком,

которому «били по рукам», пытался рисовать стрелочки в одну сторону. Какие-то КШУ, собираемые неизвестно кем, – в другую. А в результате к западной границе с завидной настойчивостью свозились эшелонами поломанные танки и самолеты с недоученными экипажами (которых на всех еще и не хватало). Вот и некому было заниматься маскировкой и оттаскивать от границы «засветившуюся» боевую технику, складываемую там штабелями по неизвестно каким планам. Вот такая была «правильная» в целом подготовка. Разобраться в которой не мог никто. В том числе и начальник Генштаба. Ходил он на службу, ходил с утра и до вечера бывало по 16 часов в сутки. Даже и спал иногда в кабинете – а все равно «до конца» ничего так и не смог постигнуть! Куда деваются войска? Зачем? По каким расчетам? Непостижимо! Но ведь чем-то он должен был заниматься все это время? Как-то плохо верится в «ничего не понимать» каждую неделю 6 дней по 15 часов. Из мемуаров Жукова 2002 г. издания:

«Глава девятая. Накануне Великой Отечественной войны.

Весь февраль был занят тщательным изучением дел, непосредственно относящихся к деятельности Генерального штаба. Работал по 15-16 часов в сутки, часто оставался ночевать в служебном кабинете. Не могу сказать, что я тотчас же вошел в курс многогранной деятельности Генерального штаба. Все это далось не сразу. Большую помощь мне оказали Н. Ф. Ватутин, Г. К. Маландин, А. М. Василевский, В. Д. Иванов, А. И. Шимонаев, Н. И. Четвериков и другие работники Генерального штаба.

С чем же мы пришли к началу войны, была ли готова страна, ее вооруженные силы достойно встретить врага?

Исчерпывающий ответ на этот важнейший вопрос во всей совокупности политических, экономических, социальных и военных аспектов, с учетом всех объективных и субъективных факторов требует огромной исследовательской работы. Я уверен, что наши ученые, историки справятся с такой задачей».

5. ИСЧЕРПЫВАЮЩИЙ ОТВЕТ

1.

Исчерпывающий ответ самых главных специалистов в военной истории на этот важнейший вопрос в новейшем фундаментальном научном издании после многолетней (даже точнее сказать: «многодесятилетней») огромной исследовательской работы сводится к одному: не была готова страна и ее вооруженные силы встретить врага. Всюду наблюдались «недоработки» разных масштабов. Даже начальник Генштаба не особо понимал, что происходит. В том числе «из-за частой его смены». Но разве она могла оказать отрицательное влияние на деятельность Генштаба (особенно в последние предвоенные месяцы)? За предвоенные годы тех начальников сменилось аж три: Шапошников (май 1937 – август 1940), Мерецков (август 1940 – январь 1941) и Жуков (январь – июль 1941). Мерецков до этого сам служил в Генштабе в качестве заместителя – вполне был в курсе что там и к чему. Да и Жуков тоже пришел не «с улицы». Если ничего не понимал в штабной работе, то для чего соглашался? Получить «kozyрную» должность в послужном списке в личное дело? Вот интересно: если бы немцы не напали, наверное остался бы будущий маршал в Генштабе подольше. А там глядишь, и кого «повыше» удалось бы ему заменить. И никто так и не узнал бы – постиг ли он все что надо или нет. И нечего апеллировать к «здравомыслящим людям». Каждый здравомыслящий старается постигнуть свою работу, а не умиляться перед оправданиями других в стиле натуральных двоечников.

Но наука в 1-м томе не унимается в «особом» стиле своего объяснения: *«В отличие от вермахта, где сухопутные войска, ВВС и ВМФ имели свои главные командования (ОКХ, ОКЛ и ОКМ) с генеральными штабами и другими органами управления, в советских Вооруженных силах Сухопутные войска, которым в предстоящей войне отводилась ведущая роль, не имели своего командования. Не был должным обра-*

зом решен вопрос о командовании Военно-воздушными силами, артиллерией, бронетанковыми и инженерными войсками, войсками связи и противовоздушной обороны».

Во дают! Ничего не было (в отличие от вермахта)! Разве в СССР должны были строить систему управления в армии точно так же, как у немцев? Были прямо обязаны? Кто так сказал? Может быть и всё-всё остальное должны были делать так же, как в Германии? Например, восстановить частную собственность, вернуть заводы их бывшим владельцам, а землю кулакам? А для чего тогда делали Революцию в октябре 1917 г.? «Просто так?» Ну и что, что в СССР не было Главкома и штаба сухопутных войск! Не хватало одного Генштаба? И разве не было наркомата (министерства) наземными войсками во главе со своим наркомом? А они чем занимались? Не сухопутными войсками? И остальные рода войск тоже оставались без руководства? Например, можно задать вопрос: что такое ГАБТУ? Похоже на то, что авторы 1-го тома упомянуть о нем смогли на стр. 67 и тут же забыли: *«Главное автобронетанковое управление Красной Армии»*. Оно было в составе наркомата обороны (как и Генштаб). Т.е. механизацией и моторизацией армии кто-то занимался. Причем, еще с конца 20-х годов. Не на «пустом месте» создавались новые танки и выпускались тысячами. А кем был, например, генерал Яковлев Николай Дмитриевич в начале июня 1941 г. и куда был переведен в самый канун войны? Отвечаю: до 15 июня 1941 г. он был начальником артиллерии Киевского Особого военного округа. Затем получил назначение в Москву на должность начальника Главного артиллерийского управления Красной Армии.

На возражение, что ГАБТУ и ГАУ (как и другие «главные управления НКО» – связи, интендантское и др.) занимались не столько боевой подготовкой своих родов войск, а в первую очередь их материально-техническим обеспечением, частично можно согласиться и тут же добавить, что вопросы боевой подготовки находились в ведении своих «главко-верхов» уровня заместителей наркома обороны. Например, генерал-лейтенанта Рычагова Павла Васильевича – с авгу-

ста 1940 г. он был начальником Главного управления ВВС РККА, с февраля по июнь 1941 г. одновременно – заместителем наркома обороны по авиации. Нечто подобное произошло с управлением артиллерий. До середины 1940 г. в РККА была должность Начальника артиллерии. Затем ее ввели в подчинение начальника ГАУ. Но 19.07.1941 г. приказом НКО № 0234 должность начарта всей армии была восстановлена. Ее занял генерал-полковник Воронов Н.Н. В ноябре того же года ему было подчинено и ГАУ.

И эти перемещения и назначения выполнялись по приказам наркома обороны. Их сборник за 1937 – 1941 гг. был издан еще в 1994 г. в серии «Русский архив» издательством «ТЕРРА» под редакцией Золотарева В. А. (председатель). И чем огульно высказывать некие претензии, авторы 1-го тома могли бы сослаться на конкретные приказы. Например, на № 0037 от 26 июля 1940 г. о новой структуре аппарата НКО (документ 69 в сборнике). Вот там конкретно и перечислены главные управления по разным родам войск и отдельным задачам в составе наркомата. И делалось это именно «в целях улучшения руководства войсками». А что касается «главкомов» родов войск, то можно почитать приказ № 0113 от 15 марта 1941 г. «О распределении обязанностей между заместителями наркома обороны СССР». В его преамбуле говорится, что оно было принято «правительством СССР 8 марта 1941 г.». В частности, 1-й зам. НКО маршал Буденный С.М. должен был заниматься вопросами тыла, материальными фондами НКО, медициной и ветеринарией. Начальнику штаба генералу Жукову Г.К. подчинили контроль снабжения горючим, организацию связи, ПВО и работу академии Генштаба. Начальником артиллерии в то время стал маршал Кулик Г.И., авиации – генерал Рычагов П.В. «Главкомом сухопутных войск» фактически стал генерал армии Мерецков К.А., которому было поручено «руководство боевой подготовкой сухопутных войск». Ему же подчинялось и Управление боевой подготовки Красной Армии и инспекции всех родов войск. Строительством укрепрайонов курировал зам. наркома маршал Шапошников Б.М.

А вот «командующего бронетанковыми войсками» в то время не оказалось. Маршал Тимошенко своим приказом оставил эту роль себе. Причем, Буденному и Жукову было дано право «входить в Правительство для разрешения вопросов Наркомата обороны Союза ССР». Так что ответственных лиц по организации обороны страны хватало. Вместе с перечнем обязанностей. Но почему-то после 22 июня 1941 г. их не отправили в «подвалы Бериин» для «подробного отчета». А должны были, если ситуация воспринималась как «предательство генералов». А коль не отправили, то версия «предательства» не рассматривалась.

Кроме того, полезно разобраться в системе отношений командования. Кому должен подчиняться, например, командир артполка танковой дивизии? Командиру дивизии, начарту дивизии или заместителю наркома по артиллерии? Или для начала начарту округа? С начартами разных уровней командир артполка общаться может, но боевую задачу выполняет, полученную от командира дивизии. Поэтому чем «выше» штаб или какое-то управление, тем более сложные отношения могут возникать в системе подчиненности и само понятие «командование» несколько «размывается». Но нельзя заявлять, что перед немецким нападением система управления в РККА была недееспособной. Для той ситуации вполне подходила. Другое дело, что начавшаяся война потребовала внести коррективы. Вот их и вносили по мере возникновения проблем и их осознания.

В связи с этим уместно было бы поднять вопрос, а что подразумевали авторы 1-го тома под заявлением, что перед войной «не был должным образом решен вопрос о командовании» родов войск? Реально в какой-то степени он был вполне решен. Или в очередной раз надо громко заявить о «сплошных недостатках»? А как же «в целом правильная» подготовка? Одни лишь слова? С одной стороны – «правильная подготовка», но с другой – «сплошные недостатки»? Похоже на то, что в этом и состоит главная задача «профи-историков»: внедрить мысль о том, что Красная Армия к июню 1941 г. была очень слабой, дезорганизованной, без

серьезного руководства, с поломанными танками, неполными штатами, необученными летчиками и т.д. и т.п. И с неправильными тылами. Вот о них и идет речь дальше.

2.

(Стр. 73):

«Перед войной фронтовой и армейский тылы фактически отсутствовали. Имелось лишь небольшое количество стационарных госпиталей, ремонтных учреждений и складов, предназначавшихся в основном для обеспечения нужд войск мирного времени и развертывания тыловых учреждений по мобилизации. Войсковой тыл содержался в сильно сокращенном составе (25 – 30% штата военного времени). В целом состояние боевой готовности тыла было значительно ниже боевой готовности войск».

Ничем хорошим и готовым к войне в июне 1941 г. Красная Армия похвастаться не могла. Ничего толком не было! Тылы? «Отсутствовали»! Интересно, а кто-нибудь из авторов 1-го тома в армии хотя бы в гостях побывал? Сколько надо того «тыла»? Вот, например, Н-ская дивизия. На «зимних квартирах» ее полки располагаются в казармах. Офицеры штабов – в своих отдельных домиках. Боевая техника – в парках на «колодках». Запасы имущества – на складах. По вопросам их обеспечения есть несколько штабных служб: танковой, артиллерийской, автомобильной, тыловой (имущества), продовольственной, медицинской, финансовой и т.д. И у каждого несколько писарей в штабе. У нас в танковом полку (по штату под 1500 человек) финансами заведовали двое: капитан и прапорщик. Причем, прапорщик был почти единственным, кто на службу ходил в туфлях. Остальным пары сапог еле хватало на год. Кроме того, в каждой роте вопросами снабжения занимались старшины. Да и командиры всех степеней в той или иной степени касались исправности техники, запчастей и прочего довольствия (я сам как-то ездил на завод за задними мостами к ГАЗ-66 и сам выписывал заявки на замену продаттестатов). Требуемое имущество по

мере необходимости получали на складах. Там тоже были свои заведующие – прапорщики с небольшим штатом солдат. Конечно в процентном отношении они составляли немного от всей численности дивизии. А на «случай чего» потребность могла резко возрасти в грузовиках, водителях и в работниках на складах для быстрого перемещения имущества. Но для таких целей и водители и работники уже имелись – солдаты в тех же полках по боевой тревоге. Главное – эту тревогу объявить.

Так что «небольших тылов» для мирного времени вполне достаточно. В военное же в первую очередь резко увеличивается расход боеприпасов и горючего. Одно дело раз в месяц выдать десяток ящиков со снарядами для учебных стрельб и другое выдавать боеприпасы сотнями тонн в сутки. Зачем без войны держать на складах тысячи солдат-грузчиков? Хватит и десятка. А для охраны придут караулы из боевых частей. А вот в войну и возникает проблема своевременной доставки больших запасов куда надо. Т.е. появляется необходимость пополнить армию грузовиками и работниками на складах. Но для этого и существует мобилизация (для пополнения) и Генштаб (для правильного размещения как самих частей, так и складов). Поэтому «сильно сокращенный тыл» в мирное время не является чем-то неправильным. Если бои не ведутся, то «большой тыл» и не нужен, и не могло быть как-то иначе и в июне 1941 г. Но для авторов 1-го тома эта ситуация возмутительна. Тем более, что *«в целом состояние боевой готовности тыла было значительно ниже боевой готовности войск»*.

Что означает «боевая готовность тыла»? Умение завсклада старшины-сверхсрочника попадать в «10-тку» из пистолета с 25 метров? Так кто мешает? Времени у него валом, тех патронов – штабелями: бери и тренируйся. И какой толк от «состояния боеготовности» завсклада с его солдатами? Их задача: вовремя открыть ангарные ворота и обеспечить доступ к хранимому имуществу подходящим грузовикам и прибегающим солдатам. И чтобы стоящая колесная техника «на колодках» была «на ходу». А то я наблюдал случай, как

по боевой тревоге сбили колодки под прицепами, а они и «сели на обода», так как покрышки в колесах или были пробиты, или не накачены. Вовремя проверять надо такие колеса периодически – вот в этом и заключается «готовность» тыла.

Поэтому «боеготовность складов» заключается в другом. Не в «боеготовности», а просто в «готовности». Любой склад – объект труднодвижимый. Ангары вообще никуда уже не передвинешь – при отходе придется бросить. А само хранимое имущество в укупорках серьезный вес весит, оно мгновенно переместиться не сможет. И чем крупнее склад, тем дольше придется тратить времени на его заполнение. Как и наоборот – на полную «разгрузку» «в случае чего». Поэтому в теме трагедии июня 1941 г. более важными становятся цифры сколько было тех складов с каким имуществом и как они дислоцировались, особенно, в западных округах.

Но не желает 1-й том нормально касаться этой темы. Для начала он заявляет, что тех складов «имелось лишь небольшое количество». Где, каких – неважно. А затем все же приводит некоторые цифры, но так, что понять что-либо невозможно (стр. 73-74):

«В связи с недостатком транспорта и складских помещений в округах размещение запасов боеприпасов, горючего и смазочных материалов не всегда было рациональным. Половина боеприпасов хранилась в складах центра на территории внутренних военных округов, то есть на значительном удалении от войск. В результате реальная обеспеченность войск боеприпасами оказалась значительно ниже установленной нормы. Около трети боеприпасов западных округов хранилось в 500 – 700 км от границы [241]. Особенно плохо были обеспечены боеприпасами механизированные корпуса. Мобилизационные запасы горючего для округов создавались на те же сроки ведения войны, что и запасы боеприпасов. Однако нефтеперерабатывающая промышленность не справлялась с заявками Наркомата обороны, поэтому в войсках предпринимались жесткие меры экономии в ущерб качеству боевой учебы и технического состоянию машин. В разме-

цени запасов горючего, как и боеприпасов, имелись существенные недостатки, обусловленные в основном нехваткой складских помещений, емкостей для хранения горючего и транспорта для его перевозки. От 40 до 90% запасов западных приграничных военных округов хранилось на складах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, а также на нефтебазах Главнефтесбыта в глубине страны. Запланированные в 1941 г. мероприятия по перемещению запасов на запад в связи с начавшейся войной не были осуществлены. Следует отметить, что не только мобилизационные, но и неприкосновенные запасы горючего, которые должны были храниться непосредственно в войсках, из-за недостатка емкостей частично содержались на нефтебазах Главнефтесбыта».

Вам приходилось иногда приходиться в магазин или в мастерскую, а там на закрытых дверях видеть засунутую записку: «Буду через 20 минут»? Хорошо, ладно, с кем не бывает, мало ли по какой причине работнику пришлось отлучиться? Но от какого времени надо отсчитывать эти «20 минут»? Вдруг вы пришли, а минут 10 из тех 20 уже прошло? Почему не написать поконкретнее: «Приду в 15-35»? Вы посмотрели на свои часы и узнали, что сейчас 15-27. Т.е. ждать придется минут 8 как минимум – вот и разница в подходе! В противном случае понимать можно как хочешь.

Так и с этим абзацем в исполнении авторов 1-го тома. «Половина боеприпасов хранилась в складах центра на территории внутренних военных округов». «Половина» от какого количества? От 10 тонн, от 100 тонн, от 10000 тонн? «В результате реальная обеспеченность войск боеприпасами оказалась значительно ниже установленной нормы». А какая была норма? 20 тонн чего-то в сутки на ... сколько солдат и командиров? Или 200 тонн? Или это никакой роли не играет? Что 2 тонны, что 2000 вагонов – без разницы? Главное заявить о «значительно ниже»?

«Особенно плохо были обеспечены боеприпасами механизированные корпуса». Ну всё у тех мехкорпусов было не так! И численность по штату не полная, и мно-

гие танки поломаны, и экипажи недоучены, а про обеспеченность боеприпасами вообще и говорить не стоит без возмущений: «особенно плохо». Так как же они могли оказать серьезное сопротивление нападшему вермахту? Никак не могли – вот главный вывод, к которому подводит 1-й том.

«В войсках предпринимались жесткие меры экономии в ущерб качеству боевой учебы и технического состоянию машин». Что могли экономить бензин чтобы меньше ездить – это еще можно понять. Но что означает «экономия ГСМ» в ущерб техсостояния машин? Это как понимать? Зимой анифриз не заливали? В ступицы колес солидол не набивали? Игольчатые подшипники карданных валов спецсмазкой не смазывали? Пусть крутятся в «сухую»? А может быть и в картеры двигателей масло не лили? Так при такой «экономии» те двигатели поработают первую минут. Потом начнут клинить поршни с шатунами и коленвалами. И вся боевая техника вообще «встанет»! Какая еще «экономия»?

И не понятно, если ГСМ не хватало, то какая разница, куда его заливать? А если не хватало емкостей для хранения, то наверное ГСМ все же было в каких-то немалых количествах? И что означает «от 40 до 90% запасов»? Аналог «приду через 20 минут»? От какого начального значения? Но следующая фраза еще загадочнее (стр. 73):

«Запланированные в 1941 г. мероприятия по перемещению запасов на запад в связи с начавшейся войной не были осуществлены». Странно. С одной стороны, если ожидается начало войны, то понятно, что в войсках должна резко увеличиться потребность в пополнении запасов, тогда «перемещать запасы на запад» надо было в первую очередь. Тем более, если «такие мероприятия» «были запланированы». Но странным образом все это «не было осуществлено»! Как это? Вагонов не хватило? Все паровозы вдруг вышли из строя? Немецкие диверсанты все мосты повзрывали на дорогах? А кто эти мероприятия планировал? Не Генштаб? Кто мог помешать выполнению планов верховных главковер-

хов? А они куда смотрели? Тоже махнули рукой на реализацию своих же планов? Может быть, в РККА не было никакого «ответственного» за тылы и их организацию? Оказывается, был. По приказу наркома обороны № 0038 от 26 июля 1940 г. (о реорганизации Генштаба) в его составе должны были быть управления: «в) организационное, г) военных сообщений, д) мобилизационное, е) устройства тыла и снабжения, ж) по укомплектованию войск». И там же были перечислены фамилии их начальников:

- Помощник начальника Генштаба по тылу, он же начальник Управления устройства тыла и снабжения, генерал-майор Иванов В. Д.;
- Начальник Организационного управления генерал-майор Четвериков Н. И.;
- Начальник Управления военных сообщений генерал-лейтенант Трубецкой Н. И.;
- Начальник Мобилизационного управления генерал-майор Никитин Н. А.;
- Начальник Управления по укомплектованию войск полковник Карпоносов А. Г.

И подчинялись они ... начальнику Генштаба (с начала 1941 г. товарищу Жукову). Повторяю: этот приказ издан в июле 1940 г. До начала войны оставался еще почти целый год. И вот работали-работали все эти генералы-полковники по 6 дней в неделю, издавали-отправляли какие-то документы, организовывали перевозки и заполнение массы складов, планировали какие-то действия на случай мобилизации и вдруг (когда важный момент настал) – «ничего не получилось»... Как-то странно, однако! Или они планировали нечто как-то иначе и готовили так, что оно вдруг оказалось ненужным и неправильным после 22 июня 1941 г.? Или они ничего не планировали и целый год почти ничего не делали (по 6 дней в неделю)? Судя по объяснению авторов 1-го тома, наверное именно так и было: ничего не делали. А если что и делали, то подробности уточнять не будем. Точнее говоря, может быть и коснемся, но вполне «специфическим образом».

3.

Но как оказывается, этих вопросов уже касались. Причем, в специализированных изданиях. Например:

1. «1941 год – уроки и выводы». – Л.: Изд. Военной академии тыла и транспорта, 1987.

2. «Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». – в 2-х частях. – Л.: Изд. Военной академии тыла и транспорта, 1963.

Они упоминаются в статье генерал-полковника Г. П. Пастуховского «Развертывание оперативного тыла в начальный период войны», напечатанной в «ВИЖ», №: 6, 1988, стр. 18 – 25. По поводу задач, которые планировались «тылу», он написал:

«Перед оперативным тылом в мирное время ни теоретически, ни практически не ставились задачи обеспечения войск в ходе боевых действий начального периода. Считалось, что началу войны будет предшествовать угрожаемый период (или особый период в ее начале), в ходе которого и будет планомерно развертываться фронтовой и армейский тыл. Это, как известно, не оправдалось. Соединения, части и учреждения пришлось отмобилизовывать и развертывать в ходе внезапно начавшихся военных действий».

В переводе с русского на русский это означает, что глубокие отступления в возможной войне с немцами не ожидалось. Да и неглубокие тоже вряд ли. Так как развертывание работы складов под военное время планировалось в спокойном режиме и в тех же местах их размещения.

По поводу мест размещения в статье говорится следующее: *«в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций. Варианты отмобилизования и развертывания оперативного тыла при переходе советских войск к стратегической обороне и тем более при отходе на значительную глубину не отработывались. Это в свою очередь обусловило неоправданное сосредоточение и размещение в приграничных военных округах большого количества*

складов и баз с мобилизационными и неприкосновенными запасами материальных средств. По состоянию на 1 июня 1941 года на территории пяти западных военных округов (ЛенВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО и ОдВО) было сосредоточено 340 стационарных складов и баз, или 41 проц. их общего количества. Здесь же размещалось значительное количество центральных складов и баз Главнефтеснаба и Управления государственных материальных резервов. Необоснованная концентрация складов и баз в приграничной полосе стала одной из главных причин больших потерь материальных средств в начальном периоде войны».

Т.е. какие-то планы «подготовки» тыла были, их тщательно отработывали соответствующие структуры военного управления, в первую очередь в Генштабе. Но начало войны оказалось «неправильным», не таким, какое ожидалось. Или, перефразировав иначе, в разрабатывавшихся планах неожиданное нападение противника не учитывалось. В связи с чем для историков возникает два варианта: или касаться тех планов в деталях или заявить, что тыла не было. «Тылы фактически отсутствовали!» Тем самым намекнув, что нет смысла разбираться в планировании того, чего «не было». Генерал Пастуховский:

«В соответствии с предвоенными планами отмотобилизование и развертывание фронтового и армейского тыла намечалось проводить на базе имевшихся в мирное время окружных тыловых частей и учреждений. ... При наличии времени для проведения мобилизационных мероприятий в угрожаемый период они позволяли своевременно развернуть оперативный тыл в полном составе. Однако вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков сорвало плановое отмотобилизование и развертывание. В связи с быстрым продвижением вражеских ударных группировок в глубь советской территории пришлось вносить коренные изменения в довоенные мобилизационные планы, назначать новые районы отмотобилизования частей и учреждений, срочно перераспределять людские и материально-технические ресурсы. Это удлиняло сроки готовности частей

и учреждений тыла, а иногда даже полностью срывало их от мобилизацию».

Конечно, если бы хватало времени, все можно полностью отработать, в т.ч. от мобилизовать тылы. А если его не хватает? По словам Молотова (Чуеву) товарищ Сталин только и думал, до каких рубежей придется отступить в случае немецкого нападения – до Смоленска ли, до Москвы или еще дальше. А почему тогда Генштаб планировал неспешное развертывание тылов под Гродно, Брестом, Ровно и в других местах поближе к западной границе? Почему не сразу под Смоленском или Брянском? Немцы напали, а тылы (под Брянском) планомерно и разворачиваются. Пока немцы дотопают, они и развернутся по полному штату.

Ведь развертывание по мобилизации – это сложный процесс с взаимными (встречными) перевозками. Например, у некой команды № 35754 пункт назначения – Гродно. Она и пытается до него доехать, штурмуя начальников станций и требуя вагоны. Если бы Гродно оставался на «своей» территории, то они до него в конце-концов доехали бы. А реально как получилось?

– Какое Гродно, немцы уже в Слуцке! Последний состав остуда еле пробился под бомбежкой!

– А что же нам делать?

– Не знаю! Ищите штаб фронта, а там его службу тыла – возможно, вас куда-то перенаправят!

В результате (у генерала Пастуховского):

«В связи с быстрым продвижением противника на восток пришлось оставить или уничтожить значительное количество материальных средств. Только на Западном фронте за первую неделю боевых действий (с 22 по 29 июня) было потеряно 10 артиллерийских складов, что составило свыше 25 тыс. вагонов боеприпасов (30 проц. всех запасов), 25 складов и баз, где хранилось более 50 тыс. т (50 проц.) горючего, 14 складов с почти 40 тыс. т (50 проц.) продфуража и большое количество других материальных ресурсов [9. ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 14703, д. 1, л. 36; оп. 2454, д. 27, л. 152]».

25 тысяч вагонов боеприпасов! Если один состав состоит из 50 вагонов, то это 500 эшелонов. И все забиты ящиками со снарядами, минами, цинками патронов. Горы! А преподаватель физкультуры в школе старшего брата в конце 60-х годов им рассказывал, как они летом 1941 г. поштучно делили патроны к пистолету ТТ.

О какой обороне в таких условиях может идти речь? Чем воздействовать на противника? «– *Снаряды давай!!!*» Откуда? Те, что были в передках и которые успели вывезти, в первые дни были быстро израсходованы. Ближние склады попали к немцам. А из тех, что подальше, еще надо довести. На чём? Не будут же гонять полуторки за 200 – 500 км? На такие расстояния нужны железнодорожные вагоны. Да пока их затарят, пока довезут, пока разгрузят, потом погрузят в полуторки или «ЗиС»-ы, чтобы довести уже до батарей, те батареи могут и не дожидаться. У Пастуховского:

«По этим причинам уже в первые дни боевых действий возникали перебои и даже срывы в материальном обеспечении войск. Так, 23 – 24 июня 1941 года при нанесении Западным фронтом контрудара по сувалковской группировке гитлеровцев 6-й и 11-й механизированные корпуса остались без горючего (израсходовано в ходе марша) и боеприпасов в самый разгар боевых действий [16. История второй мировой войны 1939 – 1945. – Т. 4. – М.: Воениздат, 1975. – С. 40]. Из-за отсутствия горючего не смогла участвовать в контрударе 23 июня 1941 года 28 тд Северо-Западного фронта. Перебои в подвозе привели к тому, что в 3-й и 10-й армиях Западного фронта с 26 июня возник острый дефицит в боеприпасах, горючем и продовольствии [17. ЦАМО, ф. 208, оп. 2454, д. 22, л. 566; оп. 3038, д. 15, лл. 10 – 12]. Неритмичность и срывы в материальном обеспечении войск имели место в этот период на Юго-Западном и Южном фронтах.

Сложилась парадоксальная ситуация: на складах и базах в тыловых районах фронтов и армий хранились большие запасы всех видов материальных средств, а из-за нераспорядительности, неорганизованности и отсутствия связи войска не знали об этом и испытывали острый не-

достаток в боеприпасах, горючем, продовольствии и вещевом имуществе».

В школьных учебниках начальных классов иногда падаются задачки стиля «Из пункта А в пункт Б». Поэтому для начала было бы полезно уточнить, где находились склады (где «всего полно»), где войска и где ударил противник. Наверное, не «просто так» сжигалось горючее на длительные марши? Хорошо, танки на последних каплях смогли куда-то доехать, а дальше как? Ждать, пока противник приблизится на дальность прямого выстрела танковой пушки и стрелять из неподвижных машин? А если противник обойдет стороной? В этом случае останется вынуть курсовой пулемет, кинуть танк как есть и уходить на восток к своим по параллельным дорогам. Вот и попадают фотографии брошенных советских танков то там то там на дорогах и без дорог в разных позах (бывает и без пулеметов и с развернутыми назад башнями). Еще Лиддел Гарт писал, что самые чувствительные удары в мото-мехвойне – по тылам.

Почему же так неудачно разместили склады? По какой причине? Кто виноват? Почему не выписали ему (им) высшую меру наказания? По бензину рассуждение на такую тему я не нашел, а по боеприпасам есть. В мемуарах бывшего с 22 июня 1941 г. начальника ГАУ маршала артиллерии Яковлева Н.Д. «Об артиллерии и немного о себе» (М.: Высшая школа, 1984). Цитата оттуда из 3-й главы «Вступаю в должность»:

[В ноябре 1941 г. от Жукова пришла жалоба на недостаток боеприпасов]. «... А как бедствовал этот фронт с боеприпасами в тяжелые первые месяцы войны – известно. Это, к глубокому сожалению, было горькой правдой. И вот под впечатлением очередных трудностей Жуков и прислал на мое имя довольно резкую телеграмму, в которой обвинял меня в мизерном обеспечении 82-мм и 120-мм минометов минами.

Раздражение командующего фронтом было понятным. Но Г. К. Жуков, однако, не знал, что по установленному по-

рядку телеграммы с заявками на вооружение и боеприпасы одновременно с адресатом рассылались по разметке как Верховному, так и ряду членов ГКО.

И вот звонок Поскребышева. Еду в Кремль, готовый ко всему. Сталин, сухо поздоровавшись, спросил меня, знаком ли я с телеграммой Жукова. Я ответил утвердительно...

И случилось непредвиденное. Верховный вдруг взял со стола телеграмму и ... разорвал ее. Немного помедлив, сказал, что комфронтом Жуков просто не понимает обстановку, сложившуюся с боеприпасами. А она сложная. Ноябрь – самый низкий месяц по производству...

Высказав это, И. В. Сталин заметно подобрел. И уже почти дружеским тоном начал говорить, что, мол, если и судить кого-либо, то нужно предать суду работавших в Москве до войны, а дескать, Яковлев здесь ни при чем, он человек новый. В недостатках материальных средств тоже нечего искать виновного, так как в свое время мы не успели сделать всего в этом отношении. Сейчас же нужно ожидать повышения поставок, а не заниматься беспредметными упреками.

.....

Вопросы снабжения войск [до войны] ... разрешались довольно легко, в основном с помощью директив Генштаба, которые спускались соответствующим главным и центральным управлениям. А вот для ведения большой и, главное, затяжной войны было предусмотрено далеко не все.

Но началась война. И в первые же ее недели в острейшей форме встали вопросы обеспечения фронтов автоматами, винтовками, полковыми и дивизионными пушками, зенитной артиллерией, боеприпасами (прежде всего к минометам и противотанковой артиллерии). Генштаб, естественно, тут же целиком переключился на удовлетворение этих нужд. Но по инерции мирного времени потребовал именно от ГАУ обеспечить фронты вооружением и боеприпасами. Но где нам было все это взять? Наши запасы оказались довольно скудными, а поставки промышленности, которой еще нужно было переключиться на военные рельсы, налаживались туго. Поэтому в первые месяцы часть стрелково-

го вооружения для фронтов Генштаб, например, вынужден был изъять из без того небогатых запасов Забайкальского и Дальневосточного военных округов. А поскольку никакой системы очередности в снабжении тогда еще не существовало, то к осени 1941 года все то, что было в запасах центра, и то, что изъяли с Дальнего Востока, образно выражаясь, «съели» фронты.

Прямо скажу, столь остро вставшие вопросы обеспечения войск вооружения и боеприпасами для многих из нас явились прямо-таки неожиданными. Да, ресурсы оказались незначительными. Но почему? Разбираться в этом очень деликатном, к тому же сулившем большие неприятности, деле мало кому хотелось».

Странно. Страна якобы только и делала, что готовилась к серьезной войне, готовилась и ... оказалась настолько не готова! Причем, и разбираться в причинах было «чревато». И сам Сталин не спешил выяснять, кого было бы полезно «засудить» за недостаток боеприпасов и «стволов». Куда ж они подевались? И сколько их было в штуках? В конце 3-й главы маршал Яковлев привел некоторые цифры. Оказывается, за 1938 – 1940 гг. заводы изготовили «всего лишь» около 45 тыс. орудий и около 38 миллионов снарядов (без минометов и мин к ним). Плюс какое-то количество орудий и снарядов выпускалось и раньше, а некоторые оставались на складах еще со времен 1-й мировой войны. И не хватило! Яковлев это объясняет тем, что если производство снарядов в первый военный год выросло в 4 раза, то фронты требовали поставку в 20 раз больше довоенного годового объема. Потому, дескать, и возник «снарядный голод». И как бы вскользь в конце главы добавляет:

«На положение дел с производством боеприпасов в первую очередь повлияла потеря заводов, расположенных на временно оккупированной врагом территории. ...

Попутно замечу, что здесь сказалась и потеря запасов снарядов и мин, ранее находившихся в ведении западных приграничных округов. Однако это количество было не таким уж и большим».

25 тысяч битком набитых вагонов на одном только Западном фронте – «не так уж много»? Конечно, смотря с чем сравнивать. И на какие операции готовить расчеты. А если враг бензин имеет эшелонами, прет «массой», а у вас нет под рукой и одного вагона боеприпасов, то голыми руками его не остановить. Раньше надо было думать что, где и как правильно размещать. Во время «динамики» «поезд ушел». Остается тратить доступные запасы и уповать на промышленность, половина которой тогда оказалась «на колесах». Вот поэтому «прогресс» в этом деле и начал возникать не ранее конца 1942 г.

4.

Но не только с запасами ГСМ и боеприпасов были проблемы. Еды тоже не хватало (стр. 74 1-го тома):

«В связи с резким увеличением с осени 1939 г. численности советских Вооруженных сил имевшихся запасов продовольствия и фуража оказалось недостаточно. Были приняты меры по накоплению продовольствия как в войсках, так и на складах центра и базах Главного управления государственных и материальных ресурсов. Введение сухого пайка не только облегчило снабжение войск в полевых условиях, но и позволило создавать запасы, практически готовые к употреблению. В целях экономии средств в интересах создания запасов продовольствия были введены вегетарианские дни. Вместе с некоторым изменением ассортимента продуктов питания военнослужащих это давало экономию в размере 658 млн. рублей в год. Были выделены дополнительные средства на строительство заводов и цехов по производству сухарей, пищевых концентратов и комбикорма. Расширялось производство витаминов, фасованного мяса и других продуктов, необходимых для создания запасов. Однако выполнение большинства намеченных мероприятий планировалось лишь к концу 1942 г., поэтому к началу войны так и не было создано необходимых запасов сухих пайков, пищевых концентратов, витаминов и других

специальных продуктов. Более того, имеющиеся мощности не могли обеспечить бесперебойное снабжение армии. Накануне войны армия стала оснащаться новыми современными техническими средствами продовольственной службы, однако к ее началу обеспеченность ими была невысокой. Только заменой устаревших кухонь на конной тяге современными кухнями-автоприцепами, а также устаревших хлебопечей на автохлебозаводы можно было обеспечить мобилизационную потребность армии. Примерно треть старых кухонь и печей находилась в неисправном состоянии».

Чем больше читаешь все эти объяснения, тем больше возникает убеждение, что их автор (авторы) были очень далеки от военной службы. Настолько далеки, что и армейский быт могли представлять лишь в общих чертах. И то с трудом. И что сочинять что-то по предвоенной армейской подготовке они даже не ожидали, но их каким-то образом заставили. Причем, с определенными требованиями «внешнего вида». И вот они, преодолевая отвращение к этой работе, и сочинили (нахватавшись каких-то слов из каких-то текстов)...

«В связи с резким увеличением с осени 1939 г. численности советских Вооруженных сил имевшихся запасов продовольствия и фуража оказалось недостаточно». Странно, держава сначала наняла работников и только потом узнала, что их нечем кормить? Какая же причина потребовала «резко увеличить» армию осенью 1939 г.? Новый закон о всеобщей воинской обязанности? Но ведь и его разработка проходила не за один день (как объяснял Ворошилов). Наверно, должны были посчитать, в какие расходы на питание все это могло вылиться. Или никто даже калькулятор..., э-э-э, арифмометр не покрутил? А когда покрутили, то только тогда с удивлением узнали, что пора срочно увеличивать запасы еды на складах? И каким образом их увеличивать? Вариантов оставалось немного. Сократить поставки гражданскому сектору. А на то, что дойдет до магазинов, приподнять цены. И «удержать» зарплаты.

А кто окажется недовольным... Но после «1937 г.» много недовольных оказаться не могло. На этот счет «органы» товарища Берии бдили хорошо. Теща мне рассказывала случай из довоенных будней под Киевом: купила как-то ее мать курей на базаре. А следом в дом «заглянул» наряд милиции («*им сообщили, что здесь спекулируют курами*»). Устроили обыск, по ходу которого изъяли и упаковку хозяйственного мыла. «*– А мыло-то тут при чем?*» – возмущалась мать тещи.

Ещё можно было увеличить закупки продовольствия по импорту. Например, когда я был на военных сборах в начале 80-х, то однажды мы разгружали грузовик, который привез тушки баранов в сетках. На сетках стояли лейблы: «New Zealand». Но этот путь требовал расхода дефицитной валюты, которой в то время и так не хватало на другие стратегические материалы. В конечном итоге вариантов пополнения продскладов было немного, но они, видимо, нашлись. Хотя, 1-й том не уточняет подробностей. «Меры» были приняты. В том числе и «введением сухого пайка».

Когда я дочитался до этого определения, то у меня возник вопрос к авторам 1-го тома: а как они вообще представляют его использование? Когда, в каких условиях? Во время обеда вместо сваренного супа на столы подается что-то сухое в пакетиках? А разве до 1939 г. сухпайков не существовало в природе? Насколько помню из своей службы, сухпай обычно выдавался военнослужащим, которые должны убыть на какие-то задания туда, где нет поблизости ПХД – пункта хозяйственного довольствия (т.е. попросту «кухни»). Такие случаи могут быть разные. Например, убытие нарядов на длительное оцепление полигона во время стрельб. Или на выполнение каких-то работ (на том же полигоне). Или во время учений, когда начинается «динамика» и «кухням» невозможно поспевать за уезжающими куда-то подразделениями. Однажды в такой ситуации нам утром выдали горсти печенья и конфет – оказалось, это был «сухпай». Супчик в тот день я поел первый раз часам к 16-00.

Но дело в том, что подобные ситуации возникают в любой армии в любые периоды их истории. Например, однажды в библиотеке я увидел карточку на книгу Кремянского Я. *«Солдатский сухарь простой и хлебномясной, по рецептам проф., доктора Я.С.Кремянского»* (СПб, 1900, 8 стр.). В том числе они должны были быть и в РККА до 1939 г. Но разве до 1939 г. понятия «сухпай» не существовало? Судя по опубликованным нормам продовольственного снабжения 30-х годов, отдельно он не выделялся. Было понятие замены консервами. А вот 15.05.1941 правительство и партия [т.е. СНК СССР и ЦК ВКП(б)] издало секретное постановление «О нормах продовольственного снабжения Красной Армии» № 1357-551сс. В его развитие нарком обороны издал свой приказ № 208 от 24.05.1941 г. «Введение норм снабжения Красной Армии продовольствием в мирное время» Они вводились с 01.06.1941 г. и там отдельно выделялся состав «сухого пайка» в сутки на человека. Более широко он должен был применяться во время «войсковых учений» «исходя из условий учебных задач войск». Правильно! Именно при перемещении по полям-лесам кухне сложно поспевать за своими подразделениями. Собственно, как и во время реальных боев. Но не совсем понятно выглядит фраза в 1-м томе: *«Введение сухого пайка не только облегчило снабжение войск в полевых условиях, но и позволило создавать запасы, практически готовые к употреблению»*. Что означает «но и ...»? В смысле вместо горячего котлового довольствия выдавать в тарелки кулечки сухих концентратов? Но концентраты и так должны быть «практически готовы»: морковь, лежащая на складе, более готова к употреблению, чем пачка макарон – их еще надо варить. Но морковь может сгнить. Так и макароны могут заплесневеть – за всем нужен уход. Понятен смысл введения «сухпайка» для облегчения снабжения продовольствием именно в полевых условиях. В 1941 г. он вводился с 1 июня 1941 г. на основе решения правительства середины мая. Его состав на одного «потребителя»:

Сухари ржаные – 600 г (хлеб черный).
Концентрированная каша из пшена – 200 г.
Концентрированный суп-пюре гороховый – 75 г.
Колбаса полукопченая «Минская» – 100 г.
– или вобла суховяленая/копченая – 150 г.
– или сыр-брынза – 150 г.
– или рыбное суховяленное филе – 100 г.
– или мясные консервы – 113 г.
– или сельдь солёная – 200 г.
Сахар – 35 г.
Чай – 2 г.
Соль – 10 г.

Понятно, что эти нормы разрабатывались не в середине мая 1941 г. На их разработку должен был уйти не один месяц когда-то раньше. Подтверждение этому можно найти в книге «Применение в Красной Армии пищевых таблеток (концентратов) и сухого продовольственного пайка» (Воениздат, 2-е издание, 1941, 48 стр., подписано к печати 18.01.1941 г.). В ней на стр. 18 тоже есть «нормы суточного довольствия сухим продовольственным пайком на одного человека»:

Сухари – 600 г.
Колбаса «Минская» – 100 г.
– или вобла сухокопченая – 150 г.
– или сельди – 200 г.
– или сухокопченая рыба-филе – 100 г.
– или сыр-брынза – 150 г.
Таблетки первых блюд – 75 г.
Таблетки вторых блюд – 200 г..
Сахар – 35 г.
Чай – 2 г.
Соль – 10 г.

Как видно, состав сухпайка по состоянию на январь 1941 г. почти идентичен нормам, утвержденным в мае 1941 г. Причем, нормы января 1941 г. – это «2-е изда-

ние». Т.е. практически сухпай должен был применяться еще раньше. Но до 1 июня 1941 г. он не был утвержден на уровне решения правительства и приказа наркома обороны. Для каких же целей его готовили именно с июня 1941 г.? Об этом написано на стр. 3 во «Введении» в рассматриваемой книге:

«Опыт применения пищевых таблеток в Красной Армии подтвердил хорошие вкусовые и питательные качества их, а также показал следующие преимущества такого довольствия в полевых условиях:

1. Простота и быстрота приготовления пищи. Она может быть приготовлена каждым красноармейцем с самой незначительной затратой времени. Время требуется лишь на то, чтобы вскипятить воду, и около 15 минут – на варку таблеток (большинства их).

2. Возможность довольствия горячей пищей в условиях боевой обстановки и на коротких привалах – при наличии кипятка – без подогрева в термосах и котелках.

3. Экономия в расходе рабочей силы, топлива, транспортных средств и меньшая потребность в складской площади.

4. Возможность длительного сохранения таблеток (при точном соблюдении правил хранения – от 3 до 12 месяцев).

Широкое развертывание в СССР производства концентратов, расширение ассортимента и улучшение качества пищевых таблеток позволяет сделать питание Красной Армии более разнообразным, что особенно важно в полевых условиях».

«Широкое развертывание» производства пищевых концентратов имеет смысл при широком использовании немаленькой армии в «полевых условиях» (особенно, в боевой обстановке). Логично! Выдали солдатам таблеток борща украинского, супа-пюре горохового, лапшевника молочного с киселями разными дня на 3 и – вперед! Удастся в период боев подогнать ПХД и сварить борщ из тех же таблеток в котле – хорошо, не удастся – останется солдатам как-то добывать воду и разводить костер в перерыве меж-

ду боями. Кинул в котелок с кипящей водой таблетку каши пшенной, подождал некоторое время (минут 15) пока она загустеет и снял с огня. Подождал еще 15 минут чтобы она окончательно дошла – и берись за ложку. А вот таблетку каши гречневой варить придется подольше – минут 20 и столько же ждать, пока «дойдет». А лапшевник молочный достаточно только сварить (без дальнейших ожиданий). Странно только откуда такое название: «... молочный»? В состав одной его таблетки входили (стр. 22): макароны или вермишель – 50 гр., комбижир – 20 гр. и крупа гречневая – 55 гр. А молоко не указано! И там же на стр. 22 начинается глава «Довольствие таблетками в полевых условиях». В частности:

«В полевых условиях готовить пищу из таблеток можно в походных кухнях, в термосах, в котелках и в обычных чугунных котлах». Рассматривается два варианта приготовления: залить кипятком и варить на огне минут 10-20. Или залить кипятком, отставить от огня, укутать чем-то теплым (например, шинелью) и ждать до 1 часа, пока пища «дойдет». Причем, *«приготовление пищи из таблеток в котелках на огне обычно производится в тех случаях, когда по условиям обстановки нельзя приготовить в походных кухнях».* (Стр. 28).

Что ж то за обстановка, когда нельзя приготовить пищу в походных кухнях? Мотострелковая рота в наступлении ушла в отрыв? Авангардный танковый батальон вырвался вперед? А кругом чужая территория со сгоревшими припасами? А если и с целыми, все равно местных «дойч форинтов» нет в кармане, купить не на что. Только на свои таблетки и надежда.

И есть в этой книге еще одно интересное указание (стр. 19): *«При выдаче колбасы и брынзы день засчитывается как мясной, а при выдаче сухой или копченой рыбы или сельдей – как рыбный».* «Вегетарианские дни» не упоминаются. А в 1-м томе такие есть. Откуда об этом узнали его авторы? Про «рыбные дни» по четвергам в столовых в советское время я знаю – было. Но насчет «вегетарианских дней»? Сколько

же их было в неделю – один, два, пять? И был ли какой-то приказ или постановление правительства с конкретными нормами «вегетарианской» выдачи? Но нет в 1-м томе конкретной ссылки. Где же нашлась цифра «658 млн. рублей в год»? Конкретных данных мне найти не удалось, нашлись только воспоминания Трубецкого А. В. «Пути неисповедимы» (Воспоминания 1939-1955 гг.). – М. : Контур, 1997. Он был призван в 1939 г., учился в полковой школе, получил «сержанта». Летом 1940 г. их полк был переведен в Кострому. Из событий того времени Трубецкой упомянул следующее:

«Был введен один «сухой» день в неделю, он же вегетарианский. «Сухой» потому, что готовили из концентратов, а вместо мяса – рыбные консервы или сушеная вобла. Из нововведений тех времен – штрафные роты, куда отправляли даже за мелкие провинности вроде опоздания из увольнения или отпуска.

Шло лето 1940 года. Эстония, Латвия и Литва стали нашими республиками. Из репродукторов, развешанных на лагерной линейке, неслись полные «единодушие и восторг», судя по бурным аплодисментам прибалтов по поводу их вхождения в Союз. А военные, побывавшие там, рассказывали о невиданном изобилии и благополучии».

Итак, уже летом 1940 г. практиковалось приготовление пищи из концентратов. Придумали один «сухой» день в неделю. В войну формально добавился и второй. Бывший нарком торговли (во время войны начальник ГУПС РККА) Павлов Д.П. написал книгу «Стойкость» (Москва, Политиздат, 1983). В ней он привел некоторые цифры:

«Потребность в концентратах была велика, но промышленность выпускала их мало. <...> Если в 1941 г. было поставлено в армию 34 тыс. т концентратов, то в 1943 г. – 180 тыс. т, а за всю войну – около 600 тыс. т концентратов и сушеных овощей <...> Концентраты, взятые на снабжение армии, были новым продуктом для того времени, <...> К тому же они были транспортабельны и выдержива-

ли длительные сроки хранения, что в условиях войны имело важное значение».

«Важно в условиях войны...» Чем же для армии они отличаются от мирных? В первую очередь «динамикой» и более высокой вероятностью потери контакта ПХД со складами, а бойцов с ПХД. Вот для этих условий носить в вещмешке концентраты «на всякий случай» удобнее, чем «прод. наборы» из сырых овощей.

И получается, что в 1940 г. партия и правительство озаботилось подготовкой к такой ситуации.

«Были выделены дополнительные средства на строительство заводов и цехов по производству сухарей, пищевых концентратов и комбикорма». «Пищевые концентраты» выше рассмотрены – в первую очередь для полевых условий, особенно во время боевых действий. Хотя на передовой не всегда удастся развести огонь. В светлое время может не найтись времени. Кроме того, нужна вода, желательно не из лужи. А ночью огонь костра может превратиться в цель для противника. Разве что внутри каких-то укрытий или блиндажей. Но во время «динамики» «сухпай» желательно иметь именно в готовом виде без необходимости разводить костер: развернул/открыл и съел (консервы). Однажды на учениях я первый и последний раз в жизни видел пустые трехлитровые консервные банки с надписью: «Тушеный картофель с мясом». До сих пор не знаю, как он выглядел на тарелке.

Что касается «комбикорма», то в первую очередь это пища для коров, лошадей и другого домашнего скота и конницы. Кавалерия к тому времени уже сокращалась, оставалось еще какое-то количество лошадей тягловых в артиллерии и в обозах. Поэтому тема увеличения комбикорма тоже была актуальной. А это вообще-то проблема эффективности сельского хозяйства. Хотя, иногда под «комбикормом» можно понимать и такой продукт питания, как «комбижир» – заменитель «обычных» жиров класса маргаринов. Он бывает разных видов, основу которых составляет саломас – отвержденный жидкий

растительный жир или жир морских животных (в первую очередь китов) и рыб. От 50% до 70%. В кризисных условиях он легко может заменить маргарин, сало и масло. Но какие-то промышленные усилия тоже нужно затратить (хотя бы наловить китов и рыбу). Поэтому полностью составить конкуренцию сельскому хозяйству производство комбиджир не может. А сельское хозяйство требует времени. И как оказывается, в Красной Армии числились не только боевые подразделения. В ней среди тыловых были такие, которые занимались именно этим – выращиванием коров и свиней. Например, военно-хозяйственным управлением РККА в 1934 г. была выпущена «Инструкция по организации и оплате труда по свиноводству и крупному рогатому скоту и о порядке выбраковки с./х. животных в подсобных хозяйствах войсковых частей РККА».

Но корова или свинья вырастает не за один день. И урожай собирают не каждую неделю. Быстро увеличить численность армии можно. Но быстро увеличить поголовье скота и быстро запустить новые цеха по производству разных продуктов питания не получится. А потребность человека в кормлении возникает каждый день. Не могли солдаты и командиры долго ждать, пока появятся те «новые» «порции». Чисто физиологически не могли.

«Однако выполнение большинства намеченных мероприятий планировалось лишь к концу 1942 г., поэтому к началу войны так и не было создано необходимых запасов сухих пайков, пищевых концентратов, витаминов и других специальных продуктов». К концу 1942 г.? Это на что намекают авторы 1-го тома? Немцы захватили в плен так много советских военнослужащих, потому что они отказывались воевать от бескормицы? Что означает «нехватка запасов питания» «к началу войны»? А как тогда вообще вести военное планирование? Кормить нечем, а людей призывают? Извините, одно из двух: или составляются какие-то планы в рамках покрытия их необходимыми затратами, или сначала надо «подтянуть» запасы этих

самых затрат. Как меня учили во время службы: сначала обеспечить, потом требуй.

«Более того, имеющиеся мощности не могли обеспечить бесперебойное снабжение армии». Понятно. РККА к июню 1941 г. сидела на голодном пайке... Дообъяснялись. Это еще зарплату можно задерживать, экономить на форме – заменять яловые сапоги какими-нибудь кирзовыми, но отказывать в питании? Чтобы дистрофики в бой шли? Таская на «горбу» ящики с боеприпасами под 50 кг весом? Невероятно! Нет, конечно, армия – не санаторий. Хотя с некоторых позиций в чем-то и похоже, и случаи задержки покушать иногда бывают. Но это не может быть систематически. Это уже не армия. Голодные солдаты в первую очередь будут думать, где взять поесть.

(Или плановые органы Генштаба строили свои расчеты еще на чем-то неназываемом? Например на трофеях?..).

«Накануне войны армия стала оснащаться новыми современными техническими средствами продовольственной службы, однако к ее началу обеспеченность ими была невысокой». Ну и что? А старые средства продслужбы уже все пришли в негодность и их сдали в металлолом? Пожалуйста, если промышленность наладила выпуск каких-то новых «средств» и есть наряды на их получение, то почему из этой ситуации создается проблема? Придет новый ПХД на трехосном шасси ЗиС-6 – хорошо. Не придет, продолжат использовать старый ПХД на основе тыловой одноконной двуколки образца 1890 года: кушать готовить положено не менее 3-х раз в день. Ждать «конца 1942 г.» ну никак не получится! Ибо других возможностей по питанию у солдат в казармах, а особенно в полях-лесах попросту не будет. Разве что, выдадут таблетки концентратов. Теоретически еще можно надеяться и на покупки в магазинах. Но во-первых, с деньгами у «служивых» обычно бывает не густо. Во-вторых, тот магазин еще должен попасться по пути. А в третьих, на чужой территории потребуется и местная валюта.

«Только заменой устаревших кухонь на конной тяге современными кухнями-автоприцепами, а также устарев-

ших хлебопечей на автохлебозаводы можно было обеспечить мобилизационную потребность армии». Вот только не надо сравнивать армию тех лет с современной. Для начала можно раскрыть штаты и посмотреть, сколько лошадей было положено по штату в довоенных советских дивизиях. Как тяговых для пушек и как тыловых для обозов. В частности, по новому мобплану февраля 1941 г. планировали призвать более 700 тыс. лошадей. Конечно, заменить их все на грузовики было бы еще лучше, но в те годы производимых грузовиков на всех не хватало. А лошадей в стране было много. И давно была отработана организация воинских обозов. Например, еще в 1903 г. в СПб была издана книга Даниловского П. «Устройство повозок обоза и вьюков. Теория ... Порядок изготовления и приема повозок обоза. Курс, читанный П.А.Даниловским на интендантском курсе в 1901-1902 учебном году». 202 стр. Хотя, конечно, смотря каких размеров планируется развернуть армию на каких территориях. Грузоподъемность грузовика выше, чем у конной двуколки – это понятно. Но ни грузовики, ни двуколки не смогут обеспечить наступление на длинном транспортном «плече» снабжения. Для этих целей лучше всего подходит железная дорога. Именно об этом писал еще Триандафиллов в 20-х годах. Поэтому связывать мобилизационную потребность тех лет только с кухнями на моторе по меньшей мере не совсем научно. Все относительно: смотря какой ТВД, смотря какой противник и каковы военные планы. Тем более, что полевых автохлебозаводов на 1.02.1941 г. числилось 1085. При новом мобплане – 1434, т.е. обеспеченность ими уже была 76%. Промышленность в 1941 г. должна была поставить еще 120. Итого – 84% к плану. И кухонь на тягле лошадьми тоже хватало: кавалерийских и 2-х котельных – 208% (20,2 тыс. шт. к 10,2 тыс. шт. по новому плану). Действительно, кавалерия сокращается, куда столько кав. кухонь? Отправить на переплавку? А разве их нельзя было использовать в других родах войск? Лошадь при этом вряд ли стала бы сильно отличаться. И

кухонь пехотных с учетом поставок от промышленности тоже должно было почти хватить. Единственная проблема была с кухнями на автошасси – менее 50%. Так это ж к новому мобплану февраля 1941 г.! А план промышленности утверждался еще в 1940 г. – его могли и подкорректировать. Было бы ради чего и было бы решение правительства.

«Примерно треть старых кухонь и печей находилась в неисправном состоянии». Ну всё было в Красной Армии на треть в неисправном состоянии! Треть танков – поломаны. Треть самолетов – аналогично. (Что за заколдованное количество – «треть»?) И треть старых кухонь. Интересно, автор 1-го тома, написавший такое «объяснение» видел их когда-нибудь? Любая «кухня» – это в первую очередь набор посуды: кастрюль, чанов, чайников, тарелок, ножей, топоров, ложек, вилок, ящиков для хранения сыпучих продуктов и консервов. А также столы, табуретки и брезентовые крыши. Что в них может сломаться? Ручка отлететь у кастрюли? Отобьется эмаль и возникнет дыра в стенке чайника? Прогорит дно котла? Есть проблемы в их ремонте? Пропали все паяльные лампы? Куча болтов с гайками порастерялась? Наиболее сложным агрегатом на любой кухне может оказаться разве что печь с котлами. Особенно, если она топится мазутом или газом. Но и то, «неисправность» котла печи с жаровней и поддувалом вряд ли можно сравнить с неисправностью блока цилиндров какого-нибудь танка. Seriously обращать внимание на процент дырявых котлов и чайников в Красной Армии к июню 1941 г. можно только с одной целью – как можно больше букв истратить на что угодно, кроме разговора о самом главном. Помните, что написано на стр. 71 в 1-м томе?:

«Эффективность применения вооруженных сил при отражении агрессии ... в существенной степени определялась умением военного и политического руководства рационально спланировать их боевое использование, правильно определить сроки вероятного нападения агрессора и своевременно

приняв меры по приведению войск в полную боевую готовность».

Четыре страницы текста уже исписано, а до этого речь еще не дошла. Сначала надо обратить внимание на разное прочее: на экономию солидола, производство комбикормов для коров и лошадей, про дырявые котлы с кастрюлями и поломанные вилки. И еще есть много другой прочей информации. Например, про кальсоны и портянки, про галифе и валенки. А как с ними обстояло дело к июню 1941 г.? Они все были целые или тоже на «треть» неисправны?

5.

Стр. 74:

«Потребности армии в вещевом имуществе в основном удовлетворялись, за исключением обуви, обеспеченность которой составляла лишь 70 %. Опыт боевых действий в период Советско-финляндской войны выявил несовершенство принятой в Красной армии формы одежды, поэтому накануне Великой Отечественной войны принимались меры по ее улучшению. На снабжение армии стали поступать стальные шлемы (каска), шапки-ушанки, пилотки, плащ-палатки, маскировочные халаты, специальное обмундирование для лыжников. В неприкосновенный запас закладывалось дополнительное количество ватного обмундирования и валяной обуви. В январе 1941 г. было принято решение об установлении единой формы одежды для всех родов войск по крою и цвету (защитному). Завершение перехода на новую форму одежды с учетом возможностей производственной базы ожидалось не ранее октября 1942 г., поэтому армия вступила в войну в обмундировании различного покроя и расцветки».

И на треть босой?

Такой вывод может возникнуть просто из-за фразы, что обеспеченность обувью «составляла лишь 70 %». В чем же ходили остающиеся неудовлетворенными 30%? Босыми? А это смотря как считать и что подразумевала цифра

«потребности». Обувь вообще-то один раз на всю службу не выдают. Она имеет сроки носки (как и все элементы формы). Например, летчикам хромовые сапоги в 80-е годы выдавали из расчета одна пара на 8 лет. Мне дали на два года, но лично мне не хватило на один при практически повседневной носке – пришлось покупать вторую пару. Солдатам пара кирзовых сапог (насколько помню) была положена на 8 месяцев. Т.е. на 2 года службы для одного солдата надо готовить 3 пары сапог. Но не на одну выдачу, а в достаточно длительный период. С другой стороны, в армии служат солдаты разных периодов, т.е. во время призыва надо выдавать сапоги не только тем, кто призывается, но и заменять тем, кто отслужил более первого периода и около трех.

Но, конечно, каждый день обувь не выдают и не меняют, поэтому на какой-то момент времени вполне возможна какая-то «нехватка». И ее часть можно «закрывать» ремонтом. На этот случай в армии существовали походные сапожные мастерские. (Однажды я держал в руках довоенное 1940 г. издания «Руководство по устройству и эксплуатации походной обувно-ремонтной механизированной автомастерской (ПОРАМ)» на базе ГАЗ-АА). Т.е. в графе «поставка» можно учитывать и объем «ремонта».

Однако, в период призыва и (особенно) мобилизации одномоментно возникнет большая потребность в выдаче сапог. Как ее рассчитать? С учетом сроков носки (и замены) или нет? Если без учета, то в мирное время придется дошивать еще сапоги на будущую потребность. А в военное многие будут ранены, убиты и попадут в плен. И вот тут возникает разница.

Если своя армия идет в наступление, то своих пленных будет мало, большинство раненых и убитых окажется на своем поле боя, т.е. сапоги остаются в своем «доступе» и могут быть повторно использованы. Поэтому некий процент некомплекта (с учетом сроков носки) возможен. Главное – удовлетворить первоначальную выдачу.

Но другая ситуация, если армия отступает и много солдат оказывается на территории противника. По статданным к февралю 1942 г. в плен к немцам ушло около 4 млн. советских военнослужащих. Плюс убитые и раненные, оставшиеся на занятой врагом территории. И кто остался в «партизанах». Т.е. «те» сапоги повторно уже никак не могли быть использованы. И для новых призываемых для срочного пополнения фронта потребуется выдавать новые.

Кроме того, путаницу вносит и потребность иметь обувь разных размеров, так как заранее точно не известно, каких сколько надо. Т.е. надо готовить разные размеры «с запасом». А если численность армии увеличивается в разы, то задача обеспеченности сапогами превращается для страны в серьезную проблему, ибо ресурсы кожевенного сырья безграничны.

И сколько не получала держава кожу у своих колхозов и совхозов, сколько ни закупала ее в других странах по импорту (тысячами и десятками тысяч тонн в Бразилии, Уругвае, в Аргентине и в др. странах), но ее не хватало. В 30-х годах XX века в СССР к решению этой проблемы были привлечены и ученые-химики с целью отработать технологию производства кожзаменителей. В результате к 1941 г. была изобретена «кирза СК». «СК» означает «синтетический каучук». Причем, для производства кожзаменителей он шел не в чистом виде, а в виде растворов («латексов»). Ими пропитывали многослойную ткань, за которой давно закрепилось название «керзей», превратившееся в русском языке в «кирзу». Том 21 БСЭ 2-го издания (М., 1953, с. 105-106) объясняет происхождение этого слова от немецкого «kirsei», которое произошло от английского «kersey». А Малая Сов. Энциклопедия (том 4, 1959, стр. 775) уточняет: «... от англ. Kersey – городок в графстве Суффолк» (чья многослойная ткань получила известность уже издавна).

Подробности истории изобретения советской «кирзы» на московском заводе «Кожимит» есть в фондах Политехнического музея в Москве (ф. 87, 11 ед. хр.). В т.ч. материалы одного из ее разработчиков в предвоенные годы, учено-

го-химика Александра Михайловича Хомутова, переданные им лично в дар музею накануне празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. В своей «Автобиографии» (Ф. 87 ед.хр. 1 инв. № 25874/1) он написал:

«В 1938 г. меня пригласили в Нарвоенкомат [точнее – «Наркомат»] обороны на совещание, на совещании нам сообщили, что возможна война с фашистской Германией. Очень тяжелое положение со снабжением армии обувью. Кожки нет. Необходим заменитель кожи для голенищ сапог. Первое и главное условие – сырье должно быть отечественного происхождения. В ЦНИКЗ ст. н. сотр. И.В.Плотников занимался пропиткой кирзы бензиновыми растворами натурального импортного каучука. Я пригласил его для совместной работы. Создали технологию пропитки кирзы бензиновыми растворами синтетического каучука [производимого по методу академика С.В.Лебедева]. Сконструировали технологическое оборудование. Выпустили опытную партию кирзы СК и передали обувщикам. Совместной работой были изготовлены кирзовые сапоги [в 1939 г.], которые успешно прошли испытания в армии. ... Сапоги были приняты на снабжение Советской Армии. Я перешел работать в другую организацию, а место главного инженера завода занял второй автор И.В.Плотников.

В июне 1941 г. началась Вторая мировая война. Я вернулся в ЦНИКЗ, где дальше разрабатывал новые заменители кожи для снаряжения армии. В 1942 г. коллективу, работавшему над созданием и внедрением кирзовых сапог, присуждена премия И.В.Сталина».

Некоторые подробности предвоенного изобретения искусственных кож (не только «кирзы СК») есть в статье Кипниса Б.Я. «Синтетические латексы в производстве заменителей кожи» в сборнике «Вопросы технологии заменителей кожи» (Издание НИИ кожзамениителей – ЦНИКЗ, апрель 1941). Главная задача тогда заключалась в замене бензиновых растворов каучука («клеев») на водные («латексы»), что позволило бы снизить затраты на производство не только по стоимости материалов, но и по техно-

логии работ (отказ от вентиляции, снижение пожароопасности и т.д.). Вот И.В.Плотников как раз и занимался в ЦНИИКЗ созданием заменителей кожи на базе пропитки многослойной ткани синтетическими латексами. Но он больше увлекался не «кирзой СК», а «феналином». Однако, затем для очень массового выпуска приняли именно «кирзу СК». Статья завершается следующим выводом (стр. 59 сборника):

«В итоге проведенных институтом и предприятиями Главкожзаменителя работ решена в основном проблема полного вытеснения бензиновых клеев [кстати, на базе авиационного бензина] и ревертакса [импортный латекс] отечественными синтетическими латексами. Освоение синтетических латексов открывает широкие возможности выпуска новых заменителей на их базе.

Быстрейшее внедрение синтетических латексов имеет большое народнохозяйственное значение: страна освобождается от импорта натурального латекса, высвобождаются для народного хозяйства и обороны тысячи тонн бензина, повышается качество ряда изделий промышленности и может быть расширен ассортимент высококачественных заменителей кожи, устраняется огнеопасность и взрывоопасность предприятий, резко оздоравливаются условия труда, сокращается расход энергии за счет устранения обработки твердого каучука на заводах СК и предприятиях Главкожзаменителя».

Действительно, за такое не жалко и главной премии страны. Особенно с учетом потребностей многомиллионной армии. В условиях нехватки бензина для фронта. Хотя, для армии тогда шили не только сапоги, но и ботинки с обмотками. Видимо, поэтому в новой «Схеме мобилизационного развертывания Красной Армии», представленной Сталину и Молотову в начале февраля 1941 г. за подписями Тимошенко и Жукова (документ № 272 в 1-м томе сборника «1941») говорится об обеспечении не «сапогами», а «обувью». По таблице «Обеспеченность вещевым и обозным имуществом» потребность в обуви на развертывание армии

оценивалась в 9 млн. 482 тыс. 700 пар. На 01.02.41 в наличии числилось 4 млн. 445 тыс. 000 пар. Ожидалось от промышленности в 1941 г. поставка 2 млн. 246 тыс. 500 пар. Всего к 1 января 1942 г. планировалось иметь 6 млн. 691 тыс. 500 пар или 70% «обеспеченности».

По остальным видам обмундирования наличие на 01.02.1941 г. вполне покрывало новую планируемую численность по мобилизации (8 млн. 682 тыс. 000 чел.) или полностью или с учетом поставок в 1941 г. [шинели (9,5 млн. штук), каски, котелки, портянки (30 млн. штук), кальсоны (22 млн. штук) и т.д.]. А вот обуви оказалось мало. Но опять перечитаем цитату со стр. 74: *«Потребности армии в вещевом имуществе в основном удовлетворялись, за исключением обуви, обеспеченность которой составляла лишь 70 %»*. Какая «потребность»? По каким планам? На какую дату? Откуда авторы 1-го тома взяли эти 70%? Из таблицы 272-го документа «Малиновки»? Но в его «преамбуле» говорится:

«Соотношение численности родов войск Красной Армии по мобплану 1941 года по сравнению с мобпланом 1938 – 1939 гг. и ведомостью развертываемых частей представляется в приложениях №№ 1 и 2.

(По решению Комитета обороны от 29 ноября 1937 года численность Красной Армии на 1938 – 1939 гг. была установлена – 6244500 человек и по перспективному плану на 1940 год предусматривалось – 7068900 человек).

Указанная численность слагается из всех частей и учреждений в случае проведения всеобщей мобилизации по всему Советскому Союзу, т.е. в том случае, если будут приведены в боевую готовность полностью все Вооруженные Силы Советского Союза одновременно.

Как показывает опыт, развертывание армии происходит постепенно, по направлениям, а не повсеместно одновременно».

Таким образом, по старым планам численность РККА могла быть от 6 до 7 млн. человек. По мирным штатам еще меньше. Т.е. численность обуви (с учетом поставки в

1941 г.) в 6,7 млн. пар старую потребность «закрывала». И вдруг в феврале 1941 г. возникает идея новой максимальной численности около 9 млн. чел. И вот на нее старые плановые задания по обуви уже оказались маловаты. Ибо сочинялись планы производства не в феврале 1941 г., и не в декабре 1940 г., а еще раньше. Это при рыночном хозяйстве покупка, например, ксерокса при современных технических возможностях может занять два дня: позвонить в магазин, передать номер своего факса, через 30 минут они скидывают счет, который бухгалтер оплачивает по интернетовской системе «клиент-банк». И завтра можно ехать получать.

В СССР производство было плановым. Это означало, что если есть желание «получить по фондам» копировальное устройство в следующем году, заявку в плановые органы Госснаба надо было отвезти не ранее мая текущего. (Конторе, где я работал в 1986 г., угораздило отвезти заявку в июле. Вот там нам и предложили «чуток» подождать...).

Так и с желанием НКО февраля 1941 г. увеличить армию по мобилизации до 9 млн. захотеть можно, но сойдутся ли эти желания с уже утвержденными в прошлом году планами производства – вопрос. А коль такая ситуация возникла, то возможен и еще один вывод, что до декабря 1941 г. потребность в 9 млн. военных в СССР не возникала. И сапог хватало. Но в период декабря-января что-то произошло.

В первую очередь «до декабря», а не «до февраля» (которым датируется документ № 272), так как такие документы за один день не создаются. Причем, это уже конкретные расчеты. А еще раньше должны были состояться обсуждения общего плана: «надо – не надо», для достижения каких целей на каких ТВД. Вот такие документы до сих пор толком неизвестны. Озвучены лишь «Соображения...» по развертыванию армии для первых операций. А в какие масштабы они могли в дальнейшем расширяться – неизвестно. Есть только намеки. В этом самом документе № 272 и в заключительной речи маршала Тимошенко на де-

кабрьском 1940 г. совещании генералов. (Документ № 222 1-го тома сборника «1941»). 31 декабря маршал (и нарком обороны) перечислил возможные ТВД, на которых могла бы оперировать Красная Армия в каком-то недалеком будущем:

«2. В докладах и выступлениях на совещании иногда сквозило стремление перенести, без должного анализа и серьезной критики, образцы фронтовых операций Западной Европы в условия нашего Западного театра. Такие попытки ошибочны.

Наш Западный театр обладает особенностями и по характеру местности, и по развитию дорожной сети, т.е. такими, которые особенно влияют на характер фронтовых операций.

*Больше того, мы имеем несколько театров возможной войны, кроме Западного, такие, как: **Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный, Прибалтийско-Скандинавский, и на каждом из них действия войск в тактическом и оперативном разрезе будут иметь свои особые отличительные черты.***

Соответственно этому наша теория по оперативно-тактическим вопросам, помимо общих положений, должна охватывать особенности в действиях войск на различных театрах, в разнообразных географических условиях».

В документе № 272 упоминаются варианты развертывания (опять же только для первых операций) «Запада» (без гражданских формирований) с указанием «поднимаемой» численности – 7852432 чел., «Востока» – 5269678 чел. Плюс «внутренние округа» и «формирования гражданских наркоматов». Причем, война представлялась не короткая: в документе попадаются упоминания: «первый год войны», «второе полугодие войны» и т.д.

Конечно, для такого размаха планов «громадьа» «небольшой» армией в 6–7 млн. уже не обойтись. Какие-то расчеты по каким-то планам вывели на численность под 9 млн. Вот ее и указали товарища Тимошенко и Жуков в новом

мобплане февраля 1941 г. И по нему обеспеченность обувью оказалась как бы неполной (всего лишь на 70%).

6.

Но перейдем к следующему предложению цитаты на стр. 74:

«Опыт боевых действий в период Советско-финляндской войны выявил несовершенство принятой в Красной армии формы одежды, поэтому накануне Великой Отечественной войны принимались меры по ее улучшению».

Опять в очередной раз озвучиваются слова о каких-то проблемах в армии! Еще в ней что-то было НЕ ТАК! В данном случае к 1941 г. оказалась «неправильной» и форма. В чем же заключалось ее «несовершенство»? Разве в прежних фасонах она не позволяла вести боевые действия? Странно, в Гражданскую войну победили при еще худших условиях. Во что только не одевались тогда бойцы и командиры Красной Армии! И в красные шаровары, и в кожаные куртки, и в галифе с начесом. Лишь к концу войны начало возникать некое единообразие, которого хватило для последовавших побед. В том числе на Хасане и на Халкин-Голе.

А в 1941 г.? «Несовершенная»! И в чем же это выразилось? Оказывается, в том, что *«в январе 1941 г. было принято решение об установлении единой формы одежды для всех родов войск по крою и цвету (защитному). Завершение перехода на новую форму одежды с учетом возможностей производственной базы ожидалось не ранее октября 1942 г., поэтому ...».*

Ну и что «поэтому»? Разве «в том числе» «поэтому» РККА и не смогла эффективно воевать летом 1941 г.? Галифе оказались не того покроя? Гимнастерки не везде правильного цвета? Потому и не смогли попадать в противника? Оказывается, не совсем так. *«Поэтому армия вступила в войну в обмундировании различного покроя и расцветки».*

Очень важная причина! В красных шароварах что ли солдаты армии вступили в войну? Вперемежку с синими? Можно ли где-то об этом почитать? Можно. В совсекретном «Постановлении № 129-55сс СНК СССР и ЦК ВКП(б) 18 января 1941 г». Т.е. «правительства» и «партии». За подписями Молотова и Сталина. Действительно, в его преамбуле говорится о «многообразии формы одежды, существующей в мирное время», которое надо ликвидировать с целью «приближения ее к форме военного времени». К войне надо было готовиться, а не красоваться разнообразием перед гражданскими лицами! Война – это не игра в бирюльки! И не для обнимания с девушками на танцплощадках! В полях-лесах форма должна помогать прятаться от противника. Поэтому со снабжения снимались ее следующие варианты:

а) особая форма одежды казачьих частей (донцы, кубанцы, терцы);

б) открытый френч для воздушных сил и автобронетанковых войск;

в) фуражка на летнее время для курсантов военных училищ, младшего начальствующего и рядового состава;

г) башлык;

д) краги для начальствующего и рядового состава;

е) окантовка хлопчатобумажного обмундирования и суконных пилоток для начсостава по родам войск».

Очень большое разнообразие было к январю 1941 г.!

Интересно, какой процент составляли казачьи части от всей РККА?

Можно предположить, что не особо большой. Учитывая, что всех кавалерийских частей по новому мобплану февраля 1941 г. должны были развернуть ... (э-э-э... в начале документа № 272 кавалерия вообще не упомянута). Лишь в разделе «XVI. Запасные части» говорится про 4 запасных кавалерийских полка. А дальше есть сообщение, что на год войны потребуется рядовых и сержантов кавалерии 68000 чел. Плюс 4000 начсостава – примерно 6 дивизий. На всего 303 дивизии РККА? Менее 2%. Но возможно, «казачьи части» – это не вся кавалерия? Между прочим,

до Постановления ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА», «казаков» в Красной Армии не было. Лишь в соответствии с приказом Наркома обороны К. Е. Ворошилова № 67 от 23 апреля 1936 года некоторые кавалерийские дивизии получили статус казачьих (до пяти). Тогда же в 1936 г. для них была утверждена и парадная форма. И она каким-то образом помешала воевать с немцами в 1941 г.?

А каким же образом помешал повседневно-парадный «открытый френч» для летчиков и танкистов с галстуком? Не всегда ж офицерам ходить в наглухо застегнутой гимнастерке! Или им галстук не позволял залазить в башню танка (в кабину истребителя)? Кто ж в галстуке в танк будет залазить? А в увольнение в воскресенье в чем идти? В той же гимнастерке (после танка)? Тогда проще в «гражданку» переодеться. Но ее придется купить за свои деньги. И при этом сэкономится государственная ткань на отмененные френчи.

Видимо, и отмена фуражек для тысяч курсантов, сержантов и массы рядовых вполне могла принести некоторую экономию тканей. Как и башлык с крагами. Знаете, что это такое? Интернет объясняет, что башлык (тюрк. «наголовник») – это суконный остроконечный капюшон, который надевают в непогоду поверх какого-либо головного убора. Имеет длинные концы-лопасти для обматывания вокруг шеи. В некоторых регионах башлыком в просторечье называют любой капюшон. В те годы, видимо, играл роль складного зонтика. Короче – как «буденовка».

А краги в то время – это кожаные голенища на всю длину ноги, которые закреплялись на ней ремнями. Использовались всадниками для защиты ног при езде верхом. Ремни для застёгивания краг находились с внешней или задней стороны ноги (противоположной боку лошади). Например, крагами пользовался герой Никиты Михалкова в детективном фильме «Собака Баскервилей». Но в СССР к 1941 г. кожи не хватало на миллионы обычных сапог. А так как кавалерия уже уступала свою роль мото-мех. войскам, то отмена

краг вполне понятна. Не время «форсить» в крагах на танцплощадках. СССР – это не США времен «Дикого Запада» – пора отменять.

Ну и окантовка пилоток лишь удорожала и усложняла их производство, действительно являясь излишеством в военное время.

Вот и все «различия» в военной форме тех лет. Сильно они могли понизить боеготовность войск? Вряд ли. Разве что помогали немножко сэкономить. Причем, действительно, срок выполнения указанных изменений устанавливался к концу 1942 г. Но это не означало, что до него армия окажется голой и босой – на этот период вполне могли покрасоваться и во френчах с крагами.

И другая фраза тоже сформулирована неправильно: *«На снабжение армии стали поступать стальные шлемы (каска), шапки-ушанки, пилотки, плащ-палатки, маскировочные халаты, специальное обмундирование для лыжников.»* Каски, шапки-ушанки, пилотки, плащ-палатки были известны задолго до Советско-финляндской войны. К февралю 1941 г. в армии они были в больших количествах, а не только «стали поступать». В уже упоминавшемся документе № 272 1-го тома «Малиновки» приводятся цифры наличия этих элементов формы на 01.02.1941 г. (от 4 до 8 млн. штук):

«Шлемы стальные – 4484,7 тыс. штук,

Шапки-ушанки и шлемы – 7398,4 тыс. штук,

Пилотки – 7861,0 тыс. штук,

Плащ-палатки – 5274,2 тыс. штук.»

Стальные каски в РККА «стали поступать» с 1936 г. (образца 1935 г.) Но в 1940 г. была принята на вооружение каска нового образца – «шлем стальной обр. 1940 г.» (СШ-40). Вот он и «стал поступать». В отличие от образца 1935 г. у него укоротили боковые выступы (чтобы уменьшить парусность на ветру), сделали более округлым и уменьшили вес.

Шапка, похожая на шапку-ушанку образца 1940 г., стояла на снабжении РККА с 1931 г. вместе с зимней буденовкой. С 1934 г. принимается шапка-ушанка как зимний головной

убор в советском Морфлоте. А с 1940 г. шапка-ушанка полностью вытесняет зимнюю буденовку.

«В неприкосновенный запас закладывалось дополнительное количество ватного обмундирования и валяной обуви. Только «закладывались»? На 01.02.1941 г. в РККА числилось (по документу № 272 «Малиновки»):

«Кальсон теплых – 7 млн. 643,0 тыс. шт.,

Телогреек ватных – 4 млн. 552,2 тыс. шт.,

Шаровар ватных – 5 млн. 654,3 тыс. шт,

Валенок – 2 млн. 746,8 тыс. пар.,

Портянок теплых – 10 млн. 869,2 тыс. пар».

Да, маловато выглядит количество валенок в «запасе» – всего лишь около 3 млн. пар на почти 9 млн. общего состава. Но в течение 1941 г. планировалось еще «навалить» до 2 млн. пар. И их должно было хватить с избытком, так как в план закладывалось 4,3 млн. пар. Видимо, предполагалось, что зимой не все военнослужащие будут ходить в валенках, другие должны были носить сапоги в теплых портянках, которых заготовили под 10 млн. пар. И еще примерно столько же планировали изготовить в течение 1941 г. А кто-то ходил бы в ботинках (в т.ч. с обмотками).

7.

Таким образом РККА к лету 1941 г. не была босой и голой, тем более, что передача в армию миллионов штук разных образцов одежды и обуви оказывалась дорогим удовольствием для хозяйства страны. И это правильно подмечено в следующем абзаце на той же 74-й стр. 1-го тома:

«Следует отметить, что экономика страны с большим напряжением выполняла заказы военного ведомства по поставкам вещевого имущества, как, впрочем, и других материальных средств. Это делалось не без существенного ущемления потребностей гражданского населения. Так, по докладу А. В. Хрулёва на всеармейском совещании началь-

ствующего состава интендантской службы в марте 1941 г., на армию шло 35% всех выпускаемых в стране льняных тканей, 31% шерстяных тканей, 56% яловой обуви. Если учесть, что весной 1941 г. численность армии составляла примерно 5 млн. человек, то можно представить, что оставалось остальным 180 млн. населения страны».

«Остальным» приходилось как-то выкручиваться. Например, мой папа – сельский парень на Брянщине фабрично пошитую рубашку первый раз в жизни надел в мае 1941 г. в возрасте 14 лет (заканчивал 7 классов). После того, как его мама (моя бабушка) съездила в Гродно, куда по направлению уехала работать сестра отца постарше возрастом (как рассказывал отец, та поездка была, выражаясь современным языком, как «шоп-тур» за «текстилем»). А «до этого» он носил «домошитое» из «домотканого» «полотна». Когда я побывал в селе родственников летом 1980 г. у тети, то видел у нее сундук, накрытый толстоватой тканью типа джинсовой, только белой. Я спросил: откуда? Она ответила, что сама делала («– Вон станок в сенах стоит...»). Когда в 80-х годах в СССР появились джинсы, отец их так и называл: «полотняные штаны».

Конечно, не все могли делать ткань себе сами, особенно в городах. Кому-то одежду приходилось покупать. С учетом ремонта. Подобная ситуация складывалась и с обувью. Поэтому слишком расширять армию без успешного ведения войны страна не могла.

Но для успешного ведения мото-мех. войны не только надо было скопить серьезные запасы материальных разных средств, но надо было иметь и транспорт для их доставки куда надо. Основным транспортом в то время в СССР был железнодорожный. 1-й том на стр. 74-75 сообщает, что «в 1940 г. на его долю приходилось 85,1 % всего грузооборота страны. В целом транспорт был в состоянии обеспечить мобилизацию и развертывание вооруженных сил. Однако так и не удалось устранить низкую пропускную способность ряда направлений, не были доведены до установленной нормы запасы материальных средств, а железные дороги были слабо

обеспечены мерами защиты от воздушного противника. Ряд организационно-технических мероприятий, намеченных мобилизационным планом НКПС, оказался нереальным и слабо отработанным».

Ничего толком не было в СССР на «достаточном уровне»! Ни танков, ни самолетов, ни галифе с сапогами, ни железнодорожного транспорта. И невдомек авторам 1-го тома, что недостатки можно найти везде и всегда. Всегда и везде! «Низкая пропускная способность» относительно чего? Где цифры и планы? Что именно собирались пропускать «высоко» по каким железным дорогам? Где-то об этом написано? Есть в книге Г.А.Куманева «Война и железнодорожный транспорт СССР 1941-1945», изданной в 1988 г. в Москве, в издательстве «Наука».

В ней на стр. 40 разъясняется, что «низкая» пропускная способность железных дорог перед войной рассматривалась на западных территориях, недавно вошедших в состав СССР. Там была западноевропейская колея с невысокой пропускной способностью узлов, станций и перегонов. *«Из 6696 км общего протяжения железнодорожных линий Западной Украины и Западной Белоруссии 72,6% были однопутными. Если железные дороги Восточной Пруссии, ведущие к рубежам СССР, могли пропускать в сутки 228 поездов, то, например, Литовская магистраль, подходившая к границе с Восточной Пруссией, – только 84 поезда. ...*

Верхнее строение пути в новых западных районах страны характеризовалось сильной изношенностью рельсов, недостаточным количеством уложенных шпал и их низким качеством (от 16 до 20% гнилых на каждый километр). Подвижной состав в этих районах был в значительной мере устаревшим и отличался большой разнородностью. Кроме того, железнодорожные станции пограничной зоны СССР в ряде мест не были приспособлены для массовой выгрузки войск».

Вот с какой точки зрения ощущалась проблема «низкой пропускной способности». Не тюльпаны возить из Голландии, не рыбу из Мурманска или отпускников на Крым и

Кавказ. А для «массовых перемещений и выгрузки войск». Причем, эти массовые перемещения не только планировались, но и проводились реально еще до немецкого нападения. В частности, к западным границам СССР с середины мая 1941 г. началось выдвижение из внутренних военных округов пяти общевойсковых армий: 16-й, 19-й, 20-й, 21-й и 22-й. Их перевозки осуществлялись по железной дороге. Стр. 41 книги Куманева: *«Общий объем перевозок войсковых соединений составил 939 эшелонов. По состоянию на 22 июня 1941 г. было погружено 538 эшелонов, из которых 455 находились в пути и лишь 83 успели выгрузиться в пунктах назначения.»*

Во время этих перевозок, которые проводились под строжайшим секретом, железнодорожники повышали маневренность магистралей, учились в условиях, приближенных к боевой обстановке, скрытно и оперативно осуществлять массовые переброски на большие расстояния громадных контингентов войск. Одновременно при обеспечении учебных сборов, призывов или увольнений проверялась пропускная способность многих участков и станций, состояние военно-санитарных поездов, военно-продовольственных пунктов, санпропускников, изоляторов и т. д.»

С весны 1941 г. ускорялись работы по техническому перевооружению западных приграничных магистралей. Сюда были переброшены почти все железнодорожные войска НКВ и НКПС. С Дальнего Востока на территорию Киевского военного округа передислоцировались части Особого корпуса железнодорожных войск. В приграничных округах, кроме имевшихся там отдельных железнодорожных полков, было сформировано еще 8 новых железнодорожных бригад, подчиненных Наркомату обороны СССР. Но завершить запланированные мероприятия до немецкого нападения они не успели.

Странное дело, на железной дороге, как и во всей стране, проводилась масса военных мероприятий в связи с угрозой немецкого нападения, но немцы напали неожиданно. И как можно было сохранить в «строжайшей тайне» перебро-

ску почти 1000 воинских эшелонов на тысячи километров? Ведь в такой работе должны были быть задействованы тысячи людей на железной дороге и около нее: машинисты, диспетчеры, стрелочники, начальники станций, продавщицы станционных буфетов и т.д.

- *Давай сегодня в кино сходим, «Ивана Грозного» посмотрим.*

- *Не могу, занята на сверхурочных работах.*

- *Что случилось?*

- *Пропускаем воинские эшелоны на запад!*

И из тех эшелонов к началу войны только десятая часть успела доехать до своих «исходных районов». Кто ж так планы готовит?

Но не желает 1-й том углубляться в детали. С его точки зрения важнее упомянуть *«слабое обеспечение железных дорог мерами защиты от воздушного противника»*. Интересно, какими? На каждом километре трасс разместить батареи ПВО? К каждому составу спереди и сзади цеплять открытые платформы со счетверенными «Максимами»? У каждой крупной станции дислоцировать полк истребителей? Ведь это все тоже выполняется по каким-то нормативам, по каким-то планам. А вдруг тех противников вообще не будет? Зачем тогда тратиться на лишние «спарки» пулеметов? Где тексты планов? Что конкретно оказалось «нереальным» в организационно-технических мероприятиях, намеченных мобилизационным планом НКПС? Готовились к одному, а «реальность» оказалась совсем другой?

Но 1-й том не уточняет, а переходит к следующей теме: к недостаткам в другом виде транспорта – автомобильном (стр.75). И начинает с некоторых цифр, что доля автотранспорта в общем грузообороте страны в 1940 г. составляла «всего лишь» 1,8 % грузов. Это мало или много? Где цифры по тоннажу? Ведь и страна не маленькая – 1/6 суши. Может быть эти 1,8% в тоннах превысили бы 100% какой-нибудь Югославии?

Но нет цифр в тоннах. По мнению 1-го тома это не важно. С его точки зрения важнее цифра всего грузовиков в СССР

к 1 июня 1941 г. – «более 700 тыс.», среди которых «преобладали полуторатонные ГАЗ-АА». Ну и что? Так получилось строго в связи с составлением и реализацией пятилетних планов. Мгновенно разные планы могут выполняться только в сказках маханием волшебной палочки, ловлей золотой рыбки или натиранием бока у бронзового кувшина. В СССР же хозяйство страны развивалось планомерно. Как до войны, так и после. В войну тоже, но с постоянным внесением корректив.

А сколько автомобилей было в РККА к 15 июня 1941 г.? 1-й том отвечает: «в войсках имелось около 272,2 тыс. автомобилей, 36% штатной численности». Из них 193,2 тыс. – грузовые. «Однако грузоподъемность автотранспорта не обеспечивала нормальную боевую деятельность. Имевшаяся в войсках ремонтная база не отвечала потребностям даже мирного времени, поэтому свыше половины ремонтов осуществляли заводы, но и их производственных мощностей не хватало. В результате перед войной 23,1% автомобилей Красной армии являлись неисправными» [246].

Интересна ссылка «246»: «Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11492. Д. 16. Л. 101».

Что же там было написано, что можно поскладывать? Количество автомобилей, находящихся в ремонтах? По ТО-1, ТО-2 и КР? Ну и что? Сегодня в ремонте, завтра выйдет. Или через неделю. Но могут поступить новые на новый ремонт. Автомобиль – такой агрегат, в котором постоянно что-то крутится-вертится, в связи с чем его постоянно надо обслуживать: доливать масло, антифриз, промывать детали в бензине, набивать густую смазку, менять прокладки, подшипники и т.д. В этих условиях заниматься подсчетами процентов машин «находящихся в ремонте» – дело неблагодарное. Точнее – «сизифов труд». И вообще грузовики в армии делятся на группы, в основном на боевые и транспортные. Боевые должны стоять на колодках. Ремонту чаще подлежат транспортные. Поэтому все относительно. Как и «36%». Если 272,2 тыс. машин – это 36%, то 100% – 756 тыс. (почти вся численность автомобилей в СССР в то время). Теперь

понятно, почему их в армии не хватало – изъять их ВСЕ из народного хозяйства было невозможно. При этом мало кто задается вопросом: это кто ж напланировал такую численность армии? Для чего? Для обороны от немецкого нападения? Так они ж напали НЕОЖИДАННО!

8.

Стр. 75:

«Говоря о степени готовности тыла к войне, следует отметить, что чисто теоретически все обстояло вроде бы благополучно».

Благополучно?

Невероятно!

А для чего выше только и шла речь про сплошные нехватки, поломки, нет запчастей, низкое качество, неправильные планы, вредоносные краги? Это называется «благополучно»? Или все эти недостатки должны были закончиться к концу 1942 г.? Вот не напали бы немцы летом 1941 г., то еще через полтора годика в РККА всё-всё стало бы «правильно»? Все танки оказались бы поремонтированы? И все они стали бы нормального качества? И все автомобили были бы изъяты из народного хозяйства в армию? И все галифе оказались бы одинакового цвета? И все конные хлебозаводы были бы заменены на автомобильные? И у каждой железнодорожной станции появились бы батареи ПВО?

А зачем? А вдруг Гитлер не напал бы в декабре 1942 г.? Зачем ему нападать в декабре? Зима ж на дворе! Тогда уж подождать до мая 1943 г.

Если Гитлеру нападать в 1942 г., то не позже мая. Или опять перенести войну на год – до мая 1943 г. А в РККА «готовность» объясняется «концом 1942 г.». Получается, что и эти советские планы не учитывали немецкое нападение в 1942 г. (май-июнь). Разве что не раньше мая 1943 г. Т.е. какой бы ни «ощущалась» в СССР кем-то «угроза» со стороны Гитлера в 1940 – начале 1941 г., но в серьезном виде ни в 1941 г., ни в 1942 г. советские высшие военные начальники

его нападения не ожидали. «Разве что» к маю 1943 г. Но это косвенный вывод. Научно было бы вчитаться в конкретные планы начала 1941 г. Но не о них пока идет речь в 1-м томе. Он пока предлагает краткий комментарий (стр. 75).

«Вот только теория эта [о готовности тыла] исходила из опыта Первой мировой войны, без учета особенностей новых явлений в вооруженной борьбе. Это было обусловлено ограниченностью боевого опыта, запаздыванием с его обобщением, отсутствием хорошо подготовленных кадров. Общая установка при планировании войны на то, что активным боевым действиям будет предшествовать период мобилизационного развертывания, привела к тому, что накануне войны тыл оказался в сильно сокращенном составе. Даже армиям и большинству дивизий приграничных военных округов предстояло в течение нескольких суток вести боевые действия без основных тыловых частей и учреждений».

Странно, как создавать новые средства борьбы в виде танковых, авиационных и мотопехотных частей, так это с учетом особенностей новых явлений. Но подготовка тыла почему-то застыла на опыте Первой мировой. Откуда в Первой мировой мог взяться опыт снабжения мехкорпусов, уходящих в прорыв? То, что надо тщательно готовить тыл для войск, уходящих в наступление (в первую очередь железнодорожный транспорт), знали все. Об этом писал еще в 1926 г. Триандафиллов в своей брошюре «Размах операций современных армий». И французский генерал Рагено (Ragueneau) в книге 1924 г. «Транспорт и снабжение в современной войне» (переведена на русский в том же 1926). Но с какой это стати вдруг начали бы разворачивать тылы в западных округах накануне 22 июня 1941 г.? Зачем? Немцы ж напали неожиданно! И в советских планах не стояло наступление в этот день. Зачем заранее разворачивать тылы? Для чего объявлять тревогу на складах, срочно призывать солдат и автомобили из гражданки, срочно затаривать вагоны боеприпасами и прочим «добром»? Это ж тысячи людей, тысячи машин, тысячи

вагонов – в тайне никак не сохранить! Чтобы дать лишний повод возможному противнику? Прежде чем такое вытворять, по теории сначала должны были обменяться нотами дипломаты двух стран. И предложить мирное решение проблемы. Было ли подобное в СССР «накануне»? Нечто подобное было – «Сообщение ТАСС» от 13 июня (что ни Германия не готовится воевать с СССР, ни наоборот). Но она похожа на ноту самим себе для успокоения. Или кому-то, кто распускает слухи. И с тылами как раз все обстояло в этом же «русле»: они продолжали числиться по мирным штатам. А сколько добра успели в тайне завезти на какие склады поближе к границе и зачем – почему-то другая тема.

Видимо, понимая все это, в 1-м томе разговором о тылах закончили рассматривать историю реорганизации и технического переоснащения Вооруженных сил накануне войны. А в заключение сделали вывод (стр. 75), *«что принятых мер оказалось недостаточно, а допущенные просчеты снизили боеспособность армии».*

Правильно, как показали реальные итоги лета 1941 г. боеготовность РККА оказалась не на должном уровне. Но еще вопрос, насколько неправильными были «принятые меры» и что означают «допущенные просчеты». В 1-м томе их попытались «формализовать», но как-то странно.

«При общем значительном превосходстве в основных средствах вооруженной борьбы над вооруженными силами Германии и ее сателлитов советские Вооруженные силы оказались в парадоксальной ситуации: для полного укомплектования им не хватило танков, самолетов и орудий». Странно, если уже и так было «значительное превосходство», то для чего добиваться «полного укомплектования»? Мало ли сколько дивизий пожелали иметь в армии высшие военные начальники и с какими целями. Может быть, на какое-то будущее?

«Одной из причин ошибок в реорганизации явился просчет в определении сроков начала войны. Судя по тому, что завершение оснащения формируемых соединений самолетами, орудиями»

ями и танками планировалось в основном к 1942 г., советское военное и политическое руководство исходило из того, что в 1941 г. войны удастся избежать». Выше уже говорилось, что по крайней мере к обороне любая армия обязана быть готовой всегда. К наступлению может оказаться не готова в конкретный момент. Но к обороне – всегда! Или это не армия. Или армию надо готовить только к какой-то конкретной войне? А если нет никаких планов начать «дело», то зачем лишних солдат держать под ружьем? Их вполне можно распустить по домам. И при чем здесь планы по оснащению каких-то «формируемых» соединений? Разве уже сформированных в армии не хватало? А они чем занимались? К войне не готовились?

«В результате основная часть намеченных мероприятий оказалась к началу войны незавершенной. Это в значительной степени снизило боеспособность вооруженных сил. Они оказались не полностью укомплектованными людьми, особенно командным составом, военной техникой и оружием, а поэтому имели низкую подвижность, обученность и слаженность».

Готовились-готовились (причем задолго), добились «значительного превосходства», но так и оказались не готовы. И противник почему-то напал неожиданно (каким-то образом сумев тайно собрать у границы с СССР многомиллионную армию), и разведка не сработала, и танки на треть оказались поломаны, и самолеты аналогично (а на остальных ездить не умели), и галифе оказались не того покроя и цвета, башлыки и краги очень мешали и вообще.... Как же все так странно получилось?

Стр. 75: *«Говоря о формировании профессиональных качеств будущих военачальников, необходимо иметь в виду среду, в которой формировались их военно-теоретические взгляды. Межвоенный период характерен бурным развитием военно-теоретической мысли как в нашей стране, так и за рубежом».*

Наконец-то!

Очень научный подход применен в 1-ом томе: после обсуждения на многих страницах выполнявшихся мероприя-

тий наконец-то обратить внимание на теорию, по которой все это должно было вытворяться. Как говорится: «логично»! Знать бы только в какой науке такая логика является правильной. Ясно одно: не в нормальной истории, в какой-то другой. Что ж то была за военно-теоретическая мысль и как ее осваивали и углубляли военные специалисты?

6. ОТСУТСТВИЕ ХОРОШО ПОДГОТОВЛЕННЫХ КАДРОВ

1.

На стр. 75 в 1-м томе этот вывод (среди других) приводится в оправдание страшных потерь, понесенных РККА летом 1941 г. Дескать, при нехватке правильных танков не было в ней и хорошо подготовленных кадров. Поэтому и возникли «проблемы». Но буквально с этой же страницы авторы 1-го тома («не моргнув глазом») переходят к изложению именно этого процесса – подготовки этих самых военных кадров.

Тем самым в который уже раз в 1-м томе приходится наблюдать лошадь, поставленную впереди паровоза ... э-э-э... телегу впереди лошади. Сначала обсудить массу мероприятий в развитие каких-то планов без самих планов (которые должны базироваться на определенной теории, пока неизвестной). Потом сделать вывод об отсутствии грамотных кадров. А затем рассмотреть каким же образом их готовили (правильно или неправильно). А где же сама теория, которой учили все эти годы? И планы, которые по той теории сочинялись? Пока в 1-м томе про планы ни-ни! Планы – потом! Не настало для них еще время! Время настало наконец-то обсудить теорию. Правильно. Вот на стр. 75 ее кратко и коснулись. В рамках одного абзаца.

Выше в начале главы «О правильных фактах» уже было показано, сколько важной информации по истории Теории мото-механизированной войны было «пропущено» в 1-ом томе. Сознательно или по незнанию – неизвестно. Скорее

по обоим причинам сразу. Вот люди, много лет занимающиеся военной историей, и посчитали достаточным только упомянуть, что в 20-е и 30-е годы «в армии передовых стран начали массово внедряться новинки техники, в первую очередь самолеты и танки». Что и привело, дескать, к необходимости вносить изменения в теорию ведения войны (как на тактическом, так и на стратегическом уровнях). И при этом были упомянуты фамилии наиболее известных «первопроходцев» в те годы – «Д. Фуллера, Д. Дуэ и целого ряда их последователей». Они сочиняли свои книжки, которые каким-то образом попадали в СССР и становились доступны «передовым командирам Красной армии». «При этом командование всячески поощряло» чтение подобной литературы.

Какое «командование» «поощряло» каких «передовых командиров»? Каким образом? Все это оказалось не важным для авторов 1-го тома. И как могли командиры Красной армии использовать в своей службе информацию тех переводных книг? Например, две работы Джулио Дуэ с их комментарием Полем Вотье были изданы в 2003 г. в издательстве «Terra Fantastica». С небольшим приложением получилась книга на 608 страниц. Допустим, почитал ее командир эскадрона советского Н-ского кавполка. И может потребовать 6 дней к отпуску? А каким образом он сможет использовать полученную теорию в своей практике? Заказать его эскадрону аэроплан для разведки и связи? Отражались ли эти новомодные идеи на Красной Армии и на ее планах на будущее?

Для начала 1-й том сообщает о системе военных курсов для «развития уровня военно-теоретической подготовки командного состава РККА». И перечисляет фамилии будущих советских полководцев, которые их окончили (Г. К. Жуков, Л. А. Говоров, М. А. Пуркаев, Ф. И. Толбухин, И. С. Конев, К. А. Мерецков и К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян и другие). «На лекциях слушателей познакомили с современным для того времени состоянием теории военного искусства, новостями военной техники». Подробности «современного состоя-

ния теории» не указываются. Но «к проведению занятий на КУВНАС были привлечены высокоподготовленные военные специалисты, такие как А. Г. Лигнау, В. М. Цейтлин, Н. А. Калиновский, П. Д. Гладков, М. М. Зало, Д. М. Карбышев и другие военные ученые».

Вообще-то стандартными этапами обучения офицеров до революции и после Гражданской войны были: школа (гимназия), училище для первого офицерского звания, потом (возможно) какие-то академии. Однако в результате революции на многих руководящих должностях в РККА оказались люди, которые не имели не только «училища», но и полной «школы» («гимназии»). Пример – вышеприведенный список советских полководцев, проучившихся на курсах КУВНАС:

Жуков Г.К. – род. 1.12.1896 в семье крестьянина-бедняка. Трудовую деятельность начал в 1907 учеником, затем мастером-скорняком в Москве. С 1915 в армии, младший унтер-офицер в кавалерии. С окт. 1918 в РККА, в Гражданскую войну был командиром взвода и эскадрона. Окончил кав. курсы (1920), курсы усовершенствования комсостава кавалерии (1925) и высшего начсостава (1930).

Говоров Л.А. – род. 22.2.1897 в семье крестьянина. С 1916 в армии, окончил Константиновское арт. училище (1917). В окт. 1918 мобилизован в колчаковскую армию, подпоручик. В окт. 1919 бежал в Томск и участвовал в восстании против белогвардейцев. С янв. 1920 в РККА. Окончил Арт. курсы усовершенствования (1926), Высшие академич. курсы (1930), Воен. академию им. Фрунзе (1933) и Академию Генштаба (1938). В 1938-39 старший преподаватель и доцент Арт. академии им. Дзержинского. В мае – июле 1941 ее начальник.

Пуркаев М.А. – род. 26.8.1894 в семье рабочего. В армии с 1915, окончил школу прапорщиков (1916). В Красной Армии с 1918, в Гражданскую войну был командиром роты, батальона и полка. В 1923 окончил курсы «Выстрел», в 1936 Военную академию им. М. В. Фрунзе.

Толбухин Ф.И. – род. 16.6.1894 в крест. семье. Окончил коммерч. училище (1912). В 1914 призван в армию, окончил

школу прапорщиков (1915). Был командиром роты и батальона, штабс-капитан. С авг. 1918 в РККА, в Гражданскую войну был пом. нач. и нач. штаба дивизии, нач. оперативного управления штаба армии. Окончил школу штабной службы (1919), курсы усовершенствования (1930) и Воен. академию им. М. В. Фрунзе (1934).

Конев И.С. – род. 28.12.1897 в дер. Лодейно. В 1916 призван в армию. В РККА с 1918. В Гражд. войну был военным комиссаром бронепоезда, бригады, стрелковой дивизии, штаба Нар.-рев. армии ДВР и стрелк. корпуса. Окончил курсы высшего начсостава при Военной академии (1926). Командовал полком (до 1930), затем дивизией (до 1932). Окончил Воен. академию им. М. В. Фрунзе (1934).

Мерецков К.А. – род. 7.6.1897 в семье крестьянина. В РККА с 1918, в Гражданскую войну был комиссаром отряда, пом. нач. штаба бригады и дивизии. Окончил Воен. академию РККА (1921). Был нач. штаба Моск. и Белорус, воен. округов, Особой Краснознамённой Дальневост. армии, зам. нач. Генштаба, командующим войсками округов, армией, с авг. 1940 нач. Генштаба, с янв. 1941 зам. наркома обороны СССР.

Рокоссовский К.К. – род. 21.12.1896 в семье железнодорожного машиниста. В армии с 1914 – младший унтер-офицер. С окт. 1917 в Красной Гвардии, затем в РККА, в Гражданскую войну был командиром эскадрона, отд. дивизиона и отд. кав. полка. Окончил кав. курсы усовершенствования комсостава (1925) и курсы усовершенствования высшего нач. состава при Академии им. М. В. Фрунзе (1929).

Баграмян И.Х. – род. 2.12.1897 в семье ж.-д. рабочего. С 1915 в армии, окончил школу прапорщиков (1917). С дек. 1920 в РККА. Окончил кав. курсы усовершенствования комсостава (1925), курсы усовершенствования высшего нач. состава (1931), Военную академию им. Фрунзе (1934) и Академию Генштаба (1938).

Из всех перечисленных только один (Говоров) до революции успел окончить военное училище. Остальные в лучшем случае – школу прапорщиков или полковую «учебку»

«унтеров». А то и вообще без таковых. Например, «за плечами» наркома обороны маршала Ворошилова числилось лишь два класса школы. Учиться ему не нашлось времени – к началу революционных перемен в 1917 г. ему уже было почти 37 лет, а в 1941 г. исполнилось 60 – «законно» мог пойти на пенсию.

Т.е. в начале 20-х годов на высоких должностях в армии оказалось много людей без общей образовательной подготовки. И возникла проблема – чтобы им пойти на учебу, вообще-то требовалось сдавать какие-то экзамены. Но какие? Они ж до войны толком не учились. Уволить тоже было нельзя – а кто их заменит? Надежды на их самоподготовку могли не оправдаться. Хорошо, если найдется время почитать какой журнал. А если не найдется? А если журнал окажется не совсем в тему? Вот форма «курсов» и оказалась наиболее подходящей для повышения их образовательного уровня. Чему же там учили? Можно попробовать найти биографии преподавателей, указанных дальше в том же абзаце.

Биографию Александра Георгиевича Лигнау я нашел на сайте «Казненные генералы» (<http://www.martyr.ru/content/view/8/18/>) Родился в 1875 г. в Ялте, в семье потомственных почетных граждан Курляндской губернии. Его отец служил управляющим имением великого князя Александра Михайловича Романова в Ай-Тодоре близ Ялты. Гимназию А.Г.Лигнау окончил в Одессе, там же проучился и три курса физ-мат. факультета местного университета. Но потом перевелся в Москву и в 1898 г. окончил Московское Алексеевское военное училище по I разряду. А в 1905 г. и Николаевскую академию Генштаба и был выпущен в лейб-гвардии Волынский полк. Затем служба на Дальнем Востоке, в Туркестане. С 1914 по 1918 г. А. Г. Лигнау находился на фронте на разных командных должностях. Октябрь 1917 г. встретил генерал-майором, командиром 21-й пехотной дивизии (видимо на Украине). В 1918 г. демобилизован, но вступил в командование 7-м армейским корпусом армии Украинской державы,

был товарищем военного министра правительства Ско-ропадского. Затем уехал опять на Дальний Восток, где стал начальником снабжения 1-й Сибирской армии Кол-чака (а затем и главным интендантом колчаковской ар-мии), получил звание генерал-лейтенанта. В 1919 г. по-пал к «красным». Но после проведенного ВЧК следствия был освобожден и направлен на работу в Реввоенсовет.

К первому аресту в 1930 г. А. Г. Лигнау служил в РККА в должности старшего руководителя Военной академии. От ОГПУ получил 10 лет колонии, но через три года его освобо-дили. Он вернулся к работе по специальности – стал началь-ником кафедры тактики курсов «Выстрел». В 1936 г. полу-чил звание «комбрига». Но 22.12.1937 г. опять арестован. На следствии шпионаж в пользу Германии отрицал. Расстрелян 5.02.1938 г.

В.М.Цейтлин тоже при царе окончил академию Геншта-ба. Революцию 1917 г. встретил штабс-капитаном, начштаба дивизии. В 1918-1919 годах руководил Разведотделом штаба Московского военного округа, был консультантом Регистру-пра РВСР; затем – на различных должностях в войсках связи. В 1923 г. написал книгу «Разведывательная работа штабов». В 1918 г. были учреждены Курсы разведки и военного кон-троля. На них В.М.Цейтлин читал лекции по видам разведки: артиллерийской, инженерной и агентурной (тайной).

Про Николая Александровича Калиновского удалось уз-нать, что 7 мая 1940 г. он получил звание генерал-майора артиллерии.

Петр Дмитриевич Gladков родился 3.03.1870 г. Окон-чил Вологодское реальное училище, затем Михайловское артиллерийское. Служить начал 11.09.1889 г. В декабре 1908 стал полковником, будучи командиром 3-й батареи Лейб-Гвардии 2-й арт. бригады, затем стал командиром 1-го дивизиона той же бригады (в 1915 г.). Есть инфор-мация, что революцию 1917 г. он встретил генералом. В Гражданскую войну занимался «бронепоездным строи-тельством» РККА сначала на бронеплацдарме Южного фрон-та в Краматорске. Там был разработан первоначальный

вариант башенной карусельной установки. Потом базу перевели в Брянск-Бежицу. В результате был определен характерный силуэт советских бронепоездов практически до начала войны в 1941 г. Во второй половине 20-х годов П.Д.Гладков написал книгу «Тактика броневых частей». Она выходила несколько раз в с 1924 г. по 1930 г. В ней наиболее полно отражались взгляды того времени на роль и место броневых частей в бою, а также тактика их действий. Издание 1930 г. было «значительно переработано» и включало обсуждение действий танков. Видимо П.Д.Гладков знал немецкий язык, так как в 1940 г. в его переводе на русский была издана книга Гудериана «Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск».

О М.М.Зало в Интернете ничего не нашлось.

А наиболее подробной оказалась биография у Дмитрия Михайловича Карбышева – генерал-лейтенант инженерных войск, профессор Военной академии Генерального штаба, доктор военных наук, Герой Советского Союза. Родился 26.10.1880 в Омске в семье военного чиновника. Блестяще закончил Сибирский кадетский корпус и в 1898 году был принят в Петербургское Николаевское военно-инженерное училище. После его окончания в 1900 году направлен служить в Манчжурию начальником кабельного отделения телеграфной роты саперного батальона. Участник русско-японской войны. Награждён орденами и медалями. Войну закончил в чине поручика, продолжил служить во Владивостоке. В 1911 с отличием окончил Николаевскую военно-инженерную академию. В звании штабс-капитана Карбышев был направлен в Брест-Литовск на должность командира минной роты. Участник Первой мировой войны с первого дня. Воевал в Карпатах в составе 8-й армии генерала А. А. Брусилова (Юго-Западный фронт). В декабре 1917 Д. М. Карбышев вступил в Красную гвардию. С 1918 в Красной Армии. Во время Гражд. войны занимался инженерным обеспечением различных операций и укрепленных районов. В 1923–

1926 годах председатель Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА. С 1926 года – преподаватель в Военной академии имени М. В. Фрунзе. В 1929 году был назначен автором проекта «Линии Сталина». В феврале 1934 года назначен начальником кафедры военно-инженерного дела Военной Академии Генштаба. 5 декабря 1935 года присвоено звание дивинженер.

Итак, курсантами на тех курсах были 20-ти – 30-ти летние выходцы (в основном) из крестьян и рабочих. Успевшие получить определенный боевой опыт. Их преподавателями – бывшие генералы и офицеры царской армии, старше лет на 20-30 и тоже успевшие повоевать. Лигнау, видимо, преподавал тактику и снабжение, Цейтлин – разведку и штабную работу, Калиновский – применение артиллерии, Гладков – бронепоездов и танков, Карбышев – инженерно-саперное обеспечение. Хотя и вкратце, но для общих понятий достаточно. После такой подготовки можно и журналы почитать для дальнейшего расширения знаний – было бы желание и время. Время возникать могло – они же не с солдатами в окопах сидели да по караулам ходили.

И другие выходцы из солдатских масс тоже побывали на различных курсах. Например, А. М. Василевский окончил стрелково-тактические курсы «Выстрел». Там же учились В. И. Тупиков, будущие командармы Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, С. Г. Трофименко и другие.

2.

Стр. 76:

«Учеба на курсах, безусловно, способствовала систематизации, совершенствованию и углублению знаний и навыков, приобретенных командирами в период их службы в войсках. Они получили хорошую практику работы с картой, приобрели дополнительные навыки глубокого анализа обстановки, лучше узнали возможности вероятного противника и своих войск».

Интересно, отвоевать несколько лет на различных фронтах, дослужиться до командирских должностей не низшего уровня и лишь на курсах «получить хорошую практику работы с картой». А до этого как же они воевали/служили? Не по карте? «На глаз» по опросу местных жителей? Хотя, конечно, командиру полка/дивизии карта требуется другой, чем командиру роты – километража поболее. А что такое «дополнительные навыки глубокого анализа обстановки»? Разве такими терминами должны оперировать специалисты в военном деле? Может быть было бы лучше написать: *«получили конкретные знания по теории тактики и стратегии»*? Или военные историки об этом понятия не имеют? Или ту главу сочиняли не военные историки? А тогда кто?

И осталось уточнить в рамках какой войны оперировала та теория. Война на лошадях с тачанками уходила в прошлое. Возникла необходимость двигать танками, самолетами, самоходками, тылами на грузовиках. Но теория этого дела в то время находилась в стадии разработки. «Поглубже» эти темы можно было обсудить в академиях, которые и закончили многие командиры РККА перед войной (что и отмечается в 1-м томе). А вместе с совершенствованием теории новых видов и родов войск расширялось и количество военных учебных учреждений. Стр. 76:

«21 мая 1932 г. Комиссия обороны при СНК СССР приняла постановление о создании специальных военных академий РККА Моторизации и механизации, Артиллерийской, Электротехнической, Военно-инженерной, Военно-химической, Военно-транспортной. В сентябре 1935 г. была организована еще и Военно-хозяйственная академия».

И все они получали имя какого-то революционного деятеля. Электротехнической – им. Буденного, ленинградской Военно-политической – им. Толмачева, Военно-инженерной – им. Куйбышева, Военно-хозяйственной (Интендантской) – им. Молотова. А имя товарища Сталина было присвоено именно академии Механизации и моторизации армии. Мотор и трансмиссия с колесами – вот что должно двинуть ее

к новым победам! И в ней учились многие будущие командармы, например командарм-5 в июне 1941 г. генерал-майор Потапов М.И. (в АММА отучился 5 лет с 1931 по 36). Не академии же тыла присваивать имя Сталина!

Но полки, дивизии и армии с фронтами сами по себе воевать не могут. Над ними нужен орган управления более стратегического масштаба. Во всех армиях мира его называют «Генеральным штабом». Или проще – «Генштаб». Но чтобы туда попасть на работу тоже полезно повысить свои знания в определенном направлении. И делается это во всех армиях мира в «академии Генштаба». И такая была создана и в СССР в 1936 г. К 1941 г. в ней могло состояться лишь несколько выпусков. Но и генштабов и штабов чуток пониже тоже не слишком много. Таким образом, к июню 1941 г. в РККА должно было быть определенное количество образованных командиров разного командного уровня. Остается уточнить, насколько достаточными были предлагаемые в этих ВВУЗах знания. На стр. 77 1-го тома говорится:

«На академию, которая была подчинена непосредственно начальнику Генерального штаба, возлагалась и другая, не менее важная задача – стать центром военно-теоретической работы в вооруженных силах, и в частности всесторонне разработать коренные вопросы теории современного военного искусства. Для работы в новой академии были приглашены лучшие преподаватели военных академий, главным образом Академии имени М. В. Фрунзе, пользовавшиеся известностью в армии благодаря своим военно-теоретическим трудам, способные не только готовить руководящие кадры высшего звена, но и разрабатывать вопросы теории военного искусства, среди них: П. И. Вакулич, А. И. Верховский, ... , Г. С. Иссерсон, Д. М. Карбышев, ... , В. К. Мордвинов, А. А. Свечин, ... и другие».

«Всесторонне разработать», «коренные вопросы», «лучшие преподаватели» и в результате: «отсутствие хорошо подготовленных кадров»! Готовили, готовили и вдруг оказалось, что готовили не так, не тому, неправильно. Или просто произошло как-то иначе, не предусмо-

тренное теорией? Т.е. получается, что безусловно «правильная» (всегда!) «современная» советская теория 30-х годов не смогла предусмотреть неожиданное нападение с запада крупных масс войск соседа по границе? (О котором только и напоминала каждый месяц, не считая каждого дня). Или военная теория в СССР развивалась сама по себе?

3.

Стр. 77:

«В середине 1930-х гг. в войсках активно шло изучение и освоение теории и практики глубокого боя и операции. Многим из тех, кому в годы войны предстояло командовать фронтами и армиями, в то время довелось командовать соединениями. Причем некоторых из них военная судьба свела тогда в Белорусском военном округе (БВО)».

Наконец-то!

Наконец-то в 1-м томе дошла речь до сути военной теории – «глубокого боя и операции». А что же она из себя представляла? В чем заключалась ее «глубина»? Когда-то нас учили, что если в документе приходится применять слова «углубить и расширить», то обязательно надо указывать на сколько, например: «на 5 метров». Потом комиссия пришла с рулеткой и проверила: «на 4,75 м» – не выполнено. А если не указать конкретных величин, то сразу же по диагонали в верхнем углу можно написать: «Выполнено» и отправить в архив – никто ничего толком проверить не сможет (на сколько там «расширили» и «углубили»).

В чем заключалась теория глубокого боя? Кто ее придумал? Чем «глубокий бой» отличался от «глубокой операции»? В чем заключается «активность» их изучения и освоения на практике? Выхватить шашки наголо и погнать вперед? Выхватить пистолет ТТ и скомандовать: «– Рота! В атаку!»? Или в научном издании разные подробности не нужны?

Например, уточнить – а насколько важной могла оказаться теория «глубокой операции» для обороны страны?

Наравне с теорией укрепленных районов? И подземных радиодугасов? И минно-инженерного дела? Какая теория оказалась определяющей для военной доктрины СССР в то время?

Цитаты из книги ТАУ «Моторизация и механизация армий и война» (М., Воениздат, 1933), Глава XVI. «Мото-механизированная война и Красная армия» (стр. 232-241):

«В силу существующих противоречий между СССР и капиталистическим миром любая империалистическая война легко может быть превращена в интервенцию против СССР.

....

И мы должны быть готовы встретить войну, направленную против нас, во всеоружии. Это тем более важно, что в современных условиях мы ... должны иметь в виду вероятность тяжелой, упорной борьбы с армиями передовых капиталистических стран. Раз это так, то мы должны быть готовы к войне с участием технически сильно насыщенных армий, мы должны быть готовы к мото-механизированной войне.

....

Пространственная стратегия и оперативно-тактическое искусство полностью по плечу только Красной армии. Вооруженный пролетариат Советского союза в случае империалистической войны против него будет располагать миллионными активными резервами рабочего класса в тылу буржуазии. Могут создаться условия, когда удары в глубоком тылу врага станут возможным наносить не только красной авиацией и мото-механизированными частями, но и силами революционного пролетариата той или иной капиталистической страны. ... Рейдирующая красная конница, усиленная броневыми силами, или мото-механизированные соединения могут быть более спокойны за свой тыл в буржуазной стране. Им помогут сочувствие и активное содействие трудовых эксплуатируемых масс.

....

При возникновении революционной ситуации в тылу врага, когда в огне вооруженных восстаний пролетариата им-

периалистическая война против СССР превращается в большую гражданскую войну, авиация и мото-механизированные соединения Красной армии будут действовать в несколько раз более быстрым темпом, чем их противники.

....

То же самое касается пространственной или глубинной тактики: Мото-механизированная война приведет к ожесточенной борьбе отдельными изолированными островками внутри оборонительного расположения пр-ка или далеко у него в тылу.

....

Гражданская война 1918 – 1921 гг. выработала основные оперативно-тактические приемы Красной армии, базирующиеся на развитии больших темпов и подвижности. Невзирая на полное почти отсутствие новейших подвижных средств войны (авиации, автомобилей, танков), Красная армия сумела развить нужные темпы и подвижность и разбить контрреволюцию. Конница заменяла тогда быстроходный танк, пулеметная тачанка – мотопулемет и подвода – автотранспорт. В сочетании мощных ударов конницы и пехоты на подводах с революционными восстаниями и партизанщиной в тылу контрреволюции и интервентов Красная армия быстро дошла до Тихого океана, Черного моря и Варшавы. Мото-механизированные соединения и мощная авиация в несколько раз увеличат «радиус действия» Красной армии в случае новой интервенции против СССР».

Увеличить размах операций Красной Армии в разы по сравнению с дальностью Варшава – Владивосток! Это ж куда? Боробудур (Индонезия) – Брест (Франция)? Знаете, сколько километров до Боробудура? Две тысячи (от Камбоджи). А до Камбоджи еще «два лаптя» по глобусу. Кстати, некая культурная связь между древними объектами Боробудура и Ангкор-Вата прослеживается. Но это другая тема.

В текстах, касающихся стратегии Гитлера иногда можно найти мысль о том, что он оказался как бы в идейном плену (в эйфории) от своих побед в 1933-1940 годах. К власти

пришел. Экономiku в стране наладил. Всяких недовольных «свел к ногтю». Пробудил интерес к «новому порядку» в соседних странах (от которых еще и части территории «восстановил» к своей стране). И начал творить планы громадьа! А не находились ли коммунистические лидеры СССР в 30-х годах тоже как бы в эйфории от побед «революционно-го наступления»?

К власти пришли. Экономiku в стране в каком-то виде наладили. Всяких недовольных «свели к ногтю». Пробудили интерес к «коммунизму» в соседних странах (от которых еще и части территории «восстановили» к своей стране). И начали творить планы громадьа!

Зачем долго и нудно сравнивать и оценивать разные теоретические воззрения? Зачем долго обучать чему-то «кадры», лишь постепенно продвигая их по служебной лестнице? Теория и так гениальная! А революционный энтузиазм масс заменит многолетнее обучение/изучение! Вот, например, Иероним Петрович Уборевич – герой Гражданской войны, талантливый полководец, вел свои соединения (на которые его ставила партия) от победы к победе. В 23 года уже командовал дивизией, а следом и армией (в том же году). Потом успешно командовал военными округами, особенно Белорусским, практическую школу которого прошли многие будущие полководцы войны с немцами. Стр. 77-78 1-го тома:

«Иероним Петрович, – по свидетельству И. С. Конева, также служившего в то время в Белоруссии, – умел смотреть далеко вперед. В наибольшей степени именно у него многие командиры учились и перенимали богатый современный опыт, которым обладал этот незаурядный военачальник. Особенно сведущим он был в вопросах организации и обучения войск, командования и штабов, оперативно-тактической подготовки». Показательно, что школу Уборевича в то время прошли многие командиры, ставшие в годы Великой Отечественной войны видными военачальниками....

Осенью 1936 г. в округе прошли маневры, на которые было привлечено шесть мех-бригад, восемь авиабригад,

шесть стрелковых и четыре кавдивизии, всего порядка 85 тыс. человек личного состава, 1136 танков, 580 орудий, 638 самолетов. Руководство намеревалось отработать важнейшие вопросы глубокой операции и боя. В ходе маневров отрабатывались наступательные действия крупных механизированных и кавалерийских соединений на большую глубину...

В 1937 г. в БВО прошли самые крупные маневры в предвоенный период, проводившиеся с учетом новейшей теории...».

Так на что была нацелена новейшая теория? На самую эффективную организацию обороны страны? Или на прыжки куда-то далеко «на большую глубину»? И кто ж такую теорию создавал? Лично Иероним Петрович? Откуда у него богатый современный опыт? Еще лучше, чем был у кафедр разнообразных академий имени революционных героев? Коль ему такое внимание отводит 1-й том, то есть повод повнимательнее почитать его биографию.

Родился он 14 января 1896 г. в деревне Антандрия Ковенской губернии (ныне Литва). Пять лет (в 1909–1914 гг.) проучился в реальном училище ныне г. Даугавпилса, которое окончил с золотой медалью. На одном из форумов по этим фактам заметили, что не из голодранцев он был. Для учебы в отрыве от дома нужны деньги. И их юному Уборевичу хватило. Затем он переехал в Петроград, где год был студентом мехфака Петроградского политеха (1914–1915 гг.). Но потом его призвали в армию, направили на учебу на полгода в Константиновское артиллерийское училище, которое он и закончил весной 1916 г. (по 1-му разряду). Подпоручиком отправлен на фронт, воевал младшим офицером 15 тяжелого артдивизиона. На румынском фронте в марте 1917 г. вступил в РСДРП(б). А в октябре 1917 (по старому стилю) возник «перелом»...

В начале 1918 г. в Бесарабии Уборевич попытался создать полк красной гвардии, который был разбит под Одессой, а сам он попал в плен. К лету 1918 он из плена как-то выбрался, добрался до Петрограда и в августе 1918 г. уже оказался на Северном фронте.

4.

Как известно, в ноябре 1917 г. в России очень сильно поменялась идеология власти. Она стала базироваться на теории построения коммунистического общества. Важнейшим ее постулатом являлось требование ликвидации частной собственности на средства производства. Или еще короче: «Ликвидируем частную собственность!» Всю! В ней лидерами марксизма виделся корень зла. Были идеи оставить в собственности человека только то, что на нем надето. А все остальное – общественное. Вот ее и ликвидировали на территории бывшей Российской империи на много лет. И была программа ликвидировать ее и в других странах. Но так как в других странах отобрать собственность советские лидеры «просто так» не могли, то все такие страны автоматически превращались если не во врагов, то в идеологических противников, вести переговоры с которыми становилось затруднительно. Да и у себя процесс ликвидации занял несколько лет братоубийственной Гражданской войны. В процессе которой витала угрозой предательства и возможного перехода к противникам. Поэтому на командно-начальственные должности в Гражданскую войну оказалось важнее всего назначить более-менее надежного товарища, невзирая на его уровень профессиональной подготовки. По вопросам тактики-стратегии к нему можно было назначить специалиста из «старых». А в качестве дополнительного контроля – комиссара.

Летом и осенью 1918 г. для большевиков важным фронтом оказался Восточный: против Колчака с его союзниками. И там факты перехода «военспецов» к «белым» достигли такого размаха, что 5 октября 1918 г. главком РККА Вацетис разослал по фронтам требование представить по телеграфу в Москву члену РВС Аралову списки всех перебежчиков с фамилиями и адресами родственников. А товарищу Аралову предписывалось принять меры по задержанию семейств перебежчиков с последующим преданием гласности. (Крит-

ский М. Красная армия на Южном фронте // Архив Русской революции. – М., 1993. – Т. 17-18.- С. 270).

И то была не одна проблема. Проблемы управления страной после революции все множились и множились. 1 марта 1918 г. возникла новая. В этот день из Мурманского Совета пришло сообщение о предложении британского контр-адмирала Томаса К. Кемпи (англ. Thomas C. Kemp). организовать защиту от немцев Мурманской железной дороги и складов с имуществом силами британских войск. Наркомом по иностранным делам РСФСР в то время был Лев Троцкий (13.03.1918 его сменит Чичерин). И что он мог ответить? «Категорически отказать»? А если британцы не послушаются? «Красных» войск там было мало, «в случае чего» организовать отпор все равно было бы нечем. А так остается какая-то надежда на сохранение контакта и поддержка связи, что дало бы получение правдивой информации об обстановке. И Троцкий ответил, что предложение британцев можно принять.

6 марта 1918 в Мурманске с английского линейного корабля «Глори» высадилось два отряда английских морских пехотинцев в составе 176 человек с двумя орудиями. К маю на Мурманском рейде появилось еще три крейсера (английский «Кокрен», французский «Адмирал Об» и американский «Олимпия»). В июне в Мурманске высадилось ещё 1,5 тысячи британских и сотня американских солдат.

Правительство Ленина согласилось на «помощь» Антанты на Севере, но «помощники» вполне могли принять сторону местных противников советской власти. И их появления долго ждать не пришлось. Полковник Чаплин организовал переворот в Архангельске. Там 2.08.1918 высадился еще один 9-тысячный отряд Антанты с помощью эскадры из 17 военных кораблей. Силы РККА на севере в то время были дезорганизованы и неуккомплектованы. Поэтому американские и английские войска активно продвигались вглубь Архангельской области. Однако транспортные возможности на севере России были крайне ограничены, фактически наступление могло идти только по крупным

рекам, в первую очередь по Северной Двине, и по тесной дороге на Вологду. В итоге зоны контроля оказались исключительно вытянутыми, защищать фланги становилось всё сложнее.

Поэтому срочно требовалось создать в тех местах более серьезные силы Красной Армии. Но кого послать? Москва кого-то посылала, постепенно усиливая свое влияние в тех краях.

В конце лета 1918 г. в Петрограде появился якобы бежавший из австро-венгерского плена бывший младший офицер-артиллерист Иероним Петрович Уборевич. Однажды в Интернете промелькнуло предположение, что его могли «отпустить» – вполне возможное событие после подписания договора в Бресте. Был он в то время молод – 22 с половиной года, но уже имел более года партийного стажа (с марта 1917 г.) и некоторый боевой опыт. Вполне понятно, что он приехал за новым назначением, который получил на Северный фронт. В биографии написано, что он служил там с августа инструктором артиллерии, командиром бригады, а с декабря 1918 г. – и начальником стрелковой дивизии. За бои в октябре 1918 г. награжден орденом Красного Знамени (1919). Про март-май 1919 г. конкретно отмечается, что он в это время командовал 18-й сд, которая принимала участие в наступлении против войск англичан и белой гвардии на архангельском направлении.

Присутствие РККА в тех краях налаживалось постепенно. Летом 1918 г. там даже не было «фронта» – были войска «Северо-Восточного участка отрядов завесы». Из них приказом РВСР от 11.09.1918 года была сформирована 6-я армия. С октября 1918 она действовала в составе Северного фронта. 18-я сд формировалась приказами 6-й армии в ноябре 1918 и в январе 1919 из войск на той же территории. Но 12 февраля 1919 г. Северный фронт был ликвидирован, а 6-я армия была подчинена непосредственно главкому и получила наименование 6-й Отдельной. Штаб армии находился в Вологде. Главкомом в феврале – июле 1919 г. был латыш Вацетис И.И.

Но по сравнению с другими фронтами Гражданской войны широкого размаха бои с интервентами на Севере не получили. Фронт там имел относительно малое значение. Белогвардейцев и «союзников» было мало – до 20 тыс. (по штатам 1941 г. – до двух дивизий). Английское командование большую активность не проявляло, стараясь удерживать первоначально захваченные районы. Про «бои в октябре 1918 г.» известно, что это было крупное наступление «красных» с началом морозов. За несколько недель войска союзников были отброшены вниз по реке Ваге и Северной Двине. 11 ноября 1918 г., в день окончания Первой мировой войны, наступление завершилось кровавой битвой за деревню Тулгас.

В начале 1919 года войска интервентов попытались провести крупную атаку на юг и юго-восток, имея в виду теоретическую возможность соединиться с армиями Юденича и Колчака, также начавших наступление. Используя новые подкрепления от белофиннов интервенты смогли значительно продвинуться в сторону Петрозаводска, захватив Кяппесельгу, Лижму и, к началу августа – Кивач. Но на этом их успехи закончились. Успешная контратака «красных» при поддержке Онежской флотилии отбросила интервентов назад. После окончания мировой войны задача обороны тех краев от немцев перестала быть актуальной, погибать за интересы «белых» с целью восстановления царя большого желания у «союзников» не было, а в самой Британии нарастало антивоенное движение. Поэтому к концу сентября 1919 г. они эвакуировались с российского Севера. Причем, англичане перед уходом из Мурманска и Архангельска вместо того, чтобы передать запасы и снаряды «белым», утопили их в море. После чего снабжение «белых» велось оттуда – со дна моря. Американцы оказались практичнее: вместо того, чтобы топить амуницию, через своего представителя Красного Креста они продали ее большевикам в кредит с оплатой будущими поставками сырья. [Информация статьи Михаила Назарова, «Тайна России», «Московский вестник» (1994. № 2)].

Некоторое время боевые действия с оставшимися белогвардейцами там еще продолжались, но уже масштабом поменьше. И с трагическим концом для «белых». Таким образом, в сентябре 1919 для Уборевича накал боевых действий на Севере заканчивался. Конечно, он мог бы и дальше продолжать там добивать врагов с постепенным переходом к мирной жизни, но о нем кто-то вспомнил в Москве, отозвал с Севера и в октябре 1919 г. послал на юг командовать 14-й армией Южного фронта. Кто это мог сделать? Главком?

Главкомом ВС РСФСР с 8 июля 1919 г. по апрель 1924 г. был бывший полковник царской армии Каменев С.С. И много других бывших офицеров и генералов царской армии служило у «красных». Но почему-то командовать 14-й армией назначили не кого-то из них, а 23-летнего бывшего поручика с небольшим опытом, к тому же успевшим попасть в плен. Странно выглядит такой случай, если отнестись к нему с «обычными нормами» «служебной лестницы».

Вот, например, одногодка Уборевича – Жуков Георгий Константинович (правда, рождения не января, а декабря 1896). В царской армии с 1915 г., младший унтер-офицер в кавалерии. Гражданскую войну начал красноармейцем. Каввзвод принял осенью 1920-го после кавкурсов. Войну закончил командиром эскадрона (по пехотному – нечто среднее между ротой и батальоном – 128 всадников). До командующего армией еще служить и служить.

Другой почти ровесник Уборевича (старше на 1,5 года) – Пуркаев Максим Алексеевич (род. 26.8.1894). В 1916 г. окончил школу прапорщиков. С августа 1919 – командир полка. На польском фронте получил 3 ранения. В ноябре 1920 был признан негодным к военной службе, но уволиться отказался.

Еще один одногодка Уборевича – Рокоссовский Константин Константинович (но тоже не января, а декабря 1896). В армии с 1914 г., младший унтер-офицер. Гражданскую войну в 25 лет закончил командиром кавполка, проходя «нормально» по должностям командиров эскадрона (роты), дивизиона (батальона).

Хотя, есть пример Тимошенко С.К. – старше Уборевича лишь почти на год (февраль 1895). В армии с 1915 г., воевал, награжден медалью «За храбрость» и тремя Георгиевскими крестами. В Красную Армию вступил в 1918 г. Но дивизию или армию ему поначалу не доверили. Доверили взвод, потом эскадрон, а затем и полк. В ноябре 1918 г. Ворошилов К.Е. поручил ему руководство бригадой, включенной затем в конный корпус Буденного. В феврале 1919 г. вступил в РКП(б). Через год в октябре 1919 г. комбриг Тимошенко возглавил 6-ю кавдивизию корпуса, вошедшего в состав 1-й Конной армии С.М. Буденного. А с августа 1920 г. по октябрь 1921 г. командовал 4-й кавдивизией.

Т.е. в условиях гражданской войны (как и в любой войне) вполне можно было сделать карьеру в армии за меньший срок, чем в мирное время. Но все равно приходилось «повышаться» по последовательным должностям. Уборевич же в 23 года после недолгого «стажирования» в стрельбе из пушек назначается командиром дивизии, а затем (через полгода) – и армии, минуя должности командиров батальона и полка (а также уровень начальников штабов). «Просто так» такое не делается, каким бы талантом человек не обладал. Тем более, что воевать ему предстояло с деникинскими генералами и офицерами, имевшими и опыта и образовательной подготовки поболее, чем у него.

Сентябрь и первая половина октября 1919 г. были временем наибольшего успеха антибольшевистских сил южнее Москвы. Разгромив в мае-июне «красных» на Дону и Маныче, войска Деникина повели успешное наступление на север страны. 3 июля 1919 г. Деникин объявил о начале похода на Москву. К сентябрю армии ВСЮР (Вооружённых сил Юга России) заняли Донбасс, Крым и обширные территории с городами Харьков, Царицын, Киев, Одесса и др.

Нанеся в сентябре 1919 года в масштабном встречном сражении под Харьковом и Царицыным тяжёлое поражение армиям Южного фронта «красных», деникинцы, преследуя разбитые красные части, стали стремительно продвигать-

ся к Москве. 20 сентября они взяли Курск, 6 октября – Воронеж, 13 октября – Орёл и угрожали Туле. Южный фронт большевиков рушился. Они были близки к катастрофе и готовились к уходу в подполье. Был создан подпольный Московский комитет партии, правительственные учреждения начали эвакуацию в Вологду. Деникинский генерал Май-Маевский два раза предлагал Деникину: «*– Давайте дадим землю крестьянам и Москва будет наша!*» Деникин медлил, не стремясь принимать кардинальных политических решений до Учредительного собрания.

Но с середины октября 1919 г. положение армий «Юга России» стало ухудшаться. С одной стороны были разрушены их тылы рейдом Махно по Украине, прорвавшего в конце сентября фронт «белых» в районе Умани. Против него пришлось снимать войска с фронта. С другой стороны польское руководство не горело желанием помогать «белым» генералам восстанавливать российскую монархию и заняло выжидательную позицию, снизив активность своих войск. Из-за этого большевики высвободили силы для борьбы с Деникиным. В результате РККА создала количественное и качественное превосходство над противником на главном орловско-курском направлении (62 тысячи штыков и сабель против 22 тысяч у «белых»). И с октября 1919 развернула на них наступление.

К концу октября в ожесточённых боях южнее Орла, шедших с переменным успехом, войсками Южного фронта (командующий В. Е. Егоров) было нанесено поражение малочисленным частям Добровольческой армии. А затем их стали теснить и по всей линии фронта. Зимой 1919–1920 г. деникинские войска оставили Харьков, Киев, Донбасс, Ростов-на-Дону. В этих боях с 11 октября 1919 г. по 8 февраля 1920 г. активное участие принимала 14-я армия Южного фронта, дойдя до Николаева и Одессы. С 6 октября 1919 г. по 24 февраля 1920 г. ею командует 23-х – 24-х-летний И. П. Уборевич. Командует успешно. Но дело в том, что кроме него в штабе были и другие специалисты и постарше возрастом и побольше опытом.

Во-первых, «члены РВС», т.е. «комиссары» все старше Уборевича лет на 10: Бубнов А.С. (род. в 1884), Орджоникидзе Г. К. (род. в 1886) и Рухимович М. Л. (род. в 1889).

А также начальники штаба:

– Сакварелидзе-Бежанов С.Г. (7–26 октября 1919), бывший Генерального штаба подполковник, добровольно вступил в РККА (род. в 1884 г.), окончил Александровское военное училище. На январь 1909 поручик лейб.-гв. Егерского полка. Окончил Николаевскую академию ген. штаба (1909; по 2-му разряду). Участник мировой войны.

– В. И. Буймистров (25 февраля – 24 апреля 1920), бывший Генерального штаба генерал-майор, добровольно вступил в РККА (род. в 1868).

Кто был нач. штаба 14-й армии в ноябре 1919 – феврале 1920 мне найти не удалось, но видимо, тоже «военспец» не без хорошего опыта. Но командующим поставили 24-х-летнего И. П. Уборевича с минимальным опытом и минимальным образованием. Почему? Потому что у него была какая-то очень влиятельная «рука» в Москве? Или в Гражданской войне было бы странно озвучивать, как над частями «белых» генералов побеждали войска бывшего генерал-майора Буймистрова Владимира Ивановича?

До Одессы «красные» дошли в феврале 1920 г., но продолжались бои восточнее. В феврале-марте 1920 г. последовало поражение «белых» в битве за Кубань – на самой неустойчивой части ВСЮР вследствие разложения Кубанской армии из-за своего сепаратизма. После этого казачьи части Кубанской армии разложились окончательно и стали массово сдаваться в плен «красным» или переходить на сторону «зелёных», что повлекло за собой развал фронта «белых», отступление остатков Белой армии в Новороссийск, а оттуда 26–27 марта 1920 г. отход морем в Крым.

В этих событиях участвовала 9-я армия Кавказского фронта. С 29 февраля по 5 апреля 1920 г. ею командовал Уборевич (а фронтом – М. Н. Тухачевский). За умелое руководство войсками, личный героизм и мужество 24-летний командарм награждается Почётным революционным ору-

жем. Но кроме него в планировании операций участвовали и другие люди:

– Член РВС Белобородов А.Г. (род. в 1891).

– Начальник штаба Душкевич А. А. (род. в 1880) – бывший Генерального штаба подполковник, добровольно вступил в РККА. Сын генерала от инфантерии А.А.Душкевича. Образование получил в Псковском кадетском корпусе, Константиновском арт. училище (1901) и Императорской Николаевской военной академии (1912; по 1-му разряду). В период 09.02-01.03.1920 был «врид» командующего 9-й армией. Что ж его не утвердили на этой должности? «Белые» отступали, какая уже разница? Зачем отзывать с Украины «молодого»? «Революционной биографией» не вышел для «победителя»?

Но не успели «белые» эвакуироваться в Крым (кто смог), на Украину с запада начали наступать поляки. И Уборевича опять переводят на Юго-западный фронт опять на 14-ю армию, которая некоторое время наступала. Командовал он ею недолго: 17 апреля – 7 июня 1920. И опять же не один. Членом РВС продолжал быть Рухимович М.Л. (род. в 1889). А начальниками штаба были:

– Буймистров В. И. (25 февраля – 24 апреля 1920) (род. в 1868) – бывший Генерального штаба генерал-майор,

– С. Ф. Терпиловский (24 – 30 апреля 1920; 11 июля – 15 декабря 1920),

– М. В. Молкочанов (1 мая – 7 июля 1920) – бывший Генерального штаба подполковник.

Причем, пока Уборевич «побеждал» на Кубани, 14-й армией командовал бывший подполковник царской армии Мармузов Павел Кузьмич (25 февраля – 17 апреля 1920). Но как только более «правильный» революционной биографией Уборевич освободился, его «кто-то» из Москвы перевел на 14-ю армию, не утвердив в должности командующего бывшего «военспеца».

Победить окончательно в Польше не получилось, а из Тамани начал наступление Врангель. С поляками пришлось помириться и в июле 1920 г. Уборевич «сдает» ар-

мию начштаба Молкочанову и «уходит» командовать 13-й армией (10 июля – 11 ноября 1920). В июле она вела оборонительные бои и не допустила выхода «белых» к железной дороге Александровск – Пологи – Бердянск. В августе – сентябре 1920 удерживала Каховский плацдарм. А в октябре участвовала в контрнаступлении Южного фронта в Северной Таврии и Перекопско-Чонгарской операции (находясь во фронтовом резерве). 12 ноября 1920 расформирована.

Членами РВС 13-й армии в это время были: Затонский В.П., Зучь Б.Г., Горбунов Н.П. и Лиде А.М.

Начальниками штаба:

– Алафузо Михаил Иванович (20 июня – 13 окт. 1920) (род. в 1891) – из семьи морского офицера. В 1918 в чине капитана окончил Академию Генштаба. В РККА с февраля 1918.

– Токарев Ф. П. (13 октября – 12 ноября 1920).

Но хорошие лавры победителя достались 24-хлетнему Уборевичу. Главком Каменев называл его в это время «первой скрипкой Южного фронта». За руководство войсками 13-й армии он был награжден 2-м орденом Красного Знамени. Кто же его так «курировал» из Москвы? Сам Каменев? Дзержинский? Вацетис?

Блуждая по просторам Интернета, удалось найти более подробное описание биографии Уборевича. Там говорится, что в ноябре 1920 г. умерла его жена:

«Очередная победа была омрачена для Уборевича личной драмой. 4 ноября 1920 г., родив первого ребенка, в Брянске умерла его жена. Дочь назвали в честь матери – Надеждой, причем супруга Ленина Н. И. Крупская изъявила желание взять ее на воспитание. Однако бабушка новорожденной С. А. Дубинина, «поблагодарив за сердечную заботу», как ни трудно ей было, оставила внучку у себя».

Интересное уточнение: супруга Ленина по какой-то причине была в курсе личной жизни молодого командарма. И вряд ли она не обсуждала эту ситуацию с самим Лениным. Но тогда получается, что товарищ Ленин каким-то боком касался служебной карьеры Уборевича. При этом теща Убо-

ревича была знакомой жены главы правительства и партии – неплохое «знакомство»! А кто же был его тесть? Ответ на этот вопрос мне найти не удалось.

К концу 1920 г. бои в европейской части бывшей Российской империи почти завершились. Уборевич еще месяц покомандовал 14-й армией (15 ноября – 15 декабря 1920), после чего в январе-апреле 1921 г. продолжил службу в мирной обстановке помощником Фрунзе – командующего войсками Украины и Крыма. Но не долго продлилась «мирная жизнь». То тут, то там начали возникать крестьянские выступления. В апреле-мае 1921 г. Уборевич помогает Тухачевскому подавлять их в Тамбовском районе («антоновщина») (опять вместе!) Затем до августа 1921 г. командует войсками Минской губернии, где применяет полученный на Тамбовщине опыт в отношении белорусских крестьян – бойцов Булак-Балаховича, которые не были согласны с мероприятиями советской власти.

А потом до июня 1924 г. Уборевича направили в «командировку» на Дальний Восток. Там он побывал и в должности главкома как бы независимой республики (ДВР) (в 26 лет!). После чего стал постепенно переезжать поближе к Москве по должностям в штабах округов. Конечно, многие месяцы общения со старыми «военспецами», выпускниками дореволюционных военных академий бесследно пройти не могли, чему-то они его научили. А в 1927–1928 гг. более года сам Уборевич наконец-то смог поучиться в военной академии. Но не в СССР, а в Германии. Последняя его должность – командующий войсками Белорусского военного округа (с апреля 1931 г. по 20 мая 1937 г.).

Что же помогало его стремительной карьере? Родственные связи? По датам получается, что в январе 1920 он уже был женат. Но быстро такие дела не делаются. Надо же хотя бы несколько месяцев «поизучать друг друга»! Т.е. эта «родственная» связь уже могла существовать и в октябре 1919, когда Уборевича назначили командармом-14. Но ведя поиск в Интернете я нашел еще несколько интересных биографий.

В частности, в истории Гражданской войны известна еще одна похожая судьба, когда малоопытному бывшему поручику, проведшему еще больше времени в немецком плену, довольно быстро доверили командовать армией – Тухачевский М.Н. Причем, есть сведения, что он встречался с Лениным. Встречу организовал Н.Н. Кулябко, в прошлом музыкант, а в марте 1918 года член ВЦИК, который помог Тухачевскому поступить на службу в Военный отдел ВЦИК. А в апреле рекомендовал его в партию большевиков (и приняли!). А когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, Кулябко представил его Ленину. Ильичу, видимо, понравился молодой офицер, и уже 28 июня 1918 года бывший поручик был назначен командующим 1-ой армией Восточного фронта!

А еще есть информация, что начальником Киевского охранного отделения одно время (до убийства премьер-министра Российской империи П.А.Столыпина) был подполковник Отдельного корпуса жандармов Николай Николаевич Кулябко. После гибели Столыпина этот полицейский потерял свою должность. Но был ли он тем самым Кулябко, который рекомендовал Тухачевского Ленину, официальных подтверждений нет. Хотя по должности он обязан был «обращать внимание» на революционеров.

Встречался ли с Лениным и Уборевич? По крайней мере, в Москве он должен был побывать, проезжая из-под Архангельска на юг южнее Москвы. Если такая встреча была, то она объясняет резкий старт его карьеры. Остается уточнить, по какой причине он привлек к себе такое внимание, которое дальше не ослабевало (по крайней мере до 1936 г.). И кто такую встречу мог организовать? «Тесть»? Или кто-то другой по какой-то другой причине?

5.

Просматривая сайты по истории Гражданской войны мое внимание привлекла еще одна странная биография:

Аралов Семен Иванович (1880 – 1969), советский военный и государственный деятель, полковник. Как написано в одной из его биографий: «профессиональный революционер и профессиональный военный».

В январе 1918 г. он приезжает в Москву, где как бы случайно встречается со своими бывшими знакомыми-революционерами времен 1903-1907 гг. и становится начальником Оперотдела военного Наркомата, а затем начальником оперотдела штаба Московского военного округа. Аралов одним из первых предложил Ленину организовать единый орган управления вооруженными силами революционной России по примеру царской Ставки. 2 сентября 1918 г. был создан РевВоенСовет – РВС. И Аралов стал его членом. Он занял еще массу самых ответственных постов: начальник Оперативного управления РВС и его военно-политического отдела, член революционного трибунала и комиссар Полевого штаба. С ноября 1918 по июль 1920 он одновременно еще и начальник Регистрационного (Разведывательного) управления Красной Армии. Его главной обязанностью как начальника Оперуправления РВС был сбор военной информации и доклад обстановки на фронтах непосредственно Ленину и Троцкому, другим лидерам партии и правительства. Из выполнения этой задачи в недрах Оперативного управления и родился Разведупр РККА, прообраз будущего ГРУ.

В начале 1919 г. Аралов стал инициатором создания и общей военной организации всех советских республик. Летом 1919-го он был направлен от РВС на Украину – самый угрожающий участок большевистского фронта, где Красную Армию с двух сторон теснили наступавшие войска Деникина и Петлюры, подрывали с тыла мятежи разнокалиберных атаманов. Аралов возглавил РВС 12-й армии, а затем и фронта. 12-я армия прикрывала западную границу страны от Чёрного моря до Белоруссии. На этом посту ему пришлось проявить способности не только военачальника и организатора, но и дипломата. Соглашение с «королем» одесских бандюг Мишкой Япончиком, успокоение буйного комбрига Григория Котовского, «самостийника» Щорса

(который «случайно» погиб 30 августа 1919 г.), переговоры с «батькой» Махно и «головным атаманом» Симоном Петлюрой. Все это помогло вывести из белогвардейского окружения потрепанные части 12-й армии. В конце 1920 г. он возглавил переговоры с Пилсудским по поводу предварительных условий мира между Польшей и Советской Россией. Тогда на Аралова обратил внимание сам нарком иностранных дел Георгий Чичерин, переведя его после войны в дипломаты. И в водовороте столь бурных событий Аралов нашел ещё и время для организации при РВС 12-й армии детской колонии для беспризорников, которая в начале 20-х годов стала одной из первых пионерских организаций в СССР.

Странно то, что в партийном руководстве хватало людей, давно известных Ленину до 1917 г. Однако по какой-то причине одним из его важных военных советников и фактически главным военным аналитиком вдруг становится человек «почти из ниоткуда» – бывший офицер, «проходивший мимо». Хотя, который какое-то время «примыкал» к революционерам еще в 1903-1907 годах. И они, якобы, его и порекомендовали. А Ленин с Троцким это предложение тут же одобрили. Даже без каких-либо проверок? Тем более, что в его биографии (особенно написанной им самим) о периоде до 1917 г. не обошлось без странных моментов.

В частности, получается, что в 1902 г., не желая «тянуть жребий» в военкомате и идти в армию на общих основаниях (без льгот), он решил поступил вольноопределяющимся (разряд не указан), где «впервые познакомился с революционными настроениями». Потом, видимо, уволился. Вот тут уже возникают вопросы. По закону 1886 г. выпускник коммерческого училища мог записаться вольноопределяющимся по 1-му разряду: срок службы – 1 год. Офицерское звание присваивалось в конце срока. Т.е. не в 1905 г. Аралов должен был получить «прапорщика», а в 1903 г. перед увольнением в запас.

По биографии весной 1905 г. он был опять призван в армию (по мобилизации), получил звание прапорщика. «Через

какое-то время» отправлен в Манчжурию. Т.е. туда он мог доехать уже где-то летом 1905 г., когда на Маньчжурском фронте завершились активные боевые действия операцией под Мукденом (21 февраля – 10 марта 1905 г.).

По приезду в Харбин он сразу же якобы приступил к революционной работе среди солдат своего полка, «призывал к восстанию и захвату власти, к недоверию октябрьскому царскому манифесту». Какое еще «восстание» имело смысл поднимать тогда в той Маньчжурии? Свергнуть генералов и устроить коммунизм на фронте? Зачем? А упоминание «октябрьского манифеста» показывает, что эту свою агитацию Аралов должен был проводить довольно долго – с лета до зимы 1905 г. Ходил по окопам? Выступал в блиндажах с лекциями об учении Маркса? И ни один офицер с караульным взводом не пресек такую деятельность? И никто не доложил в полевую жандармерию? Лишь смогли пожаловаться генералу Надарову? Который и приговорил его заочно, «не зная фамилии как какого-то прапорщика», к расстрелу (!!) Кто же и как сообщил самому Аралову, что именно его собираются поставить к стенке (ближайшего окопа)? Но как-то сообщили. И это наконец-то подействовало.

Аралову пришлось скрываться по маньчжурским деревням и в небольших городах. Как же он там смог успешно скрываться? Деревни же были китайские! И ни один китаец не сообщил местным начальникам про беглого русского? Сколько же километров прошел «скрывающийся» по Маньчжурии? (Без денег и со споротыми погонами). Или погоны не срывал? А на что надеялся? И главное – чем питался? Подрабатывая по пути репетиторством? Или воровал у местных? Это ж не Россия – мало ли какие нравы окажутся у жителей очередной деревни или небольшого города!

Но вдруг на счастье Аралова по Манчжурии покатился солдатский вал «самочинной демобилизации», хлынувший в Россию! И он вместе с ним направился в Москву. А чем же питались «самочинные дембеля» в дороге? От Харбина до Москвы ого-го сколько километров. Поездом – неделя, если не останавливаться у каждого полустанка. А если останав-

ливаться, то еще дольше. Лично я испытал нечто подобное на себе, три раза проезжая по Транссибу от Москвы до Хабаровска и обратно. Причем, после Иркутска на восток состав тянули натуральные паровозы. На что рассчитывали «дезертиры»? Или они перед «отчаливанием» грабили полковую кассу и делили выручку поровну? Или превратились в вал мародеров? (Небольших китайских городов?) И их никто не остановил? Странно как-то.

Но для начала полезно кое-что уточнить из истории той войны. В марте 1905 г. ее активная фаза закончилась. Япония выдохлась и намекала на переговоры. Царь Николай II в мае согласился. Услуги посредника предложил президент США Теодор Рузвельт. Переговоры начались 9 августа 1905 года в Портсмуте (США). 5 сентября был подписан мирный договор. Стороны обязывались вывести войска из Маньчжурии, использовать железные дороги только в коммерческих целях и не чинить преград свободе торговли и мореплавания. И вот тут для русской армии возникла «техническая» проблема.

За время боевых действий с февраля 1904 по апрель 1905 военнослужащие и припасы из России в Маньчжурию завозились постепенно (сначала тремя парами поездов в сутки, затем к концу войны 12-тью парами). Но война закончилась и возникла одновременная необходимость вывести войска вообще (в т.ч. с имуществом) и при этом многих уволить в запас. А железная дорога (та самая КВЖД) быстро выполнить такую задачу не могла. Но «дембеля» ждать не хотели. Если уволенных из армии относительно мало, то это еще не проблема. Проблема, когда их вдруг в одном месте оказывается много. Командам они могут уже не подчиняться («– Мы свободны!!!», «– Дембель пришел!!!»). А если не подчиняются, то это уже не армия, а толпа. Что произошло в результате, описал генерал Деникин, который и сам в ноябре 1905 г. должен был отправиться в Москву. В 1953 г. в США вышли его мемуары «Путь русского офицера». В 1991-м их издали в «Современнике». В них поездке из Харбина в Петербург в «самое бурное время» ноября 1905 – января 1906

посвящена 5-я часть, раздел «Первая революция – в Сибири и на театре войны».

В результате издания царем «октябрьского манифеста» в стране то тут то там стали возникать разные «советы», временно нарушилась структура власти, а на протяжении транссибирской магистрали это привело к прерыванию и телеграфной связи и нормального сообщения. И эту «смуту» «подогревала» пропаганда разных партий, в т.ч. революционная «социалистов»:

«Официальные власти растерялись. Во Владивостоке комендант крепости, ген. Казбек, стал пленником разнuzданной солдатской и городской толпы. В Харбине начальник тыла, ген. Надаров, не принимал никаких мер против самоуправства комитетов. В Чите военный губернатор Забайкалья, ген. Холщевников, подчинился всецело комитетам, выдал оружие в распоряжение организуемой ими «народной самообороны», утверждал постановления солдатских митингов, передал революционерам всю почтово-телеграфную службу и т. д. Штаб Линевича, отрезанный рядом частных почтово-телеграфных забастовок от России, пребывал в полной прострации, а сам главнокомандующий устраивал в своем вагоне совещание с забастовочным комитетом Восточно-китайской железной дороги, уступая его требованиям...»

Другими словами, на какое-то время возник «управленческий ступор». Им попытались воспользоваться деятели разных партий. Особенно вдали на расстоянии тысяч верст. В центральной России выступления были подавлены силой. А потом и подалее навели порядки «правительственные посланники». А на усиление хаоса в Маньчжурии оказало влияние и одновременное увольнение солдатских масс, призванных по мобилизации. Революционная пропаганда их мало интересовала. Их главная цель была: «домой!». Из книги Де-Шикина:

«Они восприняли свободу, как безначалие и безнаказанность. Они буйствовали и бесчинствовали по всему армейскому тылу, в особенности возвратившиеся из японского плена и там распропагандированные матросы и солдаты.

Они не слушались ни своего начальства, ни комитетского, требуя, возвращения домой сейчас, вне всякой очереди и не считаясь с состоянием подвижного состава и всех трудностей, возникших на огромном протяжении – в 10 тыс. километров – Сибирского пути.

Под давлением этой буйной массы и требований «железнодорожного комитета» Линевич, имевший в своем распоряжении законопослушные войска маньчжурских армий для наведения порядка в тылу, отменил нормальную эвакуацию по корпусам, целыми частями и приказал начать перевозку всех запасных. При этом, вместо того, чтобы организовать продовольственные пункты вдоль Сибирской магистрали и посылать запасных в сопровождении штатных вооруженных команд, их отпускали одних, выдавая в Харбине кормовые деньги на весь путь. Деньги пропивались тут же на Харбинском вокзале и на ближайших станциях, по дороге понемногу распродался солдатский скарб, а потом, когда ничего «рентабельного» больше не оставалось, голодные толпы громили и грабили вокзалы, буфеты и пристанционные поселки».

А вот что читаем в биографии Аралова:

«В Харбине – столице «Желтой России», как называли тогда Манчжурию – в октябре 1905 г. вспыхнул солдатский бунт. Одним из организаторов был Семен Аралов, большевик...»

Во-первых, еще вопрос, «большевик» ли. Во-вторых, чего его «организовывать»-то?

Солдат в армии (если не идет боевая работа) живет одной мыслью: когда этот «срок» (службы) закончится. И тогда он станет «свободным»! Этому сроку посвящена большая часть размышлений и ожиданий. Когда же он наконец-то поедет домой? С этой мыслью солдат просыпается утром и засыпает вечером. Вечером главная мысль: «дембель стал на день короче». Под эту мысль ведутся календари и подсчитываются оставшиеся дни. Тщательно с любовью собираются дембельские альбомы и обшивается дембельская парадка. Главная мечта, исполнения которой ждут все – приказ об увольнении. А когда он приходит – это миг огромного сча-

стья! Однажды я видел очень счастливого молодого человека. Счастье слезами текло по его лицу. Он их не стеснялся, только периодически размазывая руками. И периодически повторяя: «– Вы не понимаете, как я счастлив!» Этим человеком был парень лет 20 – солдат строительного батальона. Он тихо сидел в кузове бортового ЗиЛ-131 в окружении нас – меня (начальника патруля) и двух моих солдат – патрульных. Мы его везли на гарнизонную гауптвахту, так как он слегка выпил и «попался». Но это его не очень страшило. У него был праздник: к нему наконец-то пришла «замена». Он так и повторял вторую свою счастливую фразу: «– Ко мне пришла замена, вы не понимаете!...» ВСЁ!!! Наконец-то он дождался своего приказа об увольнении! Одной ногой он уже был на свободе!

Но так как он был один, то вел себя тихо-смирно.

А если таких набирается много, то эта переставшая управляться толпа может превратиться в грозную силу в своих бессмысленных действиях. Нечто похожее произошло в Маньчжурии в конце 1905 г. При этом «революционная агитация» и не нужна была. Уволенные солдаты требовали одного: немедленной отправки домой. Немедленной! Вот и весь смысл их «бунта». Потребовать-то можно, с этим требованием были согласны все офицеры и прочие начальники. Но как его выполнить (немедленно)? При хорошей организации в сутки КВЖД могла отправить 12 поездов. А после разных «митингов» это количество уменьшилось. И что оставалось? Вот в ожидании отправки солдаты и стали «развлекаться». И никакого отношения к юридически оформленным приговорам не могли иметь высказывания начальника тыла генерала Надарова, замученного свалившейся на его голову всей этой обстановкой.

Если Аралов действительно оказался в то время в Харбине, то должен был просто подпасть под указ об увольнении в запас, будучи призванным из него. И вместе с другими уволенными поехать домой (в Москву). Как они возвращались – можно почитать в воспоминаниях Деникина (кражи паровозов друг у друга, управленческий хаос на полустан-

ках, исчезновение машинистов, поиски новых с оружием в руках, нехватки продуктов питания и т.д.). Выдавать все это за героическую революционную деятельность, мягко говоря, неправильно.

И вот Аралов возвращается в Москву и там вполне спокойно легализовался под своим же именем (а никто его реально по суду и не преследовал). Пошел работать в банк, устроился учиться в вечерний институт, женился, подрабатывал репетиторством. Но завел себе и «хобби» – якобы вступил в военную организацию московского комитета, в своей квартире создал склад оружия, революционной литературы и предоставил ее в качестве явки для «партийных товарищей». Но эта партийная деятельность для Аралова прекратилась в 1907 г., когда полиция арестовала собрание съехавшихся из разных мест представителей военных организаций. Понятно, что их кто-то предал. Но кто? Однако Аралов не объясняет, участвовал ли он сам в этом съезде партийных руководителей и почему не оказался среди арестованных. Теоретически он не мог его проигнорировать. Однако, его не арестовали. После чего он прекращает «шашни» с революционерами, кидая свою борьбу с ненавистным царизмом. Вместо этого продолжает учебу в Коммерческом институте, прочие свои занятия и «спокойно» живет до начала войны в 1914 г.

Как это? И полиция даже не поинтересовалась, откуда оружие, где явки и кто хозяин? А предатель забыл доложить? И никто из арестованных потом не высказал подозрений о связях Аралова с полицией? И полиция даже не стала искать «заочно приговоренного к расстрелу (не зная фамилии)»? Невероятно!

Но странности в биографии Аралова продолжаются.

В 1914 г. начинается мировая война. Он призывается на военную службу опять в чине прапорщика (но каких войск не указывается). Вообще-то при посещении военкомата надо бы какие-то бумаги представить об уровне своего запаса, анкету заполнить: где уже служил, когда, кем. И что же там мог написать Аралов? Что уже ранее отслу-

жил вольноопределяющимся, получил «прапорщика», затем был призван в 1905 г. опять прапорщиком, отправлен в Маньчжурию, где занимался революционной агитацией, был заочно приговорен к расстрелу (не зная фамилии), поэтому был вынужден сорвать погоны, бежать, скрываться в китайских деревнях, после чего добрался до Москвы и легализовался под своим же именем? И что просит призвать его опять прапорщиком?

И ... призвали! А почему бы не призвать? Кто какие погоны «срывал» и «скрывался»? Судя по будущей автобиографии? Так ее еще предстояло сочинить. А в 1914-м Аралова «просто» призвали и зачислили в один полк неизвестно на какую должность – по некоторым данным он получил роту 215-го Сухаревского полка. (Прапорщику выдать роту? Могли бы хотя бы в поручики произвести как ветерана войны с Японией). Но потом вскоре перебросили в другой полк. С ним он доехал до фронта («Западного»), где его опять «перебросили» – в 28-ю дивизию в Новоторжский полк в Восточной Пруссии, где он сразу же принял участие в сражении. (Точнее, 114-й пехотный Новоторжский полк вообще-то входил в состав 29-й пехотной дивизии XX армейского корпуса). Потом полк попал в окружение, в котором весь погиб. Из окружения пробилась лишь рота большевика Семёна Аралова (или меньшевика, а скорее всего – беспартийного, так как свое партийное «хобби» он как бы закончил в 1907 г.). И понимай как хочешь – то ли погиб весь 215-й Сухаревский полк, то ли весь 114-й Новоторжский (кроме одной роты).

Еще известно, что во время войны Аралову пришлось участвовать «более чем в 20 сражениях». Интересно, как он их насчитал? Что значит «сражения»? Фронтовые операции типа Брусиловского наступления? Или атаки за отдельные высоты/края деревни? Всего чуть более 20 раз за всю войну? Странно как-то. И ни на какую учебу в училищах/академиях с фронта не отзывался, но повышался в звании то ли до штабс-капитана, то ли до полковника. Сам себе погоны менял, покупая в передвижной полковой лавке?

В Интернете я нашел несколько вариантов биографии Семена Аралова (включая его автобиографию). Но чем больше я в них вчитывался, чем больше сравнивал, тем больше находил странностей и различий. И тем больше зрело подозрение, что это не настоящая биография, а «приукрашенная легенда». В смысле не «сказка», а «легенда», которая сочиняется для прикрытия чего-то другого. Остается пофантазировать, чего. И даже возникла мысль, а не мифический ли это персонаж – Семен Аралов? Для проверки я открыл «Советский Энциклопедич. словарь» издания 1980 г. На стр. 72 нахожу: «АРАЛОВ Сем. Ив. (1880 – 1969), сов. воен., гос. деятель. Чл. КПСС с 1918. В с.-д. движении с 1903. Участник Октябрьской революции в Петрограде. ...» О, уже и «участник революции»! Действительно, в своей автобиографии он написал, что в 1917 г. участвовал в различных совещаниях в Петрограде. Но затем разочаровался в их полезности, кинул это занятие и вернулся в полк, где и встретил Октябрьскую революцию. Откуда тогда «участник»? очередная «легенда»?

И что значит: «член партии с 1918», а «в движении» с 1903? Сочувствующий был, что ли? Учебно-тренировочно? А как же «большевик в 1905» и «большевик в 1914»? Опечатка? Но ближе к теме 1-го тома интересным является то, как Аралов помог Якиру получить должность командира дивизии. Об этом можно почитать в его книге «Ленин вел нас к победе», Глава шестая. «Помощь братской Украине».

«Летом 1919 года мне пришлось быть в Одессе по случаю переформирования 3-й украинской армии в 45-ю дивизию. В связи с этим был устроен смотр одесского гарнизона на Куликовом поле. После смотра, возвращаясь верхом на лошади по Дерибасовской улице, я услышал, как кто-то громко меня окликнул. Оглянувшись, увидел группу товарищей, стоявших на балконе одного дома. Махая руками, они приглашали меня зайти к ним. Зашел.

– Разрешите представиться: Якир, – поспешил отрекомендоваться высокий черноволосый юноша, подавая мне руку. Он представил и всех находившихся с ним: Княгницкого, Гарькавого, Левинсона, Гусарова и других

– Товарищ Аралов, – сказал Якир улыбаясь. – Мы «безработные». Дайте нам дивизию, и мы будем громить врага всем на удивление. Ленин останется довольным.

Сели, разговорились. Я выяснил, что Якир и другие товарищи – это командный состав 8-й и 9-й армий. Прибыли они на Украину по указанию Совнаркома на советско-партийную работу.

Якир, несмотря на его юношескую порывистость, произвел на меня чрезвычайно благоприятное впечатление. Я увидел в нем человека, преданного рабочему классу, Коммунистической партии. Говорил он обдуманно, взвешивая каждое слово. Чувствовалось, что этот товарищ пользуется в кругу военных большим авторитетом.

Я предложил ему возглавить 45-ю дивизию.

В тот же день, не теряя времени, я связался с Киевом по прямому проводу и изложил нашу беседу командующему 12-й армией Семенову, настаивая на назначении Якира вместе с его товарищами в 45-ю дивизию.

А через несколько дней было принято решение РВС 12-й армии о назначении И. Э. Якира начальником (командиром) этой дивизии. Впоследствии он возглавлял также 58-ю и 47-ю дивизии.

В боях Якир зарекомендовал себя талантливым, отважным командиром. Действительно, Ленин был им доволен».

Вот так, посмотрел Аралов в ясны очи первого встречного (который откуда-то его знал) и тут же увидел его насквозь как человека, преданного рабочему классу. И чуток подумав, предложил ему «взять» 45-ю дивизию. А что? Революция же! Некогда выяснять, слать запросы, перечитывать лично дело. Нет времени. И ошибки не возникало. «Ленин оказался доволен». В той же 6-й главе мемуаров Аралова есть и такое объяснение:

«Как члену РВС 12-й армии, мне часто приходилось встречаться с такими отважными боевыми командирами, как И. Э. Якир, Г. И. Котовский, Я. Б. Гамарник, И. Г. Крапивянский, И. Ф. Федько, П. Е. Княгницкий, И. И. Дубовой, И. С. Кутяков, В. Н.

Боженко, К. В. Квятек, Т. В. Черняк, Н. А. Щорс, и другими. Они командовали дивизиями, бригадами и были известны В. И. Ленину, принимавшему непосредственное участие в подборе и утверждении многих начдивов».

Кстати, в 12-й армии существовал «особый отдел». В нем тогда служил Орлов Александр Михайлович (род. в 1895 г.) – будущий резидент советский разведки в странах Европы. Его последнее место службы в 1936-1938 гг. перед бегством в США – республиканская Испания. В США в 1953 г. он издал книгу «Тайная история сталинских преступлений». Вот «особый отдел» в 1919 г. и должен был проверить кандидатов. Но проверил ли и как – информации не осталось.

Итак, товарищ Ленин лично контролировал назначения командиров дивизий. Т.е. и Уборевича в конце 1918 г. тоже? И как командарма в августе 1919 г.? А о нем как он узнал? Может быть, Якир замолвил словечко? Дело в том, что в биографии Якира написано, что в начале 1918 г. в Бесарабии он командовал красными отрядами в боях с румынскими войсками. Т.е. был начальником над Уборевичем, который тогда же там же командовал полком (вскоре разбитым австро-венграми). Но Уборевич попал в плен, из которого как-то выбрался и кружным путем к концу года оказался на Севере. Потом у него произошла головокружительная карьера командарма и военного министра (в ДВР). Без особой учебы. А дальше он сам стал как бы начальником «школы» имени себя.

Но не на всех бывших прапорщиков-поручиков, достигнувших каких-то должностей в армии в Гражданскую войну, хватало мест в академиях. Тем более, в заграничных. Для них придумали «курсы повышения». А некоторые (судя по тексту 1-го тома) прошли «школу Уборевича». Она почему-то оказалась настолько важной, что ей в 1-м томе посвятили почти две страницы. Но при этом не стали углубляться в странности его биографии и вспоминать про «старые» кадры, которые составили «школу» для самого Уборевича во время Гражданской войны.

Причем, сразу же после ее окончания многие заслуженные перед советской властью военачальники были уво-

лены из армии: бывшие начальники штабов фронтов Е.И. Бабин, А.И. Давыдов, П.М. Майгур, командующие армиями Ю.П. Бутягин, Н.А. Жданов, В.Н. Зарубаев, П. К. Мармузов, С.К. Мацилецкий, А.К. Ремезов; десятки начальников штабов армий и командиров дивизий. А часть пленных врангелевских офицеров просто утопили в море, других постреляли. Но на этом «разборки с прежними кадрами» не закончились. Если вчитаться в биографии многих бывших «военспецов», служивших вместе с Уборевичем (и которые «наглядным примером» учили его стратегии и тактике), то у большинства из них (если не у всех) жизнь заканчивалась примерно одинаково: арест в 1936-1938 гг., расстрел и в конце 50-х реабилитация (посмертно). Можно предположить, что именно из-за темы репрессий и решили авторы 1-го тома обратить внимание на «школу Уборевича». Дескать, хоть и погиб он как бы не совсем законно, но его знания не пропали – их восприняли многие, служившие вместе с ним. И при этом ни слова о тех, кто Иеронима Петровича обучал стратегии-тактике.

Но темы репрессий в 1-м томе коснулись не сразу после «школы Уборевича», а через упоминание, что некоторые советские командиры получили и реальный боевой опыт, сражаясь в Испании, на Дальнем Востоке и в других боевых столкновениях. Но опять без подробностей – хватило одного абзаца.

6.

Одним абзацем ограничились и темой репрессий. *«Конец 1930-х гг. оказался непростым для военных кадров. Репрессии 1937–1938 гг. не обошли стороной Красную армию»*. Но что они такое, по какой причине вдруг происходили – в 1-м томе не объясняется. «Бей своих, чтобы чужие боялись»? Видимо, вряд ли. Чужие только рады будут наблюдать политическую грызню внутри СССР. Причем, факты расстрела без суда или при его инсценировке в 1-м томе вообще не упоминаются. Говорится лишь, что было

уволено около 40 тыс. командиров, из них арестованы около 18 тыс. человек (примерно половина). И ничего не сказано, куда делся Уборевич и ряд других военачальников. Лишь высказывается сожаление, что *«многие из них, имея глубокие знания и богатый войсковой опыт, могли бы успешно командовать объединениями, или, по крайней мере, готовить будущих командармов и командующих войсками фронтов»*. Но не такая для них оказалась судьба. Для страны почему-то стало более важным отправить их валить лес (в лучшем случае). А в худшем – оглашение приговора о «высшей мере», конвоирование до «стенки» и расстрел с последующим закапыванием где-то «на спецобъекте» даже без могильного холмика. Или с кремацией. Уже более 70 лет прошло с тех странных «репрессий», а так до сих пор и нет вразумительного объяснения, из-за чего они случились. Только и остается, что предполагать. Например, есть фотография членов Реввоенсовета в декабре 1927 г. В составе:

- Якир И.Э., род. в августе 1896, расстрелян в июне 1937.
- Егоров А.И., род. в октябре 1883, расстрелян 23 февраля 1939.
- Каменев С.С., род. в апреле 1881, умер в августе 1936.
- Ворошилов К.Е., род. в начале 1881, умер в 1969.
- Буденный С.М., род. в апреле 1883, умер в 1973.
- Левандовский М.К., род. в мае 1890, расстрелян 29 июля 1938.
- Авксентьевский К.А., род. в сентябре 1890, при ограблении был убит 2 ноября 1941.
- Шапошников Б.М., род. в сентябре 1882, умер в 1945.
- Белов И.П., род. в июне 1893, расстрелян 29 июня 1938.
- Уборевич И.П., род. в январе 1896, расстрелян в июне 1937.

Что можно сразу сказать по этому списку? Что в составе РВС было как бы две группы по возрасту: «80-х годов» и «90-х годов» рождения XIX века. В группе «80-х годов» в основном все умерли своей смертью. В группе «90-х годов» в основном все были расстреляны. Авксентьевский

пережил «37-й» возможно потому, что в феврале 1931 его уволили из армии в бессрочный отпуск, вызванный алкоголизмом. Поехал товарищ на учебу в Германию в 1930 г. и там спился. Странная история с некоторой стороны. Там же тогда же учился и Егоров. А перед ними там же год проучился и Уборевич (который в 1918 побывал в немецком плену). В немецком плену побывал и Тухачевский.

Уборевичу припомнили на следствии учебу в Германии. Он и другие пытались оправдываться, но всех «топил» Примаков (род. в 1897 г.). И комкор Путна В.К. (род. в марте 1893). Проверяем по приговоренным за шпионаж, измену Родине и подготовку террористических актов 11 июня 1937 г. к расстрелу:

- маршал Тухачевский М.Н. (род. в 1893),
- командарм 1-го ранга Уборевич (род. в 1896),
- командарм 1-го ранга Якир (род. в 1896),
- командарм 2-го ранга Корк (род. в 1887),
- комкор Фельдман (род. в 1890),
- комкор Эйдеман (род. в 1895),
- комкор Примаков (род. в 1897),
- комкор Путна (род. в 1893).

Почти все в этом списке из группы «90-х годов». Только Корк старше 1890 г. Но если вчитаться в его биографию, то окажется, что его пути в армии как-то пересекались с Араловым и Уборевичем. В частности, с июня 1908 г. по октябрь 1911 г. Корк служил офицером 98-го пехотного Юрьевского полка в городе Двинске (ныне Даугавпилс в Латвии). Там же в Двинске в 1909–1914 гг. учился в реальном училище Уборевич. Встречались ли они тогда, скорее всего, вряд ли. Пока это лишь совпадение по месту жительства.

Корк в августе 1917 – феврале 1918 был избран председателем солдатского комитета Западного фронта. Аралов в 1917 г. на II-м съезде Советов РИСД был делегатом от Западного фронта. Вот тут уже вряд ли, чтобы Корк и Аралов не встречались как представители одного фронта.

В июне 1918 Корк вступает в Красную Армию и служил в оперативном отделе Всероглаштаба (видимо, в Москве).

Аралов в январе 1918 – нач. оперотдела в штабе Московского военного округа. С марта – член РКП(б), и с этого времени – зав. оперотдела Наркомвоенмора РСФСР. И тоже вряд ли, чтобы нач. оперотдела Главного штаба не общался с нач. оперотдела Наркомвоенмора.

Потом их пути несколько разошлись. Корк – на западное направление, Аралов – на южное. После чего пути Корка как-то стали пересекаться с путями Уборевича. И их обоих с путями Тухачевского.

В августе 1919 – октябре 1920 Корк командует 15-й армией. Участвовал в войне с Польшей. Главком С. Каменев в разговоре по телефону с командующим фронтом М. Тухачевским говорил: *«...Корк – это моя гордость. Как на каждом фронте есть всегда один из командующих, играющий первую скрипку, таковой скрипкой на Восточном фронте были вы, так у нас на Западном фронте Корк, а Уборевич – на Южном...»*.

Вообще-то странно, при чем здесь «первая скрипка»? Мало ли как повернется боевая обстановка? А вдруг противник перебросит подкрепления куда-то в другое место и начнет там мощный контрудар? А кто был тогда «первой скрипкой» на Юго-западном фронте? Товарищ Сталин с Егоровым?

В октябре 1920 – мае 1921 Корк – командующий 6-й армией. Действовал против войск Врангеля. Руководил штурмом Перекопа и взятием позиций к югу от Перекопа у с. Юшунь.

Уборевич в июне–ноябре 1920 г. командует 13-й армией там же на Южном фронте. А в январе–апреле 1921 г. – помощник (заместитель) Фрунзе – командующего войсками Украины и Крыма. В мае его сменяет Корк.

С апреля по август 1921 г. Уборевич воюет с крестьянами на Тамбовщине (под началом Тухачевского) и в Белоруссии. Затем убывает в дальнюю командировку в Сибирь и на Дальний Восток (до июня 1924 г.).

Корк в 1922 убывает в дальнюю командировку командовать Туркестанским фронтом (до 1924). Руководил боями против басмачества в Средней Азии. В 1924 возвращается

поближе к Москве – становится помощником командующего и командующим Западным военным округом (до 1925).

Уборевич с июня 1924 г. тоже возвращается поближе к Москве – по январь 1925 он начштаба и зам. командующего Уральского военного округа, а в 1925–1927 гг. – командующий Северо-Кавказским военным округом.

Корк в феврале 1925 сдает должность командующего Белорусским военным округом Тухачевскому и убывает командовать Кавказской Краснознаменной армией. В ноябре 1925 г. возвращается в Минск, принимает у Тухачевского округ (до 1927), затем переводится в Ленинград командовать Ленинградским военным округом. В мае 1928 сдает его Тухачевскому и убывает в Германию военным атташе (по май 1929).

Уборевич в 1927–1928 гг. больше года учился в Германии в военной академии. Затем – в 1928–1929 гг. – командующий Московским военным округом. В ноябре 1929 его сменяет Корк (до сентября 1935 г.). А перед этим Корк с мая по ноябрь 1929 года – начальник Управления снабжений РККА.

Уборевич с ноября 1929 г. – начальник вооружений РККА. В апреле 1931 г. сдает должность Тухачевскому и убывает командовать Белорусским военным округом (по май 1937 г. почти до ареста). Тухачевский в 1931 прибыл с должности командующего Ленинградским военным округом (который сдал Белову) и тоже съездил в Германию (на «большие маневры» в 1932 г.).

Корк с сентября 1935 и до ареста в июне 1937 – начальник и комиссар Военной академии имени Фрунзе. Якир с 1925 по 1937 командует Украинским/Киевским военным округом. Белов в 1935 сдал округ Шапошникову, а сам перевелся на командование Московским округом (до ареста в 1937).

В конечном итоге, если сравнить списки командующих несколькими центральными военными округами с 1924 по 1937 гг., то окажется, что ими командовали одни и те же лица, меняя друг друга. И почти все они из группы «90-х годов» (рождения), будучи «слишком быстрыми» выдвиген-

цами на высокие посты в 1918-1919 гг. А в 1937-1938 гг. все они были «репрессированы». Может возникнуть предположение, что тогда их выдвигали некие политические лидеры страны, которые «контролировали» их перемещения по должностям. Но к 1937 г. они утратили свое влияние, почему их «протезе» и постигла «суровая кара» в 1937-1938 гг.

Действительно, к 1937 г. некоторые высшие начальники СССР утратили свое влияние. В т.ч. «уйдя в мир иной»: Ленин, Фрунзе, Дзержинский, Куйбышев и другие. Считается, что активизация «репрессий» против руководящих работников произошла после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., на котором были арестованы Бухарин и Рыков. Хотя, отдельные аресты стали учащаться уже в 1936 г. На пленуме с докладом по вопросу «Об уроках вредительства... на предприятиях наркомата тяжелой промышленности» должен был выступить его нарком Орджоникидзе Г.К. Но проект его доклада раскритиковал Сталин. Они несколько раз беседовали друг с другом (в т.ч. на повышенных тонах). В результате за 5 дней до пленума Орджоникидзе нашли дома мертвым. Официально было объявлено, что он умер от сердца. Потом стали говорить, что он застрелился. А также была версия, что его просто застрелил «курьер из Политбюро». Поэтому на пленуме с докладом о ситуации в НКТП выступил глава правительства Молотов.

Молотов выдвинул различные обвинения партийным и хозяйственным руководителям и заявил, что вредители имеются во всех отраслях народного хозяйства, во всех государственных организациях. Сообщив, что уже осуждено более 2 тыс. человек, он намекнул, что об этой теме «забывать нельзя». Эту же идею поддержал Сталин в своем докладе. Вот в стране и началась «охота на ведьм» уже среди руководящих работников. А в июне 1937 г. прогремело над страной сообщение о раскрытии гнусного заговора среди военных, который возглавлял маршал Тухачевский. И это оказалось только началом, вслед за которым последовали «разоблачения» «банд Тухачевского», «Якирового гнезда» и других

«двурушников, изменников и шпионов» среди остального среднего и высшего командного состава армии.

Многие исследователи многие годы пытались найти смысл в тех кошмарных событиях, серьезный движущий мотив «репрессий», но авторы 1-го тома касаться этой темы не захотели. И значение «репрессий» как бы повисает в воздухе. Становится не понятно, правильно ли сажали и расстреливали без суда многих командиров или не правильно? В конце 50-х практически все они были реабилитированы военными трибуналами из-за того, что в их действиях не нашлось состава преступления. По понятиям 50-х годов получается, что «репрессировали» их неправильно. Но, видимо, в конце 30-х годов все же были какие-то «правильные» соображения? Какие?

Что касается конкретно «банды Тухачевского», то известно, что у ряда военачальников (Тухачевский, Гамарник (р. 1894), Уборевич, Якир) в те годы сложилось резко критическое отношение к деятельности Ворошилова на посту наркома обороны (у которого из образования было лишь два класса школы плюс опыт комиссара в Гражданскую войну). С другой стороны, к Тухачевскому по разным причинам относились с неприязнью маршалы Ворошилов, Буденный, Егоров, командармы Шапошников, Дыбенко (р. 1889), Белов. Деятельность Тухачевского по реформированию вооружённых сил и его взгляды на подготовку армии к будущей войне не совсем тщательно соотносилась с возможностью экономики страны. А также наблюдалось увлечение малоотработанными технологиями. В результате возникала угроза «отставания» по одним областям вооружений и излишняя трата средств по другим. Это встречало сопротивление и оппозицию в наркомате обороны.

В конечном итоге товарищ Сталин принял сторону «группы 80-х годов» рождения, а их «оппонентов» пустили под пулю. Но почему «пустили под пулю»? Разве нельзя было сохранить жизнь, переведя на другие должности? Или, в конце-концов, просто уволив из армии на пенсию? Но если пустили, то получается, что какая-то логика и мотивы имен-

но в конце 30-х годов у товарища Сталина имелись. Иначе придется согласиться, что он был или больной или «неумный».

Идею, что он был больной («легкий шизофреник») пытались культивировать некоторые «аналитики» (например, в книге Успенского «Тайный советник вождя»). Но тогда получается, что победы в мае 1945 г. армия добилась под руководством шизофреника. Как-то странно выглядит. Вариант «неумного» отпадает по той же причине. Хотя, были (есть) попытки поделить деятельность Сталина на «неумный» период (до конца 1942 г.) и на вполне «грамотный» (с конца 1942 г.). Об этом написал маршал Жуков Г.К. в своих мемуарах.

А кем же был товарищ Сталин в 1937 г.? «Неумным шизофреником»? И лишь к концу 1942 «вылечился»? Может быть, поэтому подготовка армии к обороне и оказалась неправильной (на треть по всем составляющим)? Или все же были какие-то серьезные мотивы на «репрессии»? Если и попытаться найти смысл, то он вырисовывается лишь в одном направлении: для подготовки к скорой войне.

К 1928 г. в мире возникают идеи нового принципа успешного ведения войны: мото-механизированного. И возникают образцы этой самой моторизации и механизации (танки, самолеты, самоходки, тягачи, броневики и т.д.). Но этот метод слишком затратный. Слишком серьезную промышленность надо иметь для полного обеспечения боевых частей. Вот в СССР и стали ее спешно создавать пятилетними планами. В условиях низкого уровня жизни и сплошной экономии. К 1937 г. предприятий возникло уже много. И продолжали создаваться новые. Но чем больше их становилось, тем сложнее было ими управлять из единого центра. Компьютеров тогда не было. Рулить из одного центра становилось проблематично. Приходилось делить наркоматы, сидеть за учет и контроль все новых чиновников. Но и они не всегда и везде успевали. Из-за чего процесс «роста» сопровождался различными проблемами. Серьезной проблемой оказалось отсутствие в достаточных количествах товарного

зерна. Власти пришлось организовать насилие над крестьянами. А из-за разных нехваток продолжал поддерживаться в целом низкий уровень жизни. Все это в условиях военного времени угрожало возникновению протестов в тылу. Чтобы их предупредить, лучше всего превратить страну в единый военный лагерь. С порядками поближе к лагерным. Вот на эту задачу «репрессии» и сработали. Но в 1-м томе никакие подробности по «репрессиям» не приводятся. Поэтому и вывод сделан не совсем корректный (стр. 78-79):

«Следствиями политических репрессий в РККА явились снижение научного и интеллектуального потенциала Красной армии, падение уровня профессиональной подготовки и существенное ослабление политико-морального состояния и дисциплины ее личного состава. Многие командиры и командующие, боясь ответственности, стали менее инициативными и самостоятельными».

Интересно, как глубоко снизился научный потенциал РККА? У рядовых и сержантов? Его не было вообще. Да и офицерам «научные опыты» в казармах ставить было нельзя. Не для того казармы существовали. А что товарища Туполева из просторного кабинета перевели в «шарашку», то хуже думать от этого он не мог. Начал бы «вредительство», из «шарашки» вообще бы не вернулся.

А с чего это вдруг упал бы профессиональный уровень? Допустим, арестовали майора Сидорова. Разве от этого капитан Петров разучился бы рисовать стрелки на картах? И разбирать/собирать пулемет «Максим»? Или сержант Иванов хуже стрелял бы из полковой пушки калибра 76 мм?

И политико-моральное состояние и дисциплина существенно ослабнуть не могли. Это на что же намекают авторы 1-го тома? Что из-за арестов героев страны и объявлений их «врагами народа» перед строем в воинских частях начинал буйствовать разброд и шатания с самоволками и пьянками? Объявили такого-то «врагом народа», берем ручку, жирно закрашиваем его фамилию в конспекте и идем дальше. Как написал поэт: «отряд не заметил потери бойца». А будут со-

мнения, в часы самоподготовки читаете газету «Правда» – там все подробно расписано.

И что значит, «боясь ответственности, командиры стали менее инициативными и самостоятельными»? Извините, армия – не колхоз «Червонэ дышло». В армии все должно выполняться по командам. «Приступить к приему пищи!» «Закончить прием пищи!» Какая тут еще может быть «инициатива»? Наплевать на приказ? Товарищ Щорс в Гражданскую войну попытался однажды так поступить, заявив Аралову: «– А я не буду выполнять приказ бывшего генерала!» В результате он не смог уклониться от «случайной» пули.

На таких выводах тема «репрессий» в 1-м томе и закончилась. И перешла к более «спокойному» разделу – обсуждению роста численности РККА перед войной, перестановкам в командном составе вообще и на высшем уровне в частности. Одного абзаца на это не хватило – полторы страницы (79-80) заняло перечисление, кто на какие должности переводился в 1940 – в начале 1941 гг. И опять с давно озвученными выводами:

«На вакантные должности зачастую назначались люди, не имевшие достаточного опыта и знаний. ... В результате проведенных кадровых перестановок к 22 июня 1941 г. большинство командующих военными округами имели стаж работы в должности менее года».

Ну и что? Этого мало – «менее года»? А какой стаж командования армией был, например, у Уборевича летом 1919 г.? Вообще никакого! И ничего – назначили в самый серьезный момент наступления противника. И молодой командарм тут же превратился в «первую скрипку» фронта (по словам главкома Каменева). Все познается в сравнении. Почему-то в Гражданскую не то, что «бывшие батальонные» становились командирами дивизий – бывшие взводные! Причем, иногда сразу армией. И не в мирное время, а в самое что ни на есть военное. И ничего, особых претензий к кадровой работе в период Гражданской войны в целом не имеется. Белогвардейцев разбили на всех фронтах. И на Тихом океане свой закончили поход.

А как читаешь тексты про 1938 – начало 1941, так только и попадаются стенания «об отсутствии достаточного опыта и знаний» у командиров всех степеней. И у механиков-водителей и летчиков «И-16» – их опыт, якобы, был вообще «ниже плитуса». А некоторые авторы даже пытались доказать, что для подготовки солдата-радиста требовался уровень не ниже нобелевского лауреата. Но если бы не было войны, так никто вообще никогда не узнал бы, насколько того опыта «не хватало». На то и существует Генштаб и министерство обороны, чтобы прорабатывать все эти вопросы, в т.ч. кадровые. Не хватает у кого-то опыта – перевести во внутренние округа, пусть там лишний раз потренируются. Например, на Гороховецком полигоне в бывшей Горьковской области. Кто уже поднабрался достаточно – перевести поближе к угрожаемым границам. Или и в генштабе и в наркомате обороны все сидели без опыта и инициативы? Да еще и с низким научным потенциалом? Какие же они планы рисовали на картах масштаба в 1 см 10 км? Или у них карты были другого масштаба? Вот с 80 стр. в 1-м томе его авторы наконец-то решились коснуться и этой темы.

7. ПЛАНЫ ОБОРОНЫ

1.

Цитата со стр. 80 1-го тома с некоторым переформатированием (для лучшего усвоения):

«В подготовке страны и вооруженных сил [к отражению возможной агрессии] важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, то есть разработка плана войны, предусматривавшего:

- порядок развертывания вооруженных сил,*
- создание группировок войск для ведения военных действий*
- и замыслы первых стратегических операций.*

Оперативно-стратегическое планирование ... представляло собой комплекс множества различных документов, ко-

торые делятся на две взаимосвязанные части: оперативную и мобилизационную.

Основу оперативной части плана составляли:

– соображения по стратегическому развертыванию Вооруженных сил,

– план стратегического развертывания,

– план прикрытия мобилизации и сосредоточения войск

– и планы первых фронтовых операций.

Основу мобилизационной части плана войны составляли

– план (схема) мобилизационного развертывания Вооруженных сил (мобилизационный план)

– и план мобилизации промышленности».

Правильно! Вот с этого бы начать весь разговор! Точнее говоря, с самого начала логической цепочки: сначала теория [мото-мехвойны], затем обзор подготовки определенного уровня ВПК, ну а потом и планы в конкретной ситуации 1940-1941 гг. Однако, авторы 1-го тома выбрали другой путь. Почему – отдельная тема. Но как они не «тянули резину», как они не отвлекались на разные другие проблемы рваных котелков, неудобных краг, сколько не приводили списков разного-всякого, но к 80 странице «прочие вопросы» иссякли. Пришлось таки начать объяснять, чем же занимался советский Генштаб перед войной. А занимался он как и любой генштаб любой армии – сочинял планы.

Принципиально они могут быть двух видов: обороны или наступления. Вот например, немецкий план «Барбаросса» – он оборонительный или наступательный? В тактически-стратегическом отношении конечно же наступательный. Хотя в каких-то геополитических соображениях, возможно, имеет смысл обсудить его и как оборонительный («превентивный»). А каким было советское военное планирование перед войной? Авторы 1-го тома с первого же предложения пытаются внедрить мысль, что советский Генштаб, конечно же, составлял только оборонительные планы. С этой целью в самом начале объяснения и вставлена фраза

«к отражению возможной агрессии». Но выводы полезно делать в конце разговора, поэтому на такие слова внимание пока можно не обращать. Это теоретически армия всегда должна быть готова к отражению агрессии (т.е. к обороне). Готовность к остальным задачам – уже другой вопрос. Итак:

«В подготовке страны и вооруженных сил важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, то есть разработка плана войны, предусматривавшего:

*– порядок развертывания вооруженных сил,
– создание группировок войск для ведения военных действий*

– и замыслы первых стратегических операций.

Правильно! Отлично! Никаких вопросов! Если готовится наступательная операция – когда заранее известно место будущих боевых действий. В этом случае конечно можно (и нужно) заранее спланировать порядок развертывания (своих) вооруженных сил. А также отработать последовательность создания требуемых группировок войск (с учетом теории мото-мехвойны). И подготовить для них замыслы первых операций – для подготовки наступления последовательность планирования более-менее понятна.

А как быть, если задача ставится противоположная: подготовить оборону? В каких пунктах ее надо готовить? В пункте «А»? Или в пункте «Б»? Затаришь десятки или сотни эшелонов в пункт «Б», а противник возьмет и обойдет с флангов. И придется все это добро или кидать, или срочно сжигать. А если противник в пункте «Ц» вообще не нападет? Зачем туда заранее свозить войска?

И потом, сколько тех войск готовить? 10 механизированных корпусов? 5 кавалерийских дивизий? Почему 10, а скажем, не 8 или не 17? На чем базируются расчеты? Конечно, мехкорпус может и наступать и обороняться. Для наступления это понятно, но оборону можно готовить разными методами. Например, перекопать угрожаемую территорию, наставить бигборды: «Ахтунг! Минен!», накидать мины, вырыть эскарпы, отмотать километры колючей проволоки и нацепить ее на тысячи столбиков, раздать каждому из на-

родного ополчения по фаустпатрону. Наконец, грамотно взорвать плотину ближайшего водохранилища. Открывает солдат противника дверь, а к ней изнутри заранее привязана ниточка к чеке в гранате. Въезжает вражеский танк на ближайший мост, а у того опора подпилена. И т.д. Это называется: «инженерная подготовка местности к обороне». И прикрыть ее кинжальным огнем пулеметов ротных опорных пунктов и гаубичными батареями с пристрелянными целями. А с воздуха штурмовиками. Для такой подготовки обороны не обязательно нужны 10 мехкорпусов. Очень полезным может оказаться десяток хороших стройбатов и какое-то количество пехоты с артиллерией. Наглядный пример – Финляндия осенью 1939 г.

А чтобы не промахнуться с территорией, должна хорошо поработать разведка и дипломаты. Дипломатов (кроме того) можно озадачить необходимостью снижения напряженности между странами. Зачем доводить дело до войны? Вы боитесь нашего нападения, а мы вашего? Хорошо, допустим. А давайте создадим демилитаризованную зону вдоль общей границы, скажем, на 50 км вглубь. И посадим на нее контролеров из своих стран. Договорились?

Делалось ли что-либо в СССР по этим направлениям в предвоенной время? Предлагалось ли что-либо немецкому послу Шуленбургу для ликвидации слухов о близкой войне? Из официальных документов широко известно только одно: «Заявление ТАСС» от 13 июня 1941 г. Что ни СССР не собирается напасть на Германию, ни наоборот. Но его хватило лишь на одну неделю. А из других документов, наоборот, получается, что послу Шуленбургу приходилось прилагать определенные усилия и идти на риск, чтобы донести до советского руководства важную информацию: на вас скоро нападёт армия моей страны! Но советское руководство адекватно не реагировало.

Как известно, война – это продолжение политики другими средствами (т.е. силой). На чем же базировалась советская внешняя политика в то время? В 1-м томе на стр. 80 перечислены две «основы» (в несколько измененной компоновке):

«В ходе укрепления обороноспособности страны учитывались принципы внешней политики СССР. Внешняя политика тех лет содержала два ключевых положения.

– Во-первых, Советский Союз не собирается нападать на кого-либо, стоит за мир и укрепление деловых связей со всеми странами;

– если же наша страна подвергнется нападению, то враг будет не только отброшен от ее границ, но и наголову разгромлен решительным наступлением Красной армии. Второе положение отражалось и в военной доктрине».

Хорошенькие «ключевые положения»! Во-первых, «Советский Союз» – это укороченное название страны. Более полное – «СССР», т.е.: «Союз Советских Социалистических Республик». Его вся внутренняя политика велась под руководством одной партии – ВКП(б). Она же в 30-е годы была не просто «партией», но еще и «секцией коммунистического интернационала», в уставе которого была записана конечная цель движения – создать ВСССР (Всемирный СССР). И как ее можно было добиться без наступления? Сидеть и ждать, пока соседние страны сами не присоединятся к СССР? Метод ненадежный – можно было и не дожидаться.

А как конкретно СССР «не собирался ни на кого нападать», можно почитать, например, в двухтомнике «1941». Как советский нарком иностранных дел вызывал к себе послов некоторых соседних стран к 23-00 ночи и между прочим сообщал, что утром в их страну начнут вступать советские части – чтобы не беспокоились... Можно, конечно, такое назвать не «нападением», а как-то иначе. Но суть от этого не меняется. Причем, не все страны «не беспокоились». Финляндия не захотела молча наблюдать и решила «выяснить отношения». «Борцу за мир» это обошлось серьезной «кровью». Конечно, финнам пришлось кое в чем уступить, но в целом устояли.

А второе «ключевое положение» к принципам внешней политики вообще не относится. Это своим гражданам можно так объяснять со всех столбов и крыш, что своя армия мощ-

нейшая в мире, «укачаем» кого угодно. И так расписывать в документах внутреннего использования (в уставах, в речах на съездах, в статьях в газетах и в агитационных материалах пропагандистов). Если же это «положение» было бы направлено на внешнюю политику, то надо было использовать его в первую очередь при работе с дипломатами и иностранными журналистами: возить их по воинским частям, по военным заводам и складам. Чтобы и «внешняя политика» знала, какая сильнейшая армия у СССР. Но это не делалось. И как потом оказалось, тот же Гитлер плохо представлял, с кем связался 22 июня 1941 г.

К внешней политике в первую очередь относится участие дипломатов в международных мероприятиях. Поэтому есть смысл историкам выяснить: какие задачи ставились дипломатам и как они их выполняли; какие предложения высказывались и какая на них была реакция. Но этих вопросов авторы 1-го тома коснулись в начале главы на стр. 11 – 44. Как «касались», к каким выводам пришли – отдельный разговор. В разделе же про военное планирование выглядит странным «ключевое положение» о величайшей силе Красной Армии, якобы готовой в любой момент наголову разгромить любого возникшего противника. Странным оно выглядит после долгого объяснения на многих страницах, какой неготовой была Красная Армия, в которой на треть все было поломано, солдаты как надо не обучены, офицеры неинициативны, части не укомплектованы (до полного штата), генералы «морально придавлены» репрессиями, кормежки не хватает, кастрюли дырявые и т.д. И вдруг оказывается, что в основе военной доктрины страны лежал тезис готовности сокрушительно разгромить любого противника методом решительного наступления!

Чем же наступать? Ведь на предыдущих 20 страницах только и перечислялись сплошные нехватки и проблемы! Причем, решиться они (якобы) могли лишь к концу 1942 г. Т.е. получается, что РККА теоретически могла быть готова к решительному отражению агрессии не ранее весны 1943

г. Но если уже в 1940 г. и в начале 1941 советский Генштаб только и думал о наступлении, то возникает вопрос, а понимали ли в самом Генштабе и НКО в 1941 г. проблему неготовности? Получается, что ... не понимали? А если это так, то выходит, что они творили неведомо что? К чему все эти разговоры о наступлении, если армия на треть вообще вся поломана? (А остальные необучены, без запаса запчастей, неукомплектованы и с недостаточным научным уровнем!) Или пора признать, что всё высшее военно-политическое руководство страны в то время состояло сплошь из «неумных»? Хорошо, попытаемся согласиться, что все советские генералы-маршалы вместе с Главковерхом были полными дураками, лишь приблизительно представляли состояние войск и рисовали планы каких-то наступлений, находясь в полной протрации (т.е. в отрыве от реальности). Вот дальше в 1-м томе со стр. 80 и начинается краткий обзор этих самых «дурацких планов».

2.

«В основополагающем плане «развертывания вооруженных сил Советского Союза на западе и на востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г. в отношении «основ нашего стратегического развертывания на западе» говорилось: «Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск. Во взаимодействии с левифланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков...»

Обратим внимание на дату: середина сентября 1940 г. Еще два с половиной месяца до подписания «Барбароссы», а советский Генштаб уже планирует разгромить люблин-сандомирскую группировку противника и выйти на р. Висла. Причем, того «противника», с которым в то время

был заключен не только договор о ненападении, но и договор о дружбе и границе. Понятно, что за один день «основополагающие планы» не сочиняются. Но в 1-м томе не стали более подробно уточнять содержимое «плана». Лишь обратили внимание на то, что этот «план» от 18 сентября еще не был утвержденным документом. Он назывался «Записка» высших военных Сталину и Молотову. В ней предлагалось 2 варианта наступления: севернее Припятских болот или южнее. 5 октября Сталин предложил принять за основу «южный» вариант. После чего возникла новая «записка», которую и утвердили 15 октября. А затем вносились изменения в марте и в мае 1941 г. Но в 1-м томе не стали обсуждать в связи с чем вдруг возникла потребность творить план войны с «друзьями» на Западе. Даже не стали цитировать объяснение из самой «записки» от 18 сентября. А там написали коротко: *«Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах»*. Вот так могла «сложиться обстановка». Взяла сам – и сложилась! Можно ли было ее «пригасить» путем переговоров? Одна попытка была – в ноябре 1940 г. Сами немцы пригласили Сталина приехать в Берлин и обсудить «планы на будущее», но поехал Молотов. Как объяснялось потом – съездил на «зондаж». До договора дело не дошло. Немцы предложили свой вариант, Сталин 25 ноября – свой. Из них компромиссный так и не получился. Вместо этого обе стороны с большим рвением занялись подготовкой войны.

В 1-м томе внимание решили обратить на другое. На то, что в немецком плане («Барбаросса») этап обороны вообще не рассматривался. Весь план касался только подготовки наступления. В советском же варианте «оборона» упоминалась (стр. 80) *«Активной обороной прочно прикрывать... Правда, на оборону тогда смотрели как на кратковременный этап военных действий, в котором участвует лишь часть войск, выделенная для прикрытия границы, пока идет отмотилизование и развертывание главных сил для решительного наступления»*).

Действительно, решительное наступление предлагалось провести лишь полностью развернутыми войсками, которые надо было подготовить примерно в течение месяца после объявления мобилизации. Т.е. сначала требовалось объявить мобилизацию, пополнить назначенные войска у западных границ, а затем уже приступить к решительному наступлению. Но возникала проблема реакции будущего противника. Будет ли он сидеть «сложая ручки» в период советской подготовки или попытается как-то помешать «процессу»? В «записке» приводится вариант немецкого «решительного наступления», почти сходный с «Барбароссой». Но процесс советской «активной обороны» с ним практически не увязывается. Складывается впечатление, что «активная оборона» планировалась для парирования вялотекущих ударов немцев то там, то там. И то, если таковые возникнут. Но «вялотекущими» они не могли возникнуть. Уж если наступать, то сразу «решительно». А тогда и план должен был учитывать «День-Д» вражеского нападения. А этого нет. В связи с чем можно предположить, что Сталин в немецкое нападение не верил. Полностью и успешно выполнить советский план можно было лишь при условии скрытного проведения мобилизации. Как это собирались сделать – можно пообсуждать. В 1-м томе его касаться не стали, а перешли к краткому перечислению последовательности плановой работы начиная с июля 1940 и заканчивая маем 1941 (на стр. 81). И там приводится странная фраза:

«Завершить все планирование намечалось в мае. Однако ввиду продолжавшегося вплоть до 21 июня формирования новых соединений и не прекращавшейся передислокации войск планирование завершить не удалось».

Невероятно!

А кто ж формировал «новые соединения» и менял дислокацию войск? Не Генштаб с НКО? И как они это делали – не по планам? Т.е. план «стратегического развертывания» – сам по себе, а какие-то «новые формирования» и «передислокации» – сами по себе? Для чего тогда вся эта имитация активной плановой работы? Для отчета перед Сталиным? В

результате страна вступила в войну вообще без «подходящего» плана. Готовились-готовились (к чему-то), но так и «не успели». Но к чему? Странно, и никого за это из Генштаба и НКО не расстреляли. По крайней мере «чтение между строк» объяснения в 1-м томе показывает, что плана обороны страны к 22 июня 1941 г. не существовало. Хотя, во время «плановой» работы еще с лета 1940 г. только и упоминались варианты возможных ударов Германии то ли севернее «от устья р. Сан», то ли южнее. С октября 1941 основным стали считать «южный» вариант (он же в последующем оказался «неверным предположением»). В конечном итоге в 1-м томе возник совершенно запутанный абзац (стр. 82):

«Стратегический план ведения войны с Германией строился на неверном предположении о том, что в случае нападения немецкое командование будет стремиться в первую очередь к захвату экономически развитых районов Украины и Кавказа. В записке от 18 сентября 1940 г., написанной, кстати сказать, от руки А. М. Василевским, утверждалось, что Германия нанесет главный удар севернее реки Припять. Основным вариантом развертывания советских войск должен стать такой, при котором «главные силы сосредоточивались бы к югу от Брест-Литовска» [270]. Остальные варианты соображений военного руководства по стратегическому развертыванию советских Вооруженных сил на случай войны, составлявшиеся в 1941 г. практически ежемесячно, отличались от сентябрьского главным образом тем, что в них развертывание главных сил противника ожидалось «на юго-востоке, от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину» [271]. Это мнение усугубило ошибку, допущенную в сентябрьском варианте, и явилось одной из главных причин трагического исхода сражений лета 1941 г.»

Смотрим на ссылку 270: «270. Россия XX век. Документы. 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 247-255». Проверяем – берем в руки книгу 1-ю двухтомника «1941» и оказывается, что размещенный там документ № 117. «Записка ... об основах развертывания вооруженных сил Советского Союза на Запа-

де и на Востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября 1940 г. расположена на стр. 236–253. (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Лл. 197-244. Рукопись на бланке наркома обороны СССР. Исполнитель: зам. нач. Опер. упр. Генштаба генерал-майор Василевский). А дальше до стр. 260 идет документ № 118. «Записка ... о соображениях по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией». Т.е. на стр. 247–255 находится окончание одной «записки» (именно «от 18 сентября») и начало другой (о плане новой войны с Финляндией).

Что касается первой из них, то там вовсе не утверждается однозначно, что Германия нанесет главный удар исключительно севернее реки Припять (как заявляется в 1-м томе). Генерал Василевский в 3-м разделе «Записки» (про вероятные оперативные планы противников) прямо указал, что «документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб К.А. не располагает». А дальше он привел два варианта возможных действий Германии. В первом предполагалось, что Германия «развернет свои главные силы к северу от устья р.Сан ... Вполне вероятен также, одновременно с главным ударом немцев из Восточной Пруссии, их удар с фронта Холм, Грубешов, Томашев, Ярослав на Дубно, Броды с целью выхода в тыл нашей Львовской группировки и овладения Западной Украиной».

Но рассматривался и второй («южный») вариант: «Не исключена возможность, что немцы с целью захвата Украины сосредоточат свои главные силы на юге, в районе Седлец, Люблин, для нанесения главного удара в общем направлении на Киев. ... Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р.Сан».

И по отношению РККА в этом документе тоже предлагались два варианта развертывания ее главных сил у западных границ «к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы

мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней».

Т.е. Василевский вполне грамотно предположил, что немцам выгоднее всего главный удар нанести к северу от Бреста; а РККА, наоборот, удобнее свой главный удар нанести к югу от него. Хотя, с целью разгрома главных сил германской армии можно было бы создать мощную группировку РККА и напротив Восточной Пруссии.

3.

Но без использования цифр манипулирование словами «главный удар», «главные силы» не совсем конкретны. В частности, в знаменитых «Соображениях...» от 15 мая 1941 г. (документ № 473 2-го тома двухтомника «1941» ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Лл. 1 (с об)-15) предполагается, что всего немцы могут выделить против СССР до 180 дивизий. Из них группировка «помощнее» до 100 дивизий ожидалась «к югу от Демблин для нанесения удара в направлении – Ковель, Ровно, Киев». А «оставшиеся» до 80 дивизий – организуют удар «на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также короткими, концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи». Таким образом «неглавная» немецкая группировка вовсе не ожидалась «малюсенькой».

Если говорить о перераспределении сил РККА в пользу «южного» варианта, то его стали отрабатывать с октября 1940 г. И нельзя это считать «ошибкой». Смотря с какой стороны посмотреть. С точки зрения решительного наступления стратегически правильно оценивалась более выгодной

мощная группировка советских войск во Львовском выступе. Другое дело, с точки зрения обороны она могла попасть в оперативный «мешок». Т.е. для обороны более эффективная дислокация должна быть иной. Но все опубликованные советские планы не привязаны к дате возможного немецкого нападения. В связи с чем можно предположить, что советский Генштаб реально в него не верил и все упоминания о нем в планах даются с другой целью – видимо, в обоснование того самого идеологического условия что «СССР на других сам не нападает».

Таким образом, оказывается неверной фраза в 1-м томе: *«в записке от 18 сентября 1940 г. ... утверждалось, что Германия нанесет главный удар севернее реки Припять. Основным вариантом развертывания советских войск должен стать такой, при котором «главные силы сосредоточивались бы к югу от Брест-Литовска» [270]*». И ссылка указана неправильно.

И странным выглядит следующее предложение в том же абзаце 1-го тома: *«Остальные варианты соображений военного руководства по стратегическому развертыванию советских Вооруженных сил на случай войны, составившиеся в 1941 г. практически ежемесячно, отличались от сентябрьского главным образом тем, что в них развертывание главных сил противника ожидалось **«на юго-востоке, от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину» [271]***».

Посмотрим и на эту ссылку 271: «ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 241. Л. 6».

Архивный номер выглядит почти таким же, как и вышецитированные «записки». Но фонд не «16», а почему-то «16а». Кстати, можно попытаться поискать в двухтомнике «1941» нет ли там документа с таким же архивным номером, но в фонде 16? И нет ли там упоминания Седлеца и Венгрии? Оказывается, такой документ есть в 1-й книге: *«№ 315. Из плана генштаба Красной Армии о стратегическом развертывании Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке*

б/н

11 марта 1941 г.

...

ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Лл. 1-16. *Рукопись, копия, заверенная А.М. Василевским*». А в ней и находим предположение о действиях Германии с этой же фразой из 1-го тома:

«Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по западу, так и по востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает.

Наиболее вероятными предложениями стратегического развертывания возможных противников могут быть:

На западе

Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере – из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи».

Похоже, что и здесь авторы 1-го тома «некачественно» отнесли к указанию ссылки на источник. И почему-то они не захотели привести название «соображений» от 11 марта, которые вообще-то уже были *«уточненным планом стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и на востоке»*. Остается выяснить – был ли он создан на полку в шкаф секретной комнаты или же он был принят к исполнению?

Как объяснялось выше, процесс какого-то планирования в советском Генштабе к началу войны завершить так и не удалось. Но разве в его стенах каждый месяц в 1941 г. до июля сочинялся новый принципиально другой вариант «соображений»? Тех месяцев до 22 июня оставалось шесть. И в каждом по новому «соображению»? Причем, все они (как потом оказалось) были «ошибочны». И «ошибка» была одного свойства, как-то связанная с дислокацией РККА у западной границы. Проявиться она смогла лишь после немецкого нападения.

Но любой план – это слова на бумаге. Если их не начать исполнять, никаких «ошибок» не возникнет. «Ошибки» могут возникнуть лишь в одном случае – если этот план будет реализовываться. «Ошибка», как подробно объясняют авторы 1-го тома, таки возникла практически. А отсюда можно сделать вывод, что этот план был утвержден и реально исполнялся. И основу он имел все на тех же «Соображениях...» еще 1940 г.

Кто же на той «ошибке» настоял? Ведь еще в сентябре 1940 г. рукой генерала Василевского предлагалось рассмотреть два варианта возможных действий немецкой армии. А если разведка не смогла остановиться на каком-то конкретном, то настаивать на одном из них по крайней мере глупо. Ибо известен термин «военная хитрость», по которому настоящий план надо скрывать до последнего момента. И стараться продемонстрировать противнику ложные версии.

Насколько все эти расчеты могли повлиять на трагический исход сражений лета 1941 г.? «Севернее Бреста», «южнее Бреста» – короче это можно назвать так: «пункт А» и «пункт Б». Расстояние между ними – сотни километров. Войска мгновенно перемещаться не могут. Телепортацию еще не придумали. И если войск больше чем надо завезли в пункт А, а противник решительно ударил в пункте Б, то понятно, что такая ситуация чревата, мягко говоря, трудностями, а то и катастрофой. Но опять же без конкретных цифр и других подробностей уровень трагичности определить невозможно. Не только от дислокации зависит крепость обороны. Но летом 1941 г. ошибка в ней оказалась серьезной.

Кто же был ее «инициативником»? Можно догадаться, что по должности он должен был быть повыше, чем генералы Генштаба. Однако, кидаться в догадки и не требуется, достаточно просто почитать текст 1-го тома дальше. Там на 82-й стр. называется фамилия «промахнувшегося»: товарищ Сталин. Объяснение дается простое: известно, что в мото-мехвойне без атомного оружия важную роль игра-

ет тыловое обеспечение. Поэтому, дескать, товарищ Сталин и посчитал, что немцам будет более важно побыстрее захватить Украину. И это мнение как бы подтверждалось данными разведки. В конечном итоге, как написано в 1-м томе на стр. 82, *«все это укрепило Сталина в мысли, что основные усилия германских войск будут сосредоточены не на западном (московском) стратегическом направлении, а на юго-западном. В октябре 1940 г. он настоял, чтобы советский план войны исходил из того, что главный удар на западе противник нанесет южнее Припяти, из района между Седлецом и границей с Венгрией, на Киев в целях захвата Украины».*

Но во-первых, какие-то слова Сталин говорить мог и мог на чем-то настаивать. Но еще вопрос, исходя из каких соображений. Исходные мысли могут быть разные. Во-вторых, от Седлеца (т.е. от Бреста по границе) до границы с Венгрией расстояние большое. Причем, между собственно Венгрией и оккупированной немцами Польшей находилось еще и захваченное венграми Закарпатье («за горами Карпатами»). Т.е. часть той границы проходила в горах, откуда наступать не очень удобно. А от Бреста на юг до Владимир-Волынского еще и череда болот – тоже не очень удачная территория для наступления. Другими словами, сосредоточить-то там войска немцы возможно и могли бы, но решительно наступать крупными массами войск через горы, болота и дальний львовский выступ стратегически не очень выгодно. Поэтому вполне может быть закономерен вопрос: для чего товарищу Сталину потребовалось выделять такой длинный участок: «от Седлец до Венгрии»? Только ли с целью подготовки обороны?

4.

Но не стал в него углубляться 1-й том. Вместо этого он обратился к другой теме, которая, якобы, волновала работников советского Генштаба – *«как предотвратить захват противником стратегической инициативы уже в пригра-*

ничных сражениях. В начале мая 1941 г. в Генштабе был подготовлен документ, в котором указывалось на растущую концентрацию немецких войск у советских границ и на то, что уже отмобилизованная немецкая армия с развернутыми тылами «имеет возможность предупредить нас в разворачивании и нанести внезапный удар». Чтобы не допустить внезапности нападения и захвата противником стратегической инициативы, в проекте документа предлагалось «упредить» немецкую армию в разворачивании и разгромить ее на территории Польши и Восточной Пруссии «в тот момент, когда она будет находиться в стадии разворачивания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» [272].

Подготовлен был документ якобы «в начале мая». А название он имел? Без конкретной даты и номера? Смотрим на ссылку 272: «Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 118». Странно, авторы 1-го тома почему-то не решились сослаться на сборники документов. Например, на тот же двухтомник «1941» 1998 г. издания. Если посмотреть в его втором томе документы за май, то можно найти искомый за № 473: «Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии председателю СНК СССР И. В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» б/н [не ранее 15 мая 1941 г.]» (Среди историков он получил название: «Соображения от 15 мая»)

Вот в нем и находятся именно эти строки по поводу «упредить». Датирован он «не ранее 15 мая» потому что в его тексте есть такая дата во фразе: «по состоянию на 15.05.41 г.». Т.е. составитель этого документа использовал какой-то другой документ, в котором приводились какие-то данные на 15 число. Т.е. составляться «соображения» могли уже после этого числа, так как пока первый документ поступил к их автору могло (должно) было пройти еще какое-то время. В конечном итоге датироваться эта «записка» должна не «началом мая», а уже «второй половиной». 15-м числом был

четверг. В понедельник 19 мая наркома обороны и начальника Генштаба вызывал к себе в Кремль товарищ Сталин. Понятно, что Жуков не мог идти к нему без какого-то заготовленного текста. Вот в период 16–17 мая (пятница-суббота) и могли написать этот «черновик». А требовался он, скорее всего, как заготовка доклада начальника Генштаба на готовящееся на 24 мая (в пятницу) большое совещание там же в кабинете у Сталина со всеми командующими западных округов.

Вот 19 мая с 19-50 до 21-05 этот «черновик» и могли обсудить трое: Сталин, Тимошенко и Жуков. Через 5 минут к ним присоединился Молотов, еще через 15 – генерал Ватутин. А с 21-05 до 21-15 Сталин и Тимошенко обсудили что-то с глазу на глаз. До сих пор смысл тех обсуждений остается неизвестным. Если обсуждали проблемы организации обороны, то почему не рассекречены «стенограммы» (или какие-то документы, возникшие в результате тех обсуждений)?

Странно, что сохранились хотя бы «соображения», в варианте которых от «15 мая» кроме идеи «упредить» приведен и план действий РККА силами Западного и Юго-Западного фронтов (в направлении Варшавы и Кракова). Но в 1-м томе не стали их глубоко цитировать. Вместо этого его авторы решили перенести внимание читателей на техническую характеристику этого документа (стр. 82-83):

«Следует сказать, что этот документ представляет собой черновики, испещренные многочисленными исправлениями, на которых отсутствуют подписи должностных лиц. Тем не менее они позволяют реконструировать представления советского военного руководства о характере действий Красной армии в будущей войне. Анализ этих документов подтверждает зафиксированный в мемуарах советских военачальников факт, что советское военное руководство исходило из ошибочных представлений о начальном периоде войны». И дальше приводятся цитаты из мемуаров Жукова и Василевского, в которых отмечается якобы неверное представление Генштаба того времени на начальный период войны, в котором первые бои продолжительностью 15—20 дней плани-

ровались вести не «основными войсками страны». И лишь после этого срока должны были начать свое «решительное наступление» «главные силы». А следом (видимо, как бы в виде доказательства) идет цитата из ... «Соображений...» от 18 сентября 1940 г.! Почему не из «Записки...» от 15 мая? Видимо потому, что в ней про «20 дней» уже ничего не говорится. Говорится про другое: про внезапный удар по противнику, для обеспечения которого предлагалось заблаговременно провести скрытое от мобилизацию войск (под видом учебных сборов запаса) и их скрытое сосредоточение (поближе к западной границе). Но ничего не сказано о сроках начала. Когда же начинать эти скрытые мероприятия? Начнешь раньше объявления мобилизации – лишние затраты для страны. Начнешь позже ... Собственно, а почему в плане нет ссылки на момент (день) нападения врага? Это план обороны или ... чего-то другого? И чем же это «другое» могло оказаться?

«Таким образом, «нанесение удара» планировалось на двадцатый день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной» [275]».

Ссылка 275: *«Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. С. 247».*

В данном случае она правильная. Но на той странице есть и уточнение:

«В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии – активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию.

При условии работы железных дорог в полном соответствии с планом перевозок войск, днем перехода в общее наступление должен быть установлен 25 день от начала мобилизации, т.е. 20 день от начала сосредоточения войск».

Т.е. в 1-м томе был «упущен» один важный момент. Оказывается, сосредоточение должно было начаться через 5 дней после объявления мобилизации. Логично! Как же его начинать, если призываемые «контингенты» еще только прощаются с родственниками, добираются до военкоматов, бредутся наголо и т.д.? Вот 5 дней на эти «оргтехмеро-

приятия» и надо было выделить. А потом уже и двигать в исходные пункты. Но возникает проблема возможной реакции будущего противника. Возможно, в сентябре 1940 г. она еще не была особо актуальной и потому ее не очень конкретизировали. Лишь только упомянули «активную оборону».

Итак, план начинает вырисовываться поконкретнее. В некий «день-М» в стране объявляется мобилизация. Через 5 дней в дополнение к уже имеющимся у западных границ частям РККА туда же начинают прибывать еще какие-то войска. Этот процесс продолжается 20 дней (с использованием железной дороги). И только потом – «решительное наступление». При этом в плане нет никакой увязки с возможным решительным наступлением со стороны немцев. Никакой! В преамбуле «Соображений...» лишь высказывается вероятность немецкого нападения. Но дальше все расчеты ведутся так, как будто его реально не будет. А если немцы и рискнут двинуть какие-то свои войска через границу, то это по мнению авторов «соображений» могло выглядеть лишь как бы эпизодически, «малыми силами». И для их удержания, дескать, вполне хватит тех частей Красной Армии, которые уже будут там находиться. Вопрос: «хватит или не хватит» даже не поднимается. Должно хватить! Откуда такая уверенность? Это отдельный разговор.

А пока есть смысл вернуться к стр. 247 1-й книги сборника «1941» (где размещены «Соображения...» 18 сентября 1940 г.). То, что именно там есть упоминание про «20 дней» сосредоточения – правда. Но не вся. Дело в том, что это фрагмент второго варианта развертывания у западных границ – «северного». Про первый вариант – развертывание к югу от Брест-Литовска говорится на предыдущих стр. с 241 по 244. И завершается объяснение фразой: *«при настоящей пропускной способности железных дорог юго-запада сосредоточение главных сил армий фронта может быть закончено лишь на 30 день от начала мобилизации, только после чего и возможен будет переход в общее наступление для решения поставленных выше задач.*

Столь поздние сроки развертывания армий Юго-Западного фронта и являются единственным, но серьезным недостатком данного варианта развертывания.

Второй вариант – развертывание к северу от Брест-Литовска ...».

Т.е. «20 дней» сосредоточения – это не единственный вариант плана. Оказывается, был еще вариант «30 дней» (если к югу от Брест-Литовска). Его и приняли (в октябре 1940 г.).

А теперь считаем. От «дня-М» объявления мобилизации до начала сосредоточения – 5 дней. Допустим, мобилизация запланирована на 23 июня. Т.е. 27-го (или 28-го) июня – день начала сосредоточения. Тогда по «южному варианту» оно может завершиться лишь к 27 июля – долго.

«Везде» говорится, что Сталин в октябре 1940 настоял на «южном варианте». Поэтому «для протокола» было бы полезно почитать, о каких сроках сосредоточения идет речь в других «соображениях» после октября 1940 и до июня 1941. Из них известен «План» от 11 марта 1941. Однако, и в «ВИЖ», 2, 1992 и в двухтомнике «1941» опубликованы лишь его первые 11 листов. Но нашлись любители истории, которые смогли добраться до ЦАМО и выложить в Интернете краткую информацию об остальном содержимом. В частности, в апреле 2009 г. на форуме «Милитеры» участник «Сергей ст.» объяснил:

«Этот документ написан генерал-майором Василевским на 55 листах. На последнем листе, после данных об исполнителе, стоит дата 11.03.1941. Документ рассекречен в 1992 г. Документ публиковался в сокращении два раза – в ВИЖ и в сборнике «1941».

Составители сборника «1941» допустили при публикации ряд неточностей. К примеру там нет даты, которую они поставили в начало документа, а самая большая их «неточность», это то, что они написали, что это копия. На самом деле это не так, а документ представляет из себя черновик, написанный А. Василевским для руководства ГШ и НКО. Могут утверждать это после изучения как его, так и сопутствующих документов. «План от 11 марта» был написан в соот-

ветствии с «Календарным планом разработки оперативного плана», составленного Н. Ватутиным 1 февраля 1941 года. Это разработка так называемого «южного варианта».

Судя по характеру составления документа и имеющихся в нем помет и исправлений этот документ скорее всего являлся черновиком для руководства ГШ и НКО. Так, в документе имеются пробелы в некоторых цифрах и сроках. В некоторые из них позднее были внесены данные другим человеком, однако полностью документ не заполнен.

После того, как документ был частично дополнен, он был просмотрен кем-то из руководства ГШ и НКО, вероятно Н. Ватутиным, так как почерк, которым сделаны пометы и исправления похож на его почерк. Однако утверждать это категорически нельзя. Этим человеком вносились изменения в текст (редакционные, стилистические и грамматические) и делались пометы на полях с вопросами. Например, напротив абзаца с перечислением вероятных противников стоит помета: «Турция?» (и т.п. по всему тексту документа).

Основные пометы заключаются в изменении задач ЮЗФ (планирование на Западе) и ДВФ (планирование на Востоке). Оба исправления сделаны предположительно рукой А. Василевского на оборотах предыдущих листов. Так, например, задача ЮЗФ отражена на л. 28, а на обороте л. 27 сделана надпись с измененной задачей. Именно под этой, измененной задачей и стоит непонятно кем сделанная надпись про «наступление 12 июня». Однозначно сказать, что это надпись сделана Н. Ватутиным нельзя, хотя действительно, почерк напоминает ватутинский. Когда же сделана эта надпись тоже неизвестно, но явно после нескольких просмотров и правок.

Карта к этому «плану» также имеется, но хранится отдельно, в деле с картами.

«План от 11 март» предусматривал переход в наступление ЮЗФ на М-30».

К сожалению, серьезных «чистовиков» тех планов с печатями и подписями до сих пор не найдено. Возможно, что

и не будет найдено никогда. Остается строить предположения на основе имеющихся «заготовок». О фразе «начать 12 июня» говорил и генерал Гареев в своих комментариях. Но судя по теории, изложенной в этих планах, тот, кто написал про «12 июня», должен был понимать, что за 30 дней до этого должна быть объявлена мобилизация – т.е. где-то 12 мая. Но мобилизация не объявляется «просто так». Перед ней полезно бы начать сосредоточение приграничных войск к границе. И есть свидетельство, что нечто такое в начале мая 1941 г. выполнялось. Об этом рассказал бывший артиллерист Борис Моисеевич Овецкий, интервью с которым размещено на сайте «Я помню» (<http://iremember.ru/artilleristi/ovetskiy-boris-moiseevich.html>). В начале 1941 г. он служил в 235-м ГАП 75-й стрелковой дивизии 4-й Армии Белорусского ОВО в 400 км от границы в районе Мозыря. 5-го мая 1941 г. всю дивизию подняли по боевой тревоге по приказу о выходе на запад, к госгранице. Шли они ночными переходами, стараясь пройти за 5-6 часов ночного времени по 25-30 км. А днем во время привалов «набирались сил». И находилось время на политбеседы. Овецкого назначили на должность замполитрука батареи и ему приходилось их проводить. Инструктировал комиссар полка майор Разумейко. Тематика политзанятий по мере выхода к границе менялась. Овецкий:

«В начале похода основная тема и содержание бесед сводились к одному: «Наше наступление на сосредоточение немецких войск в Польше», перед нами ставилась задача уничтожить эту немецкую группировку.

Наступление предполагалось начать «с марша», и этим нам объясняли скрытность нашего передвижения, мы должны были незаметно сосредоточиться на границе для последующего удара. Такие беседы с комиссаром держали нас в постоянном напряжении и тревоге, в ожидании близкого начала войны. Причем, все красноармейцы и политработники свято верили, что мы не собираемся захватывать польскую территорию, что Красная Армия призвана только освободить соседний польский братский народ, поработанный

немцами. При этом, будет предотвращена угроза нападения Германии на нашу страну. Война будет на чужой территории и победа будет за нами.

По мере того как мы приближались к границе, темы бесед изменялись. О наступлении на немцев уже никто не говорил, никто о такой поставленной задаче и не упоминал.

Можно посчитать сроки. Поделив 400 км на длину одного ночного перехода в 25-30 км, получается около 15 ночей. Т.е. к границе они могли выйти к 20 мая. Так как 12 мая мобилизация не была объявлена, то становится понятно, почему «темы бесед изменялись, а о наступлении уже никто не напоминал». (По крайней мере на какое-то время).

Из-за чего же могли поменяться планы? Возможно, у Сталина были «виды» на то, что англичане окажут серьезную помощь Югославии, тем самым создав фронт на Балканах. Однако, этого не произошло. Да еще и заместитель Гитлера (Гесс) вдруг отправился в Англию скорее всего на какие-то переговоры. В связи с этим, возможно, после 11 мая и решили «повременить». Сталин и Гитлер обменялись письмами, по которым возникала новая дата – около 22 июня, когда Гитлер пообещал отвести свои войска от границы на «известное дело». Его письмо было доставлено в Москву «чартерным» «Юнкерсом» в четверг 15 мая. Вот и возникла необходимость обсудить ситуацию 24 мая. Вполне логично выглядит, что во второй половине 15 мая Сталин мог пригласить к себе Жукова и Тимошенко в понедельник 19 числа. Вполне понятно, что Жуков следом мог поставить задачу подготовить «тезисы доклада» «соображений». Вот их и сочинил генерал Василевский числа 16-18 мая (те знаменитые среди историков «Соображения... от 15 мая»). Об обороне там говорилось. Но немного. И только в качестве прикрытия (сборник «1941», т. 2, стр. 219):

«VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того, чтобы обеспечить себя от возможного, внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;»

«И подготовку их к переходу в наступление» – вот основная задача «обороны». При этом в плане мало согласуются слова об обороне с обсуждением мест возможных ударов немцев (и привязки к дате такого нападения). По поводу «испещренных исправлениями черновиков» и «отсутствии подписей», то во 2-м томе сборника «1941» на стр. 220 это объясняется так:

*«... Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза С. Тимошенко
Начальник Генерального штаба К.А.
генерал армии Г. Жуков*

ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д.237. Лл. 1(с об)-15. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР», выполненная рукой А. М. Василевского. Датировано по надписям на приложении – картах и схемах. Документ не подписан. Имеются исправления в тексте, выполненные, предположительно, рукой Г.К. Жукова. ...».

Т.е. подписей нет, но место для них есть – наркома и начальника ГШ. Если этот текст и был «заготовкой», с которой Жуков шел к Сталину, то понятно, что написан он мог быть кем-то другим (в данном случае Василевским). Но если Сталин высказывал замечания, то вносить их должен был лично Жуков (Василевского с ним в сталинском кабинете не было).

Потом, видимо, весь этот план обсуждался 24 мая там же в сталинском кабинете с командующими западными военными округами. Причем, без начальников штабов. С одной стороны странно, но с другой вполне понятно, что им некогда было отвлекаться на «общие» разговоры. Нахождение в Москве они, скорее всего, провели с большей пользой в отделах Наркомата обороны и в кабинетах Генштаба.

5.

Но не стали авторы 1-го тома вспоминать все эти подробности. У них возникла своя логика. От «20 дней» «устаревших теорий» в цитатах мемуаров маршалов к «20 дням» сентябрьских 1940 г. «Соображений...». А от них опять к тезису «устаревшей теории» (стр. 83):

«Анализ директив, отданных Генштабом командованию западных приграничных округов в мае — июне 1941 г., а также планов прикрытия, разработанных в округах непосредственно перед нападением Германии, показывает, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА вплоть до 22 июня 1941 г.»

Но какое же здесь «устаревание»? Без объявления мобилизации войска по полному штату никак не развернутся. Но если объявить мобилизацию и повезти войска к какому-то участку границы эшелонами, то понятно, чем это должно закончиться. Остается выяснить, как будет реагировать «сосед» по той границе. Возможно, ограничится объявлением мобилизации у себя (как например в Финляндии осенью 1939 г.). А может быть решится еще на что. Вот «бои местного значения» и могут возникнуть. Если войска «соседа» больше нигде не заняты. Но если вдруг окажутся заняты на другом ТВД, то тут еще вопрос: кто кого (больше перехитрит). Поэтому суть процесса вовсе не в каком-то «устаревании». Но в 1-м томе на стр. 83 несколько цитат из директив Генштаба, отданных в мае 1941 г. Киевскому и Западному ОВО, связывается именно с этим тезисом – что *«составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного отмобилизования и сосредоточения главных сил Красной армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий»*.

Кстати, эта фраза намекает на то, что в советском Генштабе вообще реально не учитывался вариант решительного наступления немцев на СССР сразу большими массами войск. Тем более, что майские директивы привязывались не

к дню вражеского нападения, а к шифрованной команде, которая должна была поступить из своего же наркомата:

«3. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного Военного совета, начальника Генерального штаба подписями следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.».

Не верили советские Главковерхи в немецкое нападение вплоть до утра 22 июня 1941 г.! Абсолютно! Но какие-то планы для чего-то разрабатывали! И не только «на всякий случай». Хотя команда «приступить» так и не возникла, но значительные передислокации многих частей выполнялись и происходили поближе к западной границе. И может возникнуть вопрос: если они выполнялись не по опубликованным «черновикам», то в связи с чем? В развитие каких планов?

Но 1-й том этого вопроса не касается. На стр. 83-84 он плавно переходит на старую байку о том, что «Соображения...» от 15 мая 1941 г. были составлены как бы в инициативном порядке с целью лишь предложить Сталину вариант «превентивного нападения», который тот якобы не заказывал. А потом, прежде чем представить его ему, «С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков решили сначала проверить его реакцию на идею упреждающего удара, и когда завели об этом речь, то получили недвусмысленный ответ в довольно резких выражениях. Сталин обвинил военных в стремлении спровоцировать Гитлера на нападение, так как широко-масштабные мероприятия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, занятие ими оборонительных сооружений у границы не могут остаться незамеченными и будут использованы германской стороной как повод для агрессии».

(Цитата со стр. 84 1-го тома). Странно. Так именно широкомасштабная мобилизация с развертыванием войск у западной границы в течение 20 (или 30) дней и закладывалась во все «Соображения...» еще с лета 1940 г.! Но тогда против таких действий товарищ Сталин почему-то резко не выражался. Тогда они его почему-то устраивали. А чем отли-

чались «Соображения...» от 15 мая? Принципиально практически ничем – лишь в конкретных «технических» деталях. Суть оставалась той же: войска по максимуму готовятся до мобилизации, затем проводится мобилизация, сосредоточение в течение 20-30 дней и – «вперед»! Рисовали-рисовали такие планы военные главковерхи совместно со Сталиным почти год и вдруг у него в последний момент нашлись какие-то «резкие выражения»! С чего бы это?

Причем, про «выражения» известно лишь со слов самого Жукова (как и вся эта байка). И доверия им наука оказывает почему-то значительно больше, чем неподписанным архивным документам. Настолько большое доверие, что 1-й том на них и завершает обзор советского военного планирования перед войной. И переходит к выводам (стр. 84): *«Таким образом, в 1939 – 1941 годах СССР не разрабатывал планов агрессивной войны против Германии. А записка не вышла за пределы Генерального штаба и была отправлена в архив».*

Хорошо! Согласимся! Планов «агрессивной войны» СССР не разрабатывал. А что тогда вообще разрабатывал? Очередность морских купаний на южном берегу Крыма? Оказание помощи колхозам в уборке озимых? Чем еще мог заниматься генеральный ШТАБ, как не разработкой каких-то военных планов? «Обороны от нападения»? «Неагрессивной войны»? С принципиальными отличиями? А факт немецкой атаки крупными силами хоть в одном из них учитывался? Можно ли посмотреть? Однако, в 1-м томе об этом нет ни одной цитаты.

Вместо них «важный вывод» продолжает развиваться (стр. 84):

«Истолкование рассматриваемого документа как предположения развязать войну не имеет под собой никаких оснований. Составители майских «Соображений...», учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. В. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной армии предупредить противника в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произой-

ти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война все-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе».

Гениальный вывод в своей оторванности от всякой логики и сути написанного черным по бумаге на предыдущих страницах! Предложение развязать войну не имеет оснований! Т.е. превентивно напасть в этих планах как бы даже и не предполагалось. Но составители майских «Соображений» все же каким-то образом учитывали вероятность начала войны. Каким же, каким? Видимо, возникнет какая-то третья сторона, которая насильно затащит Германию и СССР повоевать друг с другом. Поэтому и возникли предложения заблаговременно провести превентивное нападение. Иначе ж больше ничем не удалось бы «упредить» будущего противника. Но при этом война должна была начаться исключительно нападением Германии! (Т.е. таки успевшей сосредоточиться без помех со стороны РККА). Но угроза войны (якобы) на самом деле была не особо актуальной. Была надежда на полюбовный договорчик без войны. Зачем обязательно хвататься за крайние меры? Позвонить, договориться о встрече, сесть за хорошо сервированный стол, а там слово за слово и порешить вдруг возникшие недо-разумения. Кстати, а где она, та «напряженность»? Хоть один пример есть? Так какими оборонительными мероприятиями занимался советский Генштаб? Вовсе не подготовкой решительного наступления? Там же в 1-м томе:

«Советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае — какая-либо провокация со стороны Германии. Кроме того, докладываемые Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках ее вероятного нападения на СССР».

Хорошенькое дело: разведка только и сообщала, что сосед по границе точит топор. И лишь путалась в дате, когда им размахнутся. А с советской стороны почему-то считали,

что сильного размаха (во-первых) не будет. Вообще. Во-вторых, ударять им если и будут, то лишь по чуть-чуть. И главное, чем было (якобы) озабочено советское руководство: вдруг срочно занялось аутотренингом для самоуспокоения. Очень вовремя, надо сказать. А если что и делало, то одни лишь «ошибочные действия». Где же планы, где («обороты»)? Вообще никаких?

6.

И опять ссылка на мемуары Жукова (стр. 84):

«Таким образом, советское руководство допускало ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадет хронологически с началом военных действий. Напомним известное признание Г. К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов» [281]».

Коль не рассчитывали, то и планов на такую ситуацию никто сочинить не мог. Не было никаких планов отбить такое нападение! Сам маршал лично признался! Кстати, смо-
трим на ссылку 281:

«281 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 29–30».

Странно что взята цитата из такого старого издания. Ведь есть и поновее. Например, в двухтомнике 2002 г. (М.: Олма-Пресс, т. 1, стр. 225):

«Внезапный переход в наступление всеми имеющимися силами, притом заранее развернутыми на всех стратеги-

ческих направлениях, не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, ни руководящий состав Генштаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день компактными группировками на всех стратегических направлениях».

А если поискать эту цитату в 1-м издании? У меня лично есть доп. тираж 1972 г. Требуемое место находится на стр. 206. Но ... этих слов там вообще нет. Ни в каком варианте. Там есть три абзаца, которые отслеживаются и в других изданиях. Их начальные фразы:

«Военная стратегия строилась главным образом ...

Вновь начав работу в аппарате Наркомата обороны, я ...

В целом военная теория тех лет ...»

Вот средний абзац из этих трех в других изданиях исчез, превратившись в большую группу абзацев (в версии 2002 г. их там оказалось 10. Абзац со словами про «Внезапный переход ...» – 8-ой). Я еще могу понять, если в последующих изданиях могут возникнуть НОВЫЕ абзацы, которые ранее могла не пропустить цензура. Но почему при этом исчезают старые? А от издания к изданию в этих новых абзацах еще и меняются слова, хотя автор уже давно умер.

Но 1-й том не задается такими вопросами. Он предлагает цитату из других мемуаров – Павла Судоплатова (на той же 84 стр.):

«Непосредственный свидетель и участник событий тех лет, причем весьма информированный, П. А. Судоплатов, так откликнулся на развернувшуюся в начале 1990-х годов дискуссию по поводу советских предвоенных планов. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, – заявил он, – что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали предупредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий» [282].».

Перевожу мнение П.А.Судоплатова с русского на русский: «Должен сказать, однако, со всей ответственностью,

– заявил он, – что плана события «А» для предотвращения события «Б» не существовало. Жуков и Василевский предлагали выполнить событие «А» в случае начала события «Б».

И ни один доктор наук из авторского коллектива 1-го тома не заметил здесь логического противоречия. Уточняем еще раз: допустим, ожидалось событие «Б» (немецкое нападение). Чтобы его не допустить (или снизить последствия и потери) возникла идея выполнить событие «А» (упредить немцев). Т.е. событие «А» должно было произойти раньше события «Б» (иначе оно теряет смысл). Но судя по цитате весьма информированного П.А.Судоплатова событие «А» должно было начаться лишь после начала события «Б». Но так не бывает, чтобы одно и то же событие происходило одновременно и до и после другого события, которое оно должно было предотвратить. С одной стороны предотвратить, а с другой – дожидаться начала его выполнения. Или к науке истории законы обычной логики не применяются? И возникает проблема в объяснении. Как же ее попытались решить в 1-м томе? Читаем дальше стр. 84:

«Представляется все же, что советскому руководству не удалось найти адекватный ответ на проблему, связанную с осознанием неравности стартовых условий двух стран при осуществлении от мобилизации войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено».

Кто «признал» «проигрышность» начального этапа войны? Начальник генштаба Жуков? На это есть ссылки в предвоенных планах? Или ее «признали» авторы 1-го тома, чтобы объяснение получилось более «красивым»? Для чего тогда приводились цитаты из нескольких вариантов «Соображений...» в течение года до июня 1941 г.? Где там говорится о «проигрышности» и предлагались меры по снижению ее влияния? С другой стороны процесс от мобилизации – дело относительное. Какую-то часть войск можно «отмоби-

лизовать» заранее. И заранее принять разные другие меры по укреплению обороны. В т.ч. и дипломатические. Зачем связывать результативность начального этапа войны исключительно с процессом отмобилизования? Опять только ради «красивости» объяснения? Видимо, понимая слабость такой аргументации, 1-й том предлагает еще одну причину «проигрышности» лета 1941 г. (стр. 84-85):

«В мае 1941 г., после полета Гесса в Великобританию, ситуация требовала немедленных действий по форсированию соответствующих мероприятий, пусть даже ценой несоблюдения маскировки, – именно это имел в виду А. М. Василевский, когда говорил о необходимости «смелого шага вперед» к «Рубикону войны», на что Сталин вовремя не решился. Выступить инициатором начала военных действий в тот момент, когда назревал, как опасались в Москве, англо-германский компромисс, означало бы для СССР не только отказаться от выгод, которые давал ему статус нейтрального государства, и навязать себе войну с очень сильным и опасным противником, но и стимулировать примирение между Берлином и Лондоном».

Строго говоря, полет Гесса в Британию сам по себе ничего не требовал в плане форсирования чего-то. Передислокация воинских частей делается не каждый день и не за один день. Завязаны в этом мероприятия массы людей, служб, разного транспорта. Поэтому без заранее разработанного серьезного плана не обойтись. И вряд ли в нем было место неожиданному полету Гесса.

Англо-германский компромисс назреть мог лишь в виде английских уступок Гитлеру на период некоторых уступок со стороны последнего. И в связи с тем, что у Англии были проблемы с пополнением запасов. Но если в дополнение к ее фронту против Гитлера на западе вдруг возник бы еще один фронт против Гитлера на востоке, то ничего плохого в этом для Британии не было бы. В Британии это восприняли бы только с облегчением. Английский посол Криппс целый год оббивал пороги советского наркомата иностранных дел именно с намеками создать

англо-советское «взаимопонимание» в отношении Германии. Его (для приличия) один раз допустили к товарищу Сталину, на чем «взаимопонимание» и закончилось. В дальнейшем намеки Криппса пришлось неоднократно выслушивать Вышинскому. Но он их так и «не понял», хотя обещал донести «куда следует».

И что представляют из себя выгоды, которые дают СССР статус нейтрального государства? Одновременно торговать с обоими противниками? Да, конечно, начав воевать с одним из них, продолжать с ним коммерцию уже не получится. «Базар» с немцами закроется. Но наверное есть выгода вступить в войну с ними на стороне пока еще имеющегося их противника, чем дожидаться их обоюдного «компромисса»? Если угроза войны ощущалась, то чего тянуть? С чего это вдруг Лондон ускорит примирение с Берлином, видя, что против Берлина возникает еще один нехилый противник? Или не позволят идеологические разногласия – угроза той самой «мировой революции»? Но ведь посол Криппс уже давно намекал «скооперироваться» против Берлина. Достаточно было согласиться, торжественно подписать советско-английский договор о ненападении (а потом и договор о дружбе, не дожидаясь 1942 г.) и никакие полеты Гесса уже не имели бы особого смысла. Однако, 1-й том в очередной раз излагает странный вывод (стр. 85):

«В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств».

Какой? Какой еще «коалиции»? В смысле, Гитлер ударит по СССР с запада, а англичане с юга (через Кавказ, пустыни Туркмении и горы Памира)? Очень оригинальная гипотеза. Хотя, в некоторых «Соображениях...» именно Англия воспринималась в СССР более главным противником еще задолго до полета Гесса. Длительное отталкивание протянутой руки Криппса вполне могло развернуть ее в сторону Берлина. Так почему нельзя было принять ее вовремя? Разве в Москве это не понимали? (Стр. 85):

«Кроме того, политическое руководство и командование РККА не могло не понимать, что страна и вооруженные силы еще не были готовы к войне. Экономика не была переведена на военное положение. Производство новых образцов танков, самолетов и других видов вооружения только началось. Красная армия находилась в стадии коренной реорганизации. В этих условиях Советскому Союзу было крайне необходимо оттянуть начало войны хотя бы на один-два года».

Опять «за рыбу гроши»... Не успев углубить тему новой коалиции Гитлера с кем-то, опять вытаскивается заезженная виниловая пластинка про нехватки «новых» вооружений. Ну и что, что их производство только начиналось? Или в очередной раз надо напоминать, что этот процесс происходит постоянно? Пока заводы только начинают налаживать под них конвейер, конструкторские бюро на месте не стоят, а создают еще более новейшие. А их потом куда? Или все военные КБ летом 1941 г. прекращали свою работу? А все остальные образцы, которыми были забиты склады, разом списывались как бесполезные?

Какое-то странное получается объяснение. Сначала на многих листах доказывается, что Красная Армия была ну никакая. На треть поломана, а остальное устарело, не изучено личным составом, командиры растеряли инициативу и вообще РККА «закрыта» на «большой переучет» (на один-два года). Но при этом её же Генштаб только и озабочен проблемой организации «учений» в сторону Одера (то ли через Краков, то ли через Варшаву). При этом потенциал немцев для неожиданного противодействия почти не учитывался. И вообще все карты попутал полет Гесса. А вдруг к неожиданному удару немцев (которое вообще не ожидалось) неожиданно ударят англичане через горы Кавказа и Памира? А Красная Армия на переучете! Это ж сплошная проигрышность с самого начала войны! Вероятность которой, однако, вообще-то не была однозначной. Поэтому советский Генштаб что-то там продолжал «Соображать...» в какой-то надежде, что все обойдется. В первую очередь, с большой наде-

ждой на некую «напряженность», за время которой и удасться окончательно «сосредоточиться» где надо. Хотя, было бы лучше «оттянуть». Вот в таком «броуновском движении» и находилась военная машина СССР до лета 1941 г., когда вдруг возникло новое «понимание».

7.

Стр. 85:

«Когда советское военно-политическое руководство осознало, что войны с Германией в самое ближайшее время не избежать, вооруженные силы явно отставали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами. Сосредоточение и развертывание войск Красной армии осуществлялось как реакция на становившуюся все более явной угрозой германского нападения и поэтому не могло не запаздывать по сравнению с аналогичными мероприятиями врага. Поэтому, вероятно, Сталину в последние мирные дни не оставалось ничего иного, как продолжать прежнюю линию: «во что бы то ни стало выиграть время», «еще неделю, еще 15—20 дней...», «не поддаваться на провокации...», избегать действий, которые могли ускорить выступление Германии. «Все помыслы и действия Сталина в это время, – писал Г. К. Жуков, – были пронизаны одним желанием – избежать войны или оттянуть сроки ее начала – и уверенностью в том, что ему это удастся» [283]».

....

283. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 324.

Интересно, в научном академическом издании группа профи-историков в качестве обоснования очередного важнейшего вывода о действиях советского высшего руководства перед самой войной приводит цитаты из мемуаров заинтересованного должностного лица. Сослаться на какие-либо документы они почему-то не смогли. 70 лет поисков в архивах оказалось недостаточно. Причем, даже не указали год издания мемуаров – пойдешь проверить, а были ли те слова маршала вообще?

Для начала я заказал поиск в электронной копии 12-го издания, в 9-й главе «Накануне Великой Отечественной войны». И такие слова маршала нашлись. Но в 1-м томе при цитировании их немножко «укоротили», отчего смысл несколько изменился. Вот эта цитата в более полном виде (стр. 246):

«Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием – избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся.»

Сравнивая эти цитаты, становится понятно, что Жуков писал не о всем известной истине о желаниях и помыслах Сталина, а о том, что это было его личное мнение, которое сформировалось при определенных обстоятельствах. И еще вопрос, насколько оно правдиво.

Эти же слова нашлись и в более ранних изданиях. В том числе и в 1-м (доп. тираж 1972, стр. 223) и в 7-м (1974, 1-й том, стр. 287). Но там не было фразы: *«над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией»*. К 13-му изданию между этим и предыдущим абзацем были добавлены еще 8 из «вновь найденных записок маршала». И еще 11 «нашли» после него. В добавленных абзацах кратко перечислялись основные «общепризнанные» причины катастрофы лета 1941 г.: на Германию работала вся Европа, у СССР перед ней не было превосходства, сплошные нехватки в стране в 20-е и 30-е годы, территориальная система армии до 1939 г., незаконченная реорганизация РККА, опять нехватка новейших образцов, опять просчеты по времени, массовые репрессии и т.д. И все это говорится так, как будто товарищ Сталин никакого отношения к этому не имел. И даже «дрожал» от одной мысли о немецком нападении. Из-за чего (якобы) только и стремился его «оттянуть».

Но странно выглядит в этом свете чтение разных «Соображений...» с планами решительного наступления на «объ-

единителя Европы». Если действительно предполагалось отступление перед мощным противником, то по крайней мере планы должны быть более «оборонительными». Но их нет. Никаких. Одни только упоминания («вооруженные силы явно отставали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами»). Хорошо, допустим, все разговоры о неподписанных «Соображениях...» никакого отношения к принятым предвоенным планам не относятся. Тогда зачем их обсуждать в принципе? Покажите эти самые принятые предвоенные планы и читатель сам определит их правильность/неправильность. В сравнении что произошло летом 1941 г. Но их все не показывают. Вместо этого в 1-м томе пытаются хоть как-то объяснять наступательный характер обнаруженных и уже опубликованных «черновики» (стр. 85):

«Изложенные в «Соображениях...» планы первых операций РККА носят наступательный характер, что дало ряду историков дополнительный повод для обвинения СССР в подготовке нападения на Германию. Однако прямой связи между характером действий вооруженных сил и политическими целями войны нет. Наступление и нападение — разные вещи. Как представляется, Генеральный штаб и Наркомат обороны считали, что войска должны были быть готовы разгромить противостоящего им противника в любом случае. Советское командование не планировало отступления в глубь страны в духе 1812 г., рассчитывая с первых дней войны начать борьбу за стратегическую инициативу. Только такой вариант позволял надеяться на успешный исход столкновения со столь мощным противником, каким являлась нацистская Германия. И в этом не было ничего исключительного: все планы крупных держав — участниц как Первой, так и Второй мировых войн, были наступательными [284]. Даже Польша планировала «наступательную войну». Тем не менее никому не приходило в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».

Так что «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования никак не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г., или же служить аргументом в пользу некоей особой «агрессивности» СССР. Поэтому неправомерно использование некоторыми историками выражения «наступательная война» в качестве синонима войны захватнической, агрессивной. Очевидно, исследователи, используя выражение «наступательная война», имеют в виду способ действия вооруженных сил, вопрос же о целях войны остается за скобками».

Интересно посмотреть на ссылку 284. Какой же исторический первоисточник за ней скрывается? Читаем на стр. 98 1-го тома:

284 Исаев А В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004. С. 11—20.

«Советское командование не планировало отступления в глубь страны!» – сказали доктора наук и дали ссылку на ... «любителя» А.Исаева. На что-то посерьезнее сослаться не смогли. Даже не решились сослаться хотя бы на «Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева» (М.: ТЕРРА, 1991). Между тем Молотов о сути происшедшего в то время знал побольше Исаева, так сказать, «из первых уст» (причем, своих). И вот он в своих «откровениях» прямо заметил, что вероятность отступления таки предполагалось. Не могли только определиться, на каком рубеже удастся остановить немцев: под Смоленском ли, у Москвы или еще дальше. Стр. 31:

«– Известно, что было четырнадцать сроков.

– Нас упрекают, что не обратили внимания на разведку. Предупреждали, да. Но, если бы мы пошли за разведкой, дали малейший повод, он бы раньше напал.

Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступить. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступить – до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали.

Мы знали, что придется отступить, и нам нужно иметь как можно больше территории. ...

Мы делали все, чтобы оттянуть войну. И нам это удалось – на год и десять месяцев. Хотелось бы, конечно, больше. Сталин еще перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных».

Не имевший на момент написания 1-го тома никакой научной степени А.Исаев заявляет, что ничего страшного в том, что перед войной советский Генштаб рисовал наступательные планы. А бывший глава правительства (которому подчиняется Генштаб) заявляет, что обсуждались сценарии отступления. И кому верить? Желательно проверить документами. Черновики наступательных планов в архивах нашлись. Не найдены, однако, их «чистовики» с подписями и мокрыми печатями. Не найдены и отступательные планы (ни «чистовики», ни «черновики»). Кто, когда, где обсуждал «то ли до Смоленска, то ли до Москвы» – вообще документально не подтверждено.

И о чем говорит факт, что какие-то предвоенные планы участников 1-й и 2-й мировых войн были наступательными? Любой военный план – это инструмент политики на случай, когда не удастся договориться дипломатам. И есть надежда успешно попользоваться силой с небольшими потерями в связи со складывающейся обстановкой. Если бы войска Англии и Франции со своей стороны (западной) развернули бы решительное наступление на Германию в сентябре 1939 г., то для польской армии вполне могли возникнуть условия «двинуть» на Германию со своей стороны (восточной). Но не сложилось. Пришлось полякам про свой наступательный план забыть. Кстати, вполне возможно, что польское руководство рассматривало и вероятность отступления. На это может намекнуть история со «взломом» польскими математиками немецких шифровальных машинок «Энигма».

Очень кратко (в «вольном» переводе текста с англоязычного сайта) суть этой истории такова: в 20-х годах в немецкой армии для передачи радиосообщений высшего уровня секретности начала широко использоваться коди-

рующая машинка с названием «Энигма» («Загадка»). Это создало проблему для разведорганов Польши, которые пытались декодировать перехваченные сообщения. В результате нескольких случайных событий к полякам попали действующие образцы такой машинки. Это повысило интерес к работам по дешифрации. В 1932 г. в Польше создали криптографический отдел в познанском университете. После нескольких месяцев три его молодых математика – Мариан Раевский, Ежи Ружицкий и Хенрик Жыгальский разработали очень хорошие методы декодирования перехваченных сообщений «Энигмы».

В течение следующих лет (перед войной и в ее продолжение) поляки имели возможность читать перехваченные немецкие сообщения. Но так как технология «Энигмы» со временем усложнялась, то совершенствовались и методы «Отдела». Перед самым началом 2МВ поляки передали все свои ноу-хау и оборудование французским и британским союзникам. После 1 сентября 1939 г. Отдел криптографии был эвакуирован через Румынию во Францию. В октябре 1939 реорганизованное криптологическое подразделение снова начало расшифровывать сообщения «Энигмы». Оно официально действовало во Франции до ее падения 17 июня 1940. Потом они переместились в зону «Виши», где действовали до ноября 1942, когда немцы заняли южную Францию. Оттуда они перешли в нейтральную Испанию (дружественную Германии), где были интернированы. Двум криптологам и трем радистам удалось избежать ареста и добраться до Англии, но для остальных ситуация оказалась трагичной. Два старших офицера разведки и три инженера были пойманы Гестапо и посланы в немецкие концлагеря. Потом два офицера были освобождены армией США, три других погибли.

Британцы для применения польских методов «взлома» машинки «Энигмы» создали в Блетчли-Парке секретную организацию в составе около 10000 сотрудников («Операция «Ультра»). Декодированные сообщения использовались при проведении военных операций в Атлантике, в

Северной Африке, при высадке во Франции и в других операциях. Считается, что разгадка кода «Энигмы» сократила 2МВ в Европе от 6 до 12 месяцев и защитила Западную Европу от оккупации Красной Армией. По требованию Черчилля информация об «Операции «Ультра» была засекречена на 30 лет. И только после 1975 г. о ней начали информировать историков.

В 2000 году президент Польши Александр Квасневский посмертно наградил высшими военными орденами Раевского, Ружицкого и Жыгальского. Разгадка кода «Энигмы» признана многими военными историками и первыми лидерами стран как один из величайших вкладов в достижение победы над немцами.

Решение поляков передать методы «взлома» «Энигмы» союзникам возникло в связи с несколькими причинами. В декабре 1938 немцы ввели новые изменения, которые удлиняли зашифрованную последовательность, но существующая система «чтения» все еще позволяла выполнять дешифровку, хотя и за более длительное время. При этом группа польских криптологов достигала предела своих возможностей. В июле 1939 немцы стали добавлять в «Энигму» четвертый и пятый роторы. Эта информация была получена польской разведкой в Германии и вскоре была подтверждена криптологами анализом новых сообщений. На их основе и ошибок, сделанных немецкими операторами, польские криптологи смогли вывести разводку в новые роторы. Это стало возможно потому, что в течение некоторого времени немцы не использовали новые шифровальные методы и, соответственно, некоторые сообщения могли быть расшифрованы, хотя и за более длительное время (в 10 раз дольше). Единственным подходящим решением было создать более мощную декодирующую машину, состоящую из 60 «Бомб» или 60 комплектов перфокарт (одна «бомба» – это шесть машин «Энигмы», связанных вместе и работавшие на одном двигателе). Но это изменение не было сделано в связи с нехваткой ресурсов и возникшей угрозой войны. Руководитель польского Генштаба генерал В.Стахович принял

решение передать всю наработанную криптологами информацию французам и британцам.

Оно должно было быть выполнено в условиях строжайшей секретности с тем, чтобы сохранить всё в тайне от немецкой разведки. Была назначена специальная конференция на 25-27 июля 1939, на которую были приглашены французские и британские специалисты по криптографии.

Для обеспечения гарантии максимальной секретности, конференция была проведена в лесу Пыры около Варшавы. Жигальский представил «Энигму», сделанную в Польше и объяснил, как она работает. Он также рассказал, как они раскрыли код математическим анализом, связанным с информацией, представленной французским офицером разведки капитаном Г.Бертрандом. Следующее сообщение было сделано Раевским, который продемонстрировал шесть машин «Энигмы» (вариант «Бомбы»), который они использовали для дешифровки сообщений. На второй день он сообщил, что немцы теперь используют «Энигму» с пятью роторами и так как декодирующий процесс стал требовать в десять раз дольше времени, то существующие методы расшифровки потеряли практический интерес. Кроме того, совершенствуя «Энигму», немцы ввели штепсельный коммутатор от семи до десяти взаимосвязей, что еще более усложнило проблему дешифровки. Жигальский представил свой альтернативный метод, использовавший перфокарты, но из-за их очень большого количества работа по дешифрации слишком трудоемка и выполняется медленно.

Затем к французской и британской делегациям обратился начальник секции польской разведки полковник Г.Лангер. Он сообщил, что Польша ожидает скорого нападения со стороны Германии, в связи с чем правительство Польши приняло решение передать всю информацию, чертежи, перфокарты и образцы «Энигмы» союзникам. Польша не имела достаточных ресурсов и времени, чтобы продолжить эту работу. В течение двух недель через дипломатические кана-

лы французы получили две «Энигмы». 16 августа капитан Г. Берtrand в сопровождении командора В.Дундердаля (резидента британской разведки в Париже), послал в Британию посылку, содержащую машину «Энигму» и инструкции по декодированию ее сообщений. Спустя две недели, 1 сентября 1939, немецкие войска атаковали Польшу и начали 2МВ.

И вот тут может возникнуть предположение, что если бы поляки были уверены в реальности своих «наступательных планов», то у них не было бы смысла передавать союзникам свою базу по декодированию немецких сообщений. А коль такое решение было принято, то можно предположить, что полякам было понятно, что в одиночку они против немцев не выстоят. И самим фактом этой передачи они (возможно) надеялись добиться более серьезного отношения от АиФ к складывающейся ситуации (т.е. к необходимости реальной помощи Польше). По определенным причинам ее не оказали.

В т.ч. и потому, что та же Франция, объявив войну Германии и имея какие-то «наступательные» планы, ими не воспользовалась (до самого начала немецкого наступления в мае 1940 г.). Почему-то ждали-ждали чего-то и ... дождались (необходимости в срочной обороне). *«Тем не менее никому не приходило в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».*

Вопрос не в том, обвинять или не обвинять «потому что». А в том, лежали ли те «наступательные» планы Франции и Польши на полках в сейфах отделов тамошних РСО или в каком-то масштабе реализовывались? Двигались ли новые французские соединения поближе к границе с немцами в определенных выступлениях? Свозились ли польские стратегические запасы поближе к границе с Пруссией? Нашлись ли записи обсуждений выполнения планов нападения под руководством генерала В.Стаховича?

Вот это было бы поинтереснее простой ссылки на «большую ложь» «любителя».

8.

А что же в СССР? 1-й том с конца стр. 85 и до начала 87-й заполнен мнениями о ситуации «с противоположной стороны» (Гитлера, Риббентропа, Гальдера и других). В том смысле, что СССР в их понимании был слабым противником, который даже серьезную оборону не готовит. Не говоря уже про возможность наступления. И лишь дальше (на стр. 87) 1-й том возвращается к советским планам:

«Что касается Советского Союза, то рассекреченные в 1990-е годы документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке им нападения на Германию. Более того, нет достаточных оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной армии упреждающего удара по сосредоточивающимся у границы немецким войскам».

Кстати, на одном военно-историческом форуме я попросил объяснить разницу «нападения» от «упреждающего удара». Мне ответили, что я не различаю стратегию от тактики. Тогда со своей стороны я уточнил свое понимание этих терминов:

«Упреждающий удар» – это когда напали, прошлись по тылам в полосе километров на 100 от границы и вернулись назад. А посол вежливо сообщит, что, мол, это мы вовсе не «напали», а только лишь «профилактически» «зачистили» приграничную полосу на вашей территории («тактически»).

А «нападение» (на Германию) – это когда напали, прошлись по тылам в полосе километров на 100 от границы, но потом назад не вернулись, а двинули дальше от границы. Так сказать, «зачищать» и остальную территорию («стратегически») – «зачистить» вплоть до смены тамошнего правительства и системы власти.

Но присутствует ли и там и там сам факт «нападения»?

Или «упреждающий удар» выполняется без «нападения»?

Мне ответили: « – Вам и это разжевать надо? Нападение индифферентно к наличию войск противника у границы

(цель – нападение с завоеванием страны), а превентивный удар по сосредоточенным войскам противника имеет целью как раз эти сосредоточившиеся войска».

Еще более замечательно! Нападаем вообще не представляя, какие там войска противника: есть ли, нет, сколько – не важно. А если вдруг тех войск окажется столько, что пробить их не удастся? Главное – сочинить планы вообще в отрыве от реальности и от данных разведки? Невероятно! Нечем было заняться генералам Генштаба!

На что другой участник дискуссии уточнил: *«летом 1941-го СССР к агрессии не готовился, но выбрал стратегию «сокрушения» с приоритетом наступательных действий».*

Правильно: куда уж готовить агрессию, имея на треть поломанную армию, а остальные не обучены (и т.д.). Но «стратегия сокрушения» с «приоритетом» все же была выбрана. Может быть, в той «стратегии» была заложена идея срочного ремонта трети поломанной армии? Тогда конечно, о «приоритете наступления» поговорить могли. И планы нарисовать хотя бы в черновиках. А как же до действий? Стр. 87 1-го тома (продолжение):

«Конечно, советское руководство готовилось к войне: долгосрочные стратегические планы Гитлера, мероприятия германской армии по подготовке к вторжению с определенного момента не являлись для советского руководства тайной, и не реагировать на них было преступным легкомыслием».

Обсуждали, обсуждали найденные черновики планов и дообсуждались, что они не имели практического смысла и были отправлены на полку в сейф режимно-секретного отдела. Причем, в самый канун немецкого нападения. Т.е. вся предвоенная работа Генштаба оказалась бессмысленной. И пришлось советскому руководству как-то «реагировать». Ну не дураки ж они в конце-концов!

1-й том: *«Однако СССР не намеревался нападать на Германию. Мир с ней был для него во всех отношениях более выгодным, чем столкновение с непредсказуемыми последствиями».*

Кто сказал, кому что было более выгодным? «Советскому Союзу»? Или товарищу Сталину лично? Может быть, Советскому Союзу и было что-то выгоднее (например, разогнать колхозы). Но что замышлял товарищ Сталин – это другая тема.

1-й том: *«Выдвигая войска к границе, советское руководство продолжало искать пути преодоления кризиса мирными средствами».*

Итак, все предвоенные планы Генштаба с резкими выражениями были посланы в архив. Но войска к границе выдвигались. Каким же образом? Видимо, сами по себе. Без каких-либо планов. Генштаб самоустранился о этой темы. Кто же тогда двигал войска? Сами командующие на спичках разгрывали кому куда ехать? Или на стрельбище вместо мишени вешали карту СССР, по которой стреляли из пистолета с завязанными глазами, выбирая таким образом места будущей дислокации? И что самое интересное: правительство СССР (с товарищем Сталиным во главе с 5 мая 1941 г.) без препирательств выделяло кучу эшелонов под эти перемещения. Не имея никаких планов! И случайным образом все это оказалось «реакцией» на некие немецкие «приготовления». Причем, известно, что они как раз выполнялись именно по плану (с названием «Барбаросса» и с подписями и с мокрыми печатями). А советские... Ни планов, ни печатей. Одни выражения (резкие). В лучшем случае некие черновики.

И все это в рамках преодоления какого-то «кризиса». Почитать бы подробности про его суть. Но в 1-м томе до такой «мелочи» не дошли – видимо, оказалось «ненаучно». Более научно оказалось повторить еще и еще раз:

«Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, — спекуляции, не имеющие документального подтверждения».

Зарубите себе на носу: ни в 1941 г., ни в 1942 г. (далее везде) СССР нападать на Германию не собирался! Никак! Реагировать – реагировал. Даже без планов. Зачем какие-то планы? Их же не успели сочинить – успели только довести до Москвы на утверждение. Да и то не из всех округов.

А исходные «черновики» вообще были отправлены в архив. Поэтому все разговоры о плодотворной работе Генштаба по 16 часов в сутки – спекуляция. Чем он занимался – никаких документальных подтверждений. Одни лишь обрывки, написанные чьей-то рукой. Кому интересно уточнить автора почерка – флаг в руки. Но науке истории это без надобности.

1-й том (стр. 87): *«Планы стратегического развертывания на этот период [т.е. на 1942 г.] Генеральным штабом Красной армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г. Но это еще не означает, что Советский Союз непременно напал бы на Германию. Мощь Красной армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского государства. Таким образом, нападение Германии на СССР являлось неспровоцированной агрессией».*

При чем здесь «1942 г.»? Или Гитлер своим пятерым стенографисткам в присутствии свидетелей во всеуслышанье заявил, что нападает на СССР летом 1941г. превентивно, чтобы предотвратить советское нападение в 1942 г.?

1-й том (стр. 87): *«Для отражения агрессии на западе планировалось использовать 237 дивизий (155 стрелковых и горно-стрелковых, 51 танковую, 25 моторизованных и 6 кавалерийских), 15 воздушно-десантных, все противотанковые и 2 стрелковые бригады, 55 артиллерийских полков РГК и 159 авиационных полков. На Дальнем Востоке планировалось иметь ... «*

Подождите! В каких это планах «планировалось» «237 дивизий»? Которые были отправлены в архив (с резкими выражениями?) На полочку в сейф отдела РСО? Так чего ж их вспоминать? Если план был «зарублен на корню», какая разница, что там было написано? «237» ли дивизий, «224» или «186»? Столько слов исписать про отправку в архив неподписанных никем «черновиков» и вдруг ... в каком-то плане что-то планировалось! В каком? А-а-а... есть ссылка 293. Читаем:

«293 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 108».

Понятно. В двухтомнике документов «1941» искомого плана якобы не оказалось. Выложен в каких-то «очерках» в неизвестном году. Жаль, нет у меня этих очерков, не могу проверить, про какой же план там было написано. И в Интернете не нашел. Нашел только более полные данные: *«Великая Отечественная война 1941-1945: Воен.-ист. очерки: В 4 кн./ Глав. ред. комис.: В.А.Золотарев [и др.]; [Ин-т воен. истории]. – М.: Наука, 1998-1999. Кн. 1, «Суровые испытания». – 1998. – 544 с., ил.. – 2000 экз.*

Т.е. авторы 1-го тома в данном случае сослались на самих себя.

Но где-то мне уже попадались эти 237 дивизий! Но где?

Для контроля заказал поиск в данном документе и ... они нашлись! В 3-й части раздела «О ПОДГОТОВКЕ К НЕИЗБЕЖНОМУ». В справке (записке) зам. Начальника Генштаба РККА генерала Ватутина от 13 июня 1941 г. Кстати, этот документ есть во 2-м томе сборника «1941» под № 550. Там же говорится и про 186 дивизий (поближе к границе). И про перевозку тысячами эшелонов. И про 4 фронта. Не говорится только про одно – в рамках какого плана возникала такая численность, такая дислокация и такие задачи на перевозку. Странная ситуация: список есть, а обоснования расчета нет.

И опять упоминание каких-то планов в 1-м томе на стр. 87-88:

*«Для создания **запланированной** группировки советских войск на Западе необходимо было перевезти железнодорожным транспортом более 60 соединений, на что требовалось свыше трех тысяч железнодорожных эшелонов. Особенно много дивизий прибывало на юго-западное направление. Окончательное сосредоточение и развертывание войск на юго-западе ожидалось на 30-й день после объявления мобилизации, на северо-западе и западе — на 20-й. Все это ставило советские войска в затруднительное положение, поскольку завершение развертывания войск противника предполагалось на 10-15-й день».*

Интересное дело: в Белоруссии войска РККА сосредоточатся на 20-й день и будут еще 10 дней ждать, пока такой же процесс закончится во Львовском выступе? На том же военно-историческом форуме я задал этот вопрос. Мне ответили, что это неправильное понимание. Имелось в виду сосредоточение дополнительных где-то 60 дивизий. Если после объявления мобилизации их отправят в Западную Белоруссию, то из-за лучшей дорожной сети они там сосредоточатся за 20 дней. А если их отправят во львовский выступ – то на это уйдет 30. Завершение сосредоточения по каким-то там неназываемым планам (от которых нашлись лишь некие «черновики») могло быть в один срок, а не в два разных.

Но известно, что процесс выполнялся реально – после 13 июня ряд воинских частей начал передвижение к западной границе. Это вполне похоже на начало сосредоточения. Но без объявления мобилизации. Если признать, что объявление мобилизации с 23 июня планировалось заранее, то становится понятным смысл «Заявления ТАСС» от 13 июня. От 13 июня до 23 июня – 10 дней. Срок «20 дней» от 23 июня заканчивается в субботу 12 июля. Похоже на то, что 10 дней могли сэкономить до объявления мобилизации. А если могли на чем-то сэкономить еще неделю, то другой срок (еще ближе) – 6 июля. Но если после 13 июня началось сосредоточение (под прикрытием «Заявления ТАСС»), то тянуть с объявлением мобилизации уже никак было нельзя. Без разницы: нападут немцы или нет. Другой вопрос, что могли бы рискнуть ее не объявлять открыто. А через развешивание плакатов в проходных заводо. В понедельник приходят рабочие на завод отдохнувши, а на проходной плакат: «Родина-мать зовет!» Куда зовет – скажут в военкомате. И в отделах кадров уже есть списки кому за станок на смену, а кому домой за тревожным чемоданчиком.

Но такой «фокус» без тщательно проработанного плана невозможен технически. Не могут отделы кадров тысяч заводо и тысяч военкоматов гнуть отсебятину. Вот его фрагменты и выложены в 1-м томе со стр. 87:

*«Войска первого стратегического эшелона **планировалось** свести в четыре фронта, каждый из которых развертывался в пределах существовавших в мирное время военных округов. Один из них, Юго-Западный, который должен был отразить, как тогда представлялось, главный удар противника, создавался в пределах границ Киевского особого и Одесского военных округов. Дивизии РГК, прибывавшие из Московского, Уральского, ... и Архангельского военных округов, **должны были** объединяться в пять армий и составить второй стратегический эшелон».*

Итак, «много дивизий прибывало» реально к западной границе в начале лета 1941 г. В соответствии с каким-то планом. Об этом четко написано в 1-м томе после массы страниц обсуждения разного другого прочего. Но конкретно так и не сказано, как назывался тот план, когда он был наконец-то принят, какие имел цели и задачи. Исторической науке это оказалось не интересно и не важно. Более того, в 1-м томе специально отмечено на стр. 88:

*«Стремясь сократить сроки создания **ударных группировок**, советское военное руководство уже в мирное время разместило в районах их развертывания – в белостокском и львовском выступах – наиболее хорошо укомплектованные боевой техникой подвижные соединения. Они имели много новых танков типа КВ и Т-34. В этих же районах располагалось большое количество стрелковых соединений и артиллерии».*

Вот еще фрагмент неназываемого плана: оказывается в нем была задача создать какие-то две «ударные группировки». «Ударять» они могли лишь на запад (с вариантами: на северо-запад, на юго-запад, но это уже конкретика изгибов границы). Когда же советское военное руководство озаботилось их созданием? Передвинуть одно подвижное соединение (минимум «дивизию») уже требует массы эшелонов и определенное время в много дней. А тем более несколько (много) «соединений». Минимум пара месяцев. Т.е. май-апрель. Если не еще раньше. Плюс время на разработку плана – тоже не один день. Известно ли про какой-то мартовский план? Известно. Документ 1-го тома двухтомника

«1941» № 315. «Из плана Генштаба Красной Армии о стратегическом развертывании Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке» без номера 11 марта 1941 г.

Целиком его не опубликовали. Чего-то постеснялись. Но в 1-м томе уже нельзя было не упомянуть основные его цели и задачи. Вот и пришлось написать (стр. 88):

«Такая дислокация в полной мере соответствовала замыслу наступательных действий советских войск, так как они еще в мирное время занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника. Однако в случае успеха противника наши группировки сами оказывались под угрозой глубокого охвата.»

«Планировалось», «было запланировано», «должны были», «соответствие замыслу».

Какому? Где? В каком плане? Как он назывался? Когда он был принят? Когда начал отрабатываться реально? Мартовский от 11 марта 1941 г.? 1-й том стр. 88:

«Сравнивая советский план войны с германским, следует в первую очередь...»

В первую очередь следует изложить этот самый «план». А уже потом его сравнивать с чем угодно. Если план не выложен, а лишь на него идут ссылки, то любое сравнение окажется неполным и неправильным. Но нет в 1-м томе ни текста самого плана, ни данных когда он был утвержден, ни сроков реализации, ни даты начала выполнения. Вместо этого предлагается краткий комментарий. В том смысле, что немцы не стали отвлекаться в плане на какие-то отражения возможных советских ударов. А сразу запланировали наступательную операцию на определенную дату. К ней и делали привязку требуемых мероприятий по подготовке.

Советский же план (неназываемый) предполагал сначала какие-то бои местного значения приграничными дивизиями. Под прикрытием которых должно было проводиться отмотилизование и сосредоточение остальных «главных сил». В результате *«это ставило советские войска в сильную зависимость от правильного определения вероятного срока агрессии. ... Разработка советского плана войны характери-*

зовалась незавершенностью и обусловленной этим недостаточной освоенностью исполнителями».

Такой вывод сделали авторы 1-го тома. Не представив сам текст того плана. Но еще вопрос для чего в нем велся разговор про «бои местного значения». Никто не высказал предположение, что это было сделано лишь для «складности изложения» целей и задач. Ибо если бы удар противника расценивался реально, то и план должен был сверстываться к дате нападения. С выполнением еще в мирное время инженерной подготовки местности. А она до самого 22.06.41 практически на велась. И никаких планов о ней не известно даже в черновиках. Хотя теория имелась (например, «реферат» генерал Пуркаева с длинной таблицей расчета мероприятий на каждый километр фронта и в глубину своей зоны обороны). А отсюда можно предположить, что и все разговоры про отражение удара противника лишь разговорами и остались. В результате (стр. 88):

*«Советский план войны не способствовал успешному отражению нападения противника Фактическое отсутствие предполья при планировании обороны ставило войска Красной армии в случае внезапного нападения в крайне невыгодное положение. Принятый план мобилизации порядок доставки личного состава, автотранспорта и тракторов из глубины страны в условиях нанесения противником первого удара всеми силами ставил мобилизацию под угрозу срыва. **Просчетом планирования являлись чрезмерное внимание к наступлению и подчинение этому всех мероприятий, а также недооценка обороны.**»*

Не было у Генштаба Красной Армии плана обороны от немецкого нападения! Не было! Никто его не разрабатывал. Все варианты касались только тщательного расчета наступления. Надо полагать, что была там и какая-то дата завершения подготовки. Но она оказалась не к «22 июня». К 22 июня *«группировка советских войск на западе оказалась не развернутой и не готовой к военным действиям»*. (Там же в 1-м томе).

9.

Говорили-говорили авторы этой книги, что СССР не готовил наступление на Германию в 1941 г. и договорились, что только об этом и велась речь в неназываемом плане. Только эту задачу и обрабатывал Генштаб. Совершенно не учитывая вероятность решительного немецкого нападения. Конечно, в этих условиях любой армии придется понести неоправданные потери и принятие решений в авральном порядке. Неужели советская разведка не увидела угрозу подготовки нападения с немецкой стороны? Как дальше написано на стр. 88 1-го тома, такая информация поступала. Еще с 1938 г. И особенно с середины 1939 года. А также в 1940 г. *«9 июля 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал В. И. Тупиков доложил о переброске немецких войск с запада на восток».*

Действительно, в двухтомнике «1941» за 9 июля 1940 г. есть документ *«№ 41. Записка начальника 5 отдела ГУГБ НКВД СССР в Разведуправление РККА с просьбой дать оценку материалам о подготовке Германии к войне против СССР № 5/8175».* Но подписан он не Тупиковым, а начальником 5 Отдела ГУГБ НКВД СССР Фитиным. Возможно, при его составлении и использовались какие-то сведения от Тупикова. А также в нем говорится, что *«2. В ближайшие дни намечены большие наступательные операции немцев против Англии».*

И дальше в двухтомнике «1941» приводится масса сообщений разведки с номерами и датами об усилении немецкой группировки у западных границ с СССР. Вплоть до июня 1941 г. Разведка только и кричала: немцы стягивают войска для нападения! Но в рассматриваемом 1-м томе нового 12-томника в этом месте больше ничего нет о том, как немцы наращивали свои войска у границы с СССР с июля 1940 по июнь 1941 г. Дальше просто отмечается, что перемещение советских дивизий и корпусов к западной границе выполнялось советским военным руководством как бы в ответ на «наращивание сил противником». Как бы даже не по какому-то плану, а в виде «меры по усилению западных приграничных округов». И этот процесс продолжался в том числе и после 13 мая 1941 г.

Странная получается картина. С одной стороны советский Генштаб только и сочинял очередные «Соображения...» с преобладанием наступательных операций в западном направлении, периодически их совершенствуя. И похоже на то, что именно такого смысла план и был принят к осуществлению где-то не раньше марта 1941 г. А с другой велся как бы отдельный процесс просто «усиления» войск западных округов «в ответ» на угрозу со стороны Германии. И ничего не говорится, делался ли он по какому-то особому плану. С неуказанной ссылкой на мемуары Жукова оглашается идея, что он и Тимошенко якобы пытались убедить И. В. Сталина в необходимости принятия мер по повышению боевой готовности войск приграничных военных округов. Но Сталин якобы отклонял эти предложения из-за нежелания дать какой-то повод немцам. Если почитать журнал посетителей сталинского кабинета в Кремле за первую половину 1941 г., то окажется что Жуков и Тимошенко провели в нем много часов. За один только предвоенный месяц в общей сложности около суток. И разве все это время они обсуждали только одну задачу – повысить боеготовность или не повысить? А Сталин все их предложения по повышению неизменно отклонял? Из часа в час?

– Товарищ Сталин! Давайте повысим боеготовность!

– Нет!

– Товарищ Сталин! Но немцы же готовятся! Надо ж и нам повышать!

– Я же сказал: «нет!» Не понятно? Хотите лишний повод для провокаций?

– Товарищ Сталин! Ну давайте наконец-то повысим боеготовность!

– Сколько можно говорить «нет!»?

....

Так?

Из часа в час? Других тем не находилось?

А как же реализация принятого не ранее марта плана с наступательными целями? А как же обсуждение мероприятий по усилению западных военных округов? Сами по себе?

Сколько же было в СССР Генштабов и сколько планов они сочиняли?

Получается, что с одной стороны готовилось наступление и одни части ехали в свои какие-то места. С другой происходил процесс «усиления» и другие части ехали в другие места. При этом в нужных местах боеготовность не поддерживалась, чтобы «не дать повода». Стр. 89:

«Советское руководство понимало, что Красная армия еще не готова к войне. Поэтому его главная цель в 1941 г. состояла в том, чтобы любой ценой избежать войны, оттянуть ее хотя бы до 1942 г., выиграть время и завершить подготовку страны к отпору агрессору».

Во-первых, «до 1942» «роли не играло», так как некоторые мероприятия (как говорилось выше) имели сроки выполнения к концу 1942 г. Т.е. если и «оттягивать», то в идеале аж до весны 1943 г. Но согласится ли с этим Гитлер? А если ударит раньше? Пусть так и нападает на неподготовленные советские «главные силы» у границы?

Но не дает на это ответ 1-й том. На оставшихся у 1-й главы двух страницах (89 и 90) приводятся совсем уж запутанные объяснения, без связи с имевшимися у Генштаба планами. Оказывается, с февраля 1941 г. советское военное руководство таки начал беспокоить процесс увеличения немецких войск у границ с СССР. В связи с этим какие-то меры по усилению предпринимались. Но не в плане подготовки конкретной обороны. Даже в конце мая и начале июня темпы «усиления» не повышались, хотя от войсковой разведки и от пограничников участилась информация о близком немецком нападении. Неизвестно исходя из каких соображений 19 июня начальник Генштаба («от имени наркома»!) приказал занять фронтовые управления к 22–23 июня. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в тот же день почему-то приказал привести флоты и флотилии в оперативную готовность № 2. Но объявить в войсках хотя бы тревогу и перевести на казарменное положение не посчитали нужным. Заканчивается стр. 89 перечнем боевого состава советской приграничной группировки:

«Группировка советских войск на Западе с учетом 16 дивизий РК насчитывала 3 млн. человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11,0 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов [294]. Эти цифры свидетельствуют, что, уступая противнику в личном составе и артиллерии, советские войска, расположенные на Западном театре военных действий, превосходили его по числу танков и самолетов».

И опять сравнение «в слепую». Где же цифры по немцам? Листать страницы куда-то назад или вперед? Почему нельзя показать их здесь же? Почему-то не показали. Например, известно, что немецких танков было – в 3 раза меньше! Причем, практически все они были легкими и наполовину устаревшими. Смотрим данные статьи А. В. Лобанова «Танки и танковые дивизии вермахта на границах СССР 22 июня 1941 года» («Военно-исторический журнал», 2003, №: 5, стр. 10-13):

Легких танков всего 1698, из них:

Т-I – 180; Т-II – 746; 35-t – 149; 38-t – 623.

Средних танков всего 1504, из них:

Т-III – 1065, Т-IV – 439

Штурмовых орудий – 250.

Всего танков и штурмовых орудий вермахта – 3452.

Танков и штурмовых орудий сателлитов – 260 (вступили в войну позже).

Общее число танков и штурмовых орудий – 3712.

Вообще-то превосходство в 3 раза это «подавляющее превосходство». Но в нужный момент подавить оно почему-то не смогло. Значит, были какие-то причины. Как же без них? Никак. Вот вместо сравнительных цифр на последней стр. 90 1-й главы 1-го тома опять заведен «плач» про «превосходство немецкого качества»: *«Однако общее качественное превосходство было на стороне противника, и оно, как показали последующие события, имело в начале войны решающее значение».* В чем же оно заключалось? Например, – *«новых танков типа KV и Т-34 в войсках было 10—12 %».* Остальные ... в основном стояли в ожидании ре-

монта. Но запчастей хватало лишь на 10%. Подобная картина наблюдалась и в авиации. Радиостанций было «всего лишь» 34 тыс. (Много это или мало? А батареек на всех хватало? А зарядных станций?) Не хватало и грузовиков и т.д. Сплошные нехватки и недостатки. Тут противник с часу на час ударит, а Генштаб в полной прострации. Какие-то мероприятия смог выбить «у кого-то», но «явно недостаточно». И вообще *«существенную роль играло наличие у войск Германии богатого опыта почти двухлетних боевых действий в Европе».*

Двухлетних? Можно посчитать поконкретнее:

– 2 недели боев в Польше в сентябре 1939 г.

– 1 неделя боев в Дании и Норвегии (очень) «ограниченным контингентом».

– Максимум месяц боев в Бельгии и Франции группировкой поболее.

– И еще в районе недель в Югославии и Греции.

Итого набирается месяца три. Ну так и РККА за этот период «сиднем не сидела». Одна война с Финляндией продолжалась дольше всего «богатого боевого опыта» немцев в Европе.

«Заканчивался последний мирный день. В Генеральный штаб из войск поступали сообщения одно тревожнее другого. В поведении противника отмечались явные признаки подготовки к немедленному переходу в наступление. Работники Наркомата обороны, несмотря на поздний час, не покидали своих рабочих мест».

Процесс подготовки «Приказа без номера» (потом переименованного в «Директиву номер один») даже не упомянут.

И чем же занимались работники Генштаба на своих рабочих местах?

Хоть кто-то догадался снять трубку телефона и объявить боевую тревогу приграничным частям? А если не догадался, то это означает, что в никакое немецкое нападение никто не верил. До самого утра 22 июня 1941 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко в 1-м томе тема советского предвоенного планирования объясняется так:

1) Сначала дается обзор всех родов войск РККА с объяснением, что в каждом из них треть всего была поломана, а остальное не особо лучше. Новые модели не освоены и имеют технические недостатки. Старые устарели. У солдат мало опыта. У офицеров грамотности. И вообще РККА была на «переучете», на реформировании, на полной реорганизации. И т.д. И делается вывод, что такая армия никак не могла куда-либо наступать.

2) Затем приводится несколько кратких цитат из нескольких «Соображений...» с попутанной последовательностью в объяснении подготовки наступления на Германию то ли севернее Бреста, то ли южнее. В октябре 1940 г. был утвержден южный вариант. Дошли те «Соображения...» до утвержденного плана или не дошли – не известно. Какую-то попытку «упреждающего удара» на Германию Генштаб как бы попытался сочинить, но товарищ Сталин его отверг с выражениями. И тот план отправили в архив.

3) После чего возникли неоднократные призывы поверить, что никакого наступления летом 1941 г. СССР на Германию не готовил. Никак. И в мыслях не было. (Зарубите себе на носу). Только и думали как бы возможную войну оттянуть. В идеале до 1943 г. (или хотя бы до 1942 г.). Хотя и на 1942 г. плана наступления на Германию тем более не было. Какое наступление, если план был отправлен в архив?

4) А в конце главы кратко упоминаются разные передислокации некоторых частей РККА к западной границе весной и в начале июня 1941 г. в соответствии с определенным пла-

ном (неназываемом). Становится понятно, что в нем было многое прописано. Но как – его текст в томе не озвучен. И вообще эти действия объясняются в виде реакции советского военного командования на усиление немецкой группировки у советских западных границ. Увидело советское военное командование угрозу со стороны Германии и начало со своей стороны реагировать в подготовке обороны («в ответ»). Но реагировало как бы медленно. И не уточняется, было ли согласование этого «ответа» с «соображениями...» на наступление.

5) Однако и в ночь на 22 июня 1941 г. никто в Генштабе не догадался позвонить в штабы западных военных округов и хотя бы объявить боевую тревогу.

б) Теория мото-мехвойны не упоминается как класс кроме нескольких намеков о «глубокой операции».

На этом объяснения и закончились. Вместе с первой главой. Вот такое получилось фундаментальное научно-академическое объяснение темы предвоенной советской подготовки. Прямо скажем, как-то не очень убедительно и последовательно. Однако, на сегодня другого не существует. Все другие варианты озвучены разными любителями, не имеющими к серьезной науке никакого отношения. Тем ценнее становится важность внимательного чтения результата многолетнего труда серьезных ученых.

Возможно, какие-то фрагменты из неназываемого плана могут появиться в следующей главе 1-го тома (про начало войны). А также во 2-м томе. Но для этого их надо тщательно почитать. Отдельно. И это уже другой разговор. А этот приходится заканчивать.

25.12.2011,

07.09.2013 (некоторые исправления, изменения и дополнения).

К. Закорецкий

Война теорий о 1941-м

***Часть 1-ая
«Готовность номер один»***

*Верстка, допечатная подготовка
и печать*

Издательство «ТОФИ КИМЕ»

(Свидетельство о внесении в Государственный реестр ДК №4271 от 29.02.12)

*Украина, 02125, г. Киев
проспект Освободителей, 17-А
тел./факс: (044) 540-22-11
www.tofkime.com.ua*

Подписано в печать 16.09.2013
Формат 64х90/16. Гарнитура Cambria
Бумага офсетная. Печать цифровая
Тираж 10 экз. Усл. печ. л. 17,07